

Зона Икс

misterium

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДЖЕФФ
ВАНДЕРМЕЕР
КОНСОЛИДАЦИЯ

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ

Стивен Кинг

ЭКСМО

misterium

Зона Икс

**ДЖЕФФ
ВАНДЕРМЕЕР
КОНСОЛИДАЦИЯ**

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)
В 17

Jeff VanderMeer

AUTHORITY

© 2014 by VanderMeer Creative, Inc. Published by arrangement
with Farrar, Straus and Giroux, LLC, New York.

Иллюстрация на переплете *Anatolia Дубовика*

Вандермеер, Джейф.

В 17 Консолидация / Джейф Вандермеер ; [пер. с англ.
А. В. Филонова]. – Москва : Эксмо, 2015. – 384 с.

ISBN 978-5-699-78497-4

В таинственной Зоне Икс не бродят мутанты и охотники за наживой, оттуда не приносят удивительных артефактов. Там просто исчезают навсегда – или возвращаются, но странно и жутко изменившись. В очередной бесплодной экспедиции сгинула директор Южного предела – тайной правительской организации, изучающей Зону. Теперь новому директору предстоит разобраться в наследии пропавшей. Проблема в том, что для постороннего эта организация оказывается загадкой не менее запутанной, чем сама Зона. Где результаты исследований? Почему так странно ведет себя персонал? Чем здесь занимаются на самом деле? Проникая в тайны Южного предела, новый директор приближается к ужающему открытию...

УДК 82(1-87)
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-699-78497-4

© Филонов А. В., перевод на русский
язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ВОРОЖБА

000:

В снах Контроля царит раннее утро, небо насыщено-синее с едва проклевывающимся намеком на свет. Он смотрит со скалы в пучину, залив, бухту. Каждый раз по-другому. Его взгляд проникает в недвижную воду на целые мили. Он видит океанских левиафанов, скользящих в глубине, будто субмарины, колоколообразные орхидеи или широкие корпуса кораблей, безмолвные, пребывающие в непрестанном движении, и сами их размеры источают такое ощущение мощи, что даже высоко над ними он чувствует потрясения, порождаемые их прохождением. Часами взирает на их формы, движения, вслушивается в шепоты, эхом докатывающиеся до него... а затем падает. Медленно, невероятно медленно, беззвучно падает в темную воду, без всплеска, без малейшей ряби. И продолжает падение.

Порой это случается наяву, словно он был недостаточно осмотрителен, и тогда он беззвучно повторяет собственное имя, пока реальный мир не возвращается к нему.

001: ПАДЕНИЕ

День первый. Начало его последнего шанса.

— Это и есть выжившие?

Контроль стоял рядом с заместительницей директора Южного предела за замызганным односторонним зеркалом, глядя на троих индивидуумов, сидящих в комнате для допросов. Вернувшихся из последней экспедиции в Зону Икс. Первой из экспедиций Двенадцатой цикла, или X.12.A, если говорить точно.

Заместительница директора — высокая худая чернокожая женщина в возрасте за сорок — не откликнулась, что ничуть не удивило Контроля. С момента его прибытия нынче утром, потому что понедельник он посвятил обустройству, она не одарила его лишним словом. Да и взглядом, если уж на то пошло, исключая лишь момент, когда он указал ей и остальному персоналу звать его Контролем, а не Джоном или Родригесом. Помедлив мгновение, она ответила: «В таком случае зовите меня Пейшэнс, а не Грейс», — к сдержанной потехе присутствующих. Смена значащего имени «милость» на столь же значащее «терпение» заинтересовала его. «Ладно, — ответил он. — Я могу звать вас просто Грейс», — в полной уверенности, что это придется ей не по нраву. Она парировала тем, что постоянно упоминала о нем как об «исполняющем обязанности» директора. И это было правдой: между ее восхождением на должность и его вознесением лежала пропасть, бездна времени и заполненных формул яров, выполненных процедур, откапывания и найма персонала. Так что до поры вопрос о полномочиях оставался открытым.

Но Контроль предпочитал воспринимать ее не как милость или терпение, а как абстракцию, а то и обструкцию. Она заставила его высидеть старое вводное видео о Зоне Икс, хотя наверняка знала, что оно охватывает лишь азы и давно устарело. Она уже дала понять, что их отношения будут строиться на враждебности. Во всяком случае, с ее стороны.

— Где их обнаружили? — спросил он теперь, хотя на самом деле хотел спросить, почему их не держат порознь. Из-за нехватки дисциплины, из-за того, что ваш департамент давным-давно превратился в крысиное гнездо? Крысы сейчас в подвале, грызут все подряд. А может, уже в стенах.

— Прочтите материалы, — отрезала она, давая понять, что ему следовало уже сделать это.

И вышла из комнаты.

Оставив Контроля в одиночестве созерцать папки на столе перед собой и трех женщин по ту сторону стекла. Конечно же, он прочел досье, но надеялся тихой сапой скользнуть мимо недреманной бдительности заместителя директора, а то и услышать ее собственные мысли. Он местами прочел и ее личное дело, но по-прежнему не имел о ней ни малейшего представления, не считая ее реакции на него самого.

Его первому рабочему дню едва исполнилось четыре часа от роду, а Контроль уже почувствовал отравляющее воздействие потрапанного, гротескного здания с истертым зеленым ковролином и закоснелыми мнениями встретившегося персонала. Ощущение упадка пронизывало все и вся, даже солнечный свет вливался в высокие прямоугольные окна как-то неуверенно и уныло. Контроль надел свой обычный черный блейзер и брюки, белую рубашку с голубым галстуком и

черные туфли, надраенные сегодня утром до блеска. И теперь ломал голову, зачем было так стараться. Ему не нравились такие мысли, потому что он и сам находился не над всем этим, а в самой гуще, но отогнать их было трудновато.

Контроль не спеша разглядывал женщин, хотя вид их ему практически ничего не говорил. Всем им выдали одинаковую спецодежду, в которой они смутно напоминали то ли военных, то ли уборщиц. Головы всем им обрили, словно они перенесли заражение некими паразитами вроде вшей, а не нечто куда менее постижимое. У всех на лицах было написано одно и то же выражение, вернее сказать, отсутствие всякого выражения. Не воспринимай их как обладательниц имен, внушал он себе в самолете. Пускай поначалу несут лишь бремя своих функций. А все остальное потом. Но поддержание отстраненности никогда не было сильной стороной Контроля. Ему всегда нравилось погружаться, отыскивая уровень, на котором детали проясняются, не ошеломляя его.

Топографа нашли на заднем дворе ее дома, сидящей в кресле в патио.

Антрополога обнаружил ее муж, когда она поступала в заднюю дверь дома, где он ведет свою медицинскую практику.

Биолога застали на пустующей заросшей стоянке в нескольких кварталах от ее дома, уставившей взор на крошащуюся кирпичную стену.

В точности как и члены предыдущей экспедиции, ни одна из них не имела ни малейшего представления, как отыскала обратную дорогу через невидимую границу Зоны Икс. Ни одна не знала, как обошла блокпосты, заграждения и прочие препятствия, выстав-

ленные военными вдоль границы. Ни одна не ведала, что случилось с четвертым членом экспедиции — психологом, на самом деле заодно являвшейся директрисой Южного предела и отвергшей все возражения против того, чтобы она инкогнито возглавила их.

Похоже, ни одна из них толком не помнила вообще ничего.

В то утро, наведавшись ради завтрака в кафетерий, Контроль поглядел за широкое, во всю стену, окно во двор с уймой каменных столиков, а потом на людей в шаркающей очереди — как-то их маловато для столь обширного здания — и спросил Грейс:

— А почему это никто не испытывает особого восторга от того, что экспедиция вернулась?

Она одарила его долготерпеливым взором, будто особенно тупого ученика класса для умственно отсталых.

— А как по-вашему, Контроль? — она уже ухитрилась наделить это прозвище ироническим оттенком, так что он почувствовал себя грузилом на одной из дедовских удочек, которому суждено торчать в илистых наслоениях у дна десятков озер. — Мы все это уже проходили с прошлой экспедицией. Им пришлось вытерпеть девять месяцев бесплодных допросов. И все это время они умирали. Как бы вы себя при этом чувствовали?

Долгие месяцы немоты и дезориентации, а потом смерть от особенно злокачественной формы рака.

Он медленно кивнул в ответ. Разумеется, она права. Его отец умер от рака. Контроль даже не задумывался, как такое могло оказаться на персонале. Для

него это пока что просто абстракция, просто слова в отчете, чтиво в самолете, идущем на посадку.

Здесь ковролин стал темно-зеленым, подчеркивая светло-зеленый узор в виде стилизованных стрел, сплошь указывающих наружу, в сторону двора.

— А почему здесь так мало света? — поинтересовался Контроль. — Куда девается весь свет?

Но Грейс прекратила отвечать на его вопросы.

Когда одна из трех — биолог — чуть повернула голову, поглядев на зеркало так, будто способна видеть его, Контроль спрятал глаза от этого взгляда с чем-то вроде запоздалого смущения. Хотя его пристальный взгляд был сугубо беспристрастен и профессионален, они вряд ли сочли бы его таковым, даже зная, что за ними наблюдают.

Контролю не сказали, что первый же день он посвятит допросам дезориентированных женщин, вернувшихся из Зоны Икс, хотя Центр наверняка ведал об этом, когда предлагал ему этот пост. Членов экспедиции подобрали почти шесть недель назад, а затем подвергали тестам в пункте приема и обработки на севере, прежде чем отправить в Южный предел. В точности так же, как и его сперва отправили в Центр, чтобы две недели изводить инструктажами, включая и перебои — целые дни, провалившиеся в небытие без каких-либо происшествий, словно так и было задумано с самого начала. А затем все понеслось галопом, и у него сложилось впечатление безотлагательной спешки.

И это тоже вошло в число деталей, вызывавших нечто сродни мелочной раздражительности или досаде, накатывавшей на него с самого момента прибы-

тия. Голос, его главный контакт в верхних эшелонах, во время вводного инструктажа намекал, что это чуть ли не синекура, учитывая его опыт. Южный предел превратился в тихую заводь, захолустное агентство, стерегущее дремлющие секреты, до которых уже никому вроде бы и дела не было в свете террористической угрозы и экологического кризиса. Голос в своей грубоватой манере охарактеризовал его миссию «для начала» как «освоиться, оценить, проанализировать, а затем копать вглубь», что отнюдь не было типично для его заданий в последнее время.

Свою карьеру — надо признаться, и возносившую, и низвергвшую его — Контроль начал как полевой оперативник: внешнее наблюдение за отечественными террористическими ячейками. Затем его перебросили на синтез данных и организационный анализ — не менее двух дюжин дел, сходных до банального, распространяться о которых он не имел права. Дел, для публики невидимых, — тайная история ничего. Но притом он все более и более превращался в наладчика, прежде всего потому, что зарекомендовал себя как человек, лучше анализирующий специфические проблемы других людей, чем решающий собственные заурядные. Если он в свои тридцать восемь и стал известен хоть чем-нибудь, то именно этим. А это означало, что вовсе не обязательно было задерживаться там надолго, хотя сейчас как раз этого он и хотел — поучаствовать в чем-то от начала и до конца. Опять же, никто не испытывает искренней симпатии к наладчикам — субъектам, показывающим людям, почему у них дела идут наперекосяк, особенно если они считают, что этот наладчик сам давным-давно не в ладу с собой.

Начиналось всегда хорошо, хоть и не всегда хорошо заканчивалось.

Притом Голос не счел нужным упомянуть, что Зона Икс расположена по ту сторону невидимой границы, по сей день, более тридцати лет спустя, остающейся непостижимой ни для кого. Нет, это Контроль узнал лишь при изучении материалов, а потом из ненужного пересмотра вводного видео. Равно как и не догадывался, что заместительница директора так возненавидит его за приход на смену пропавшей директрисе. Хотя догадываться как раз очень даже мог: согласно крохам сведений в ее личном деле, она происходила из низов среднего класса, училась поначалу в государственной школе и вынуждена была потрудиться куда усерднее, чем большинство, чтобы пробиться на нынешний пост. В то время как Контроль заявился под шепоток, что он — отпрыск эдакой незримой династии, что, естественно, вызывало раздражение. Насчет династии — это был факт, даже если при ближайшем рассмотрении она больше смахивала на переходящую из рук в руки франшизу.

— Они готовы. Пойдемте со мной, — скомандовала из дверей Грейс, вновь явившись как по волшебству.

Есть целый ряд способов сломить сопротивление коллеги — или его волю, осознавал Контроль. Вероятно, ему придется перепробовать все их до единого.

Взяв со стола две папки из трех и не сводя глаз с биолога, Контроль с натугой порвал обе пополам и уронил их в корзину для мусора.

Сзади донесся сдавленный всхлип удущья.

Теперь он обернулся — чтобы принять на себя всю мощь бессловесного негодования заместительницы

директора. Но попутно в ее взгляде промелькнула и настороженность. Хорошо.

— Зачем вы до сих пор держите бумажные документы, Грейс? — вопросил он, делая шаг вперед.

— Директриса настаивала. Неужели делать это было столь уж необходимо?

Контроль проигнорировал ее слова.

— Грейс, почему всех вас так напрягают слова «внеземная» или «инопланетная» в разговорах о Зоне Икс, что вы их не употребляете? — Впрочем, его и самого от них коробило. Когда-то, как только ему раскрыли правду, он ощущал разверзшуюся в душе циклопическую, порожнюю расселину, заполненную его собственными воплями и вскриками недоверия. Но не обмолвился ни словом. У него было лицо игрока в покер — так говорили ему любовницы, родственники и даже незнакомцы. Ростом футов шесть. Невозмутимый. Поджарое, мускулистое телосложение спортсмена. Способен пробежать многие мили и даже не почувствовать усталости. Гордится правильным питанием и регулярными упражнениями, хотя и любит виски.

— Никакой уверенности нет, — стояла она на своем. — Нельзя строить поспешных домыслов.

— Даже спустя столько времени? Мне нужно побеседовать лишь с одной из них.

— Что? — переспросила она.

Натуга в ладонях трансформировалась в натугу в разговоре.

— Мне не нужны остальные досье, потому что мне необходимо опросить лишь одну из них.

— Вам нужны все три, — словно она до сих пор так и не поняла.

Он развернулся, чтобы взять оставшуюся папку:

— Нет. Только биолог.

— Это ошибка.

— Семьсот пятьдесят три — не ошибка, — возразил он. — И семьсот двадцать два тоже не ошибка.

— С вами что-то не так, — с прищуром поглядела Грейс.

— Оставьте биолога там, — ответил Контроль, по-прежнему игнорируя ее слова, но перенимая ее стиль речи. *Я знаю то, что вам неизвестно.* — Остальных отошлите обратно в их комнаты.

Грейс уставилась на него, как на какого-то грызуна, словно не могла решить, омерзителен он или жалок. Однако секунду спустя чопорно кивнула и снова удалилась.

Контроль расслабился и перевел дух. Хоть она и принимает от него приказания, но еще неделю-другую штат в полной ее власти, так что она может держать его в узде тысячами различных способов, пока он наконец не обоснуетя окончательно.

Алхимия это или истинное волшебство? Не заблуждался ли он? Имело ли это значение? Если он ошибался, то каждая из них все равно ничем не отличалась от остальных.

Да, это имело значение.

Это был его последний шанс.

Так сказала ему мать перед отправкой сюда.

* * *

Мать частенько представлялась Контролю зарницей, сплохом света на далеких ночных небесах. То она здесь, то уже нет, то нет, то здесь, и всегда в памяти, пожалуй, с капелькой недоумения: откуда этот

свет. Но понять это по-настоящему просто невозможно.

Будучи единственным ребенком, Джеки Миранда Северенс¹ пошла на службу по стопам отца и достигла вершин: теперь она функционирует на таких высотах, какие дедушке Контроля, Джеку Северенсу, и не снились, а ведь он был агентом, удостоенным уймы наград. Джек воспитал ее проницательной, организованной, готовой к лидерству. Насколько Контролю было известно, дедуля заставлял его мать с детства проходить полосу препятствий из покрышек и гвоздить штыком мешки с мукой. Семейных альбомов, способных подтвердить это или опровергнуть, было немного. В чем бы ни состоял процесс, отец попутно вскормил в ней нечто сродни небрежной жестокости, предвкушению высоких результатов и некой расчетливости, проявляющейся в кажущемся равнодушии к участи других.

В качестве далекой зарницы Контроль истово восторгался ею, даже следовал за ней, хоть и на куда более низких высотах... Но в качестве родительницы, даже когда она была рядом, у нее не ладилось с такими задачами, как забрать его из школы, не забыть о его обеде или помочь с домашним заданием — она редко сосредоточивалась на чем-нибудь считающемся важным в приземленном мирке по эту сторону линии водораздела. Хотя она всегда подбадривала его во время его полета очертя голову по служебной лестнице вверх и вниз.

Зато дедушка Джек, со своей стороны, никогда не был в особом восторге от этого, а однажды поглядел

¹ Sevegansе (англ.) — раскол, разрыв, полное прекращение отношений (здесь и далее: прим. перев.).

на него и сказал: «Не думаю, что у него хватит духа». Подобная оценка для шестнадцатилетнего мальчишки, уже вставшего на этот путь, оказалась просто сокрушительной, но притом сделала его более решительным, более целеустремленным, более нацеленным в небо, к свету зарниц. Впоследствии ему пришло в голову, что, может статься, как раз потому дедушка так и сказал. В характере деда было что-то от непредсказуемости лесного пожара, в то время как мать — ледяное синее пламя.

Когда ему было восемь или девять, они отправились в летний коттедж у озера — «наш частный шпионский клуб», как назвала его мать. Только он, мать и дедушка. В углу стоял старый телевизор, напротив — диван, протертый до дыр. Дедушка заставил его двигать антенну, добиваясь более качественного приема. «Еще чуток левей, Контроль, — говорил он. — Еще самую чуточку». А мать в другой комнате просматривала какие-то рассекреченные дела, принесенные с работы. Вот так он и заработал свое прозвище, не догадываясь, что дедушка позаимствовал его из шпионского жаргона¹. Подростком он носил это прозвище как знак отличия, считая его крутым, данным дедушкой по любви. Но при том был достаточно прозорлив, чтобы много лет не называть его никому за пределами семьи, даже девушкам. Пусть думают — и Грейс, и ее когорта, — что это короткое прозвище из старших классов, где он был запасным квотербеком². «Теперь

¹ В наружном наблюдении контроль — человек, управляющий командой дистанционно, обычно с помощью электронных средств связи.

² Квотербек — в американском футболе — лидер атакующего состава, самая важная и заметная роль в команде.

чуток правей, Контроль». Вбрось этот мяч, как звезда. Главное, что ему нравилось в роли квотербека — это знать, где будут находиться принимающие, и попадать по ним. И хотя на тренировках это всегда удавалось лучше, чем во время игры, он находил чистейшее упоение в подобной точности, геометрии и предвидении.

Повзрослев, он присвоил «Контроль» себе, хоть и чувствовал в этом словечке язвящий укол снисходительности, но к тому времени уже никак не мог освежомиться у дедушки, это ли он имел в виду или нечто иное. Оставалось лишь гадать, не настроил ли деда против него тот факт, что он посвящал в коттедже у озера чтению столько же времени, сколько рыбалке.

Так что, да, он принял это прозвище, овладел им, перекроил его и дал ему пристать. Но сейчас впервые сказал сослуживцам, чтобы звали его Контролем, хотя и сам не мог толком понять почему. Это просто произошло как-то само собой, словно он таким образом мог в самом деле начать с чистого листа.

Чуток левей, Контроль, и, может быть, ты поймаешь этот сполох света.

* * *

Почему пустынная стоянка? Об этом он гадал с того момента, как посмотрел запись камеры наблюдения в это утро. Почему биолог вернулась на заброшенную стоянку, а не к своему дому? Две другие вернулись к чему-то личному, в места, к которым питали некую эмоциональную привязанность. Но биолог час за часом стояла на заросшей стоянке, не замечая ничего вокруг. За сотни часов просмотра видеозаписей с подозреваемыми Контроль поднаторел в выискива-

нии даже самых заурядных манер и нервных тиков, означающих, что сигнал пошел... но на этой пленке не было ничего подобного.

Ее присутствие там было отмечено Южным пределом благодаря рапорту местной полиции, арестовавшей ее за бродяжничество: запоздалая реакция, вызванная активными поисками, после того как Южный предел подобрал двух других.

А затем встал вопрос о лапидарности против лапидарности.

753. 722.

Ниточка тоненькая, но Контроль уже ощутил, что его задание опирается на детали, на детективную работу. Ничего не дастся легко. Тут не стоит рассчитывать на везение, это не какой-нибудь дилетант-бомбист с куриными мозгами, вооруженный удобрениями и какой-нибудь бэушной идеологией, разваливающейся в хлам после двадцати минут пребывания в комнате для допросов.

Во время предварительных собеседований, прежде чем решить, кто отправится в двенадцатую экспедицию, биолог, согласно стенограммам бесед в ее личном деле, ухитрилась изречь всего 753 слова. Контроль пересчитал их. Считая и слово «завтрак» — полный ответ на один из вопросов. Этот отклик привел Контроля в восторг.

Он считал и пересчитывал эти слова во время затяжного периода ожидания, пока настраивали его компьютер, выдавали ему электронный пропуск, пароли и коды доступа и выполняли все прочие ритуалы, ставшие чересчур знакомыми Контролю за время прохождения через различные агентства и департаменты.

Он настоял на размещении в кабинете бывшей директрисы, несмотря на попытки Грейс упрятать его в приукрашенный чулан вдали от всего и вся. Вдобавок настоял, чтобы в кабинете оставили все как есть, даже личные вещи. Мысль, что он будет копаться в барахле директрисы, пришла ей явно не по нраву.

— Вы сам не свой, — изрекла Грейс, когда остальные удалились. — Как будто вы вообще не здесь.

Он просто кивнул: возражать, что это несколько странно, было бессмысленно. Но раз уж он здесь, чтобы все оценить и возродить, ему нужно четко представлять, насколько сильно все пошатнулось, а, как однажды сказал какой-то социопат в другом месте, «рыба гниет с головы». Разумеется, рыба гниет целиком, распад тканей не ведает иерархии и не управляема кастовыми различиями, но мысль ясна.

Контроль немедленно обосновался за монументальным столом посреди папок, громоздящихся грудами и кучами, наслоений записок и клейких листочек... в вертящемся кресле, дающем грандиозный panoramicный вид на книжные шкафы вдоль стен, перемежающиеся с пробковыми досками, покрытыми пластами клочков бумаги, приколотыми и пришипленными слой за слоем так, что обрели сходство с диковинно-изящными, но бессистемными художественными инсталляциями. Запах в комнате царил затхлый, с легкой отдушкой давнего сигаретного смога.

Один лишь вес и размер компьютерного монитора директрисы говорил о его моральном устаревании, как и факт, что он испустил дух десятилетия назад, успев обрасти толстым слоем пыли. Его равнодушно отодвинули в сторонку, и два менее выгоревших сле-

да на устилающем стол календарном листе указывали как его первоначальное положение, так и положение ноутбука, очевидно, его сменившего, — хотя отыскать этот ноутбук никто не мог. Контроль мысленно отметил, что надо поинтересоваться, искали ли у нее дома.

Календарь относился к концу девяностых. Не в том ли году директриса начала терять нить? Ему вдруг привиделась она в Зоне Икс в составе двенадцатой экспедиции, просто бредущей сквозь пустошь без реальной цели, — высокая, дебелая пятидесятипятилетняя женщина, которая вполне сошла бы за сорокапятилетнюю. Молчаливая, запутавшаяся, раздираемая противоречиями. Настолько поглощенная собственной ответственностью, что позволила себе уверовать, будто должна сама присоединиться к людям, которых посыпает в поле. Почему никто ее не остановил? Нежужто никому не было до нее никакого дела? Или она привела убедительные доводы? Голос не сказал. А ее возмутительно неполное личное дело не поведало ровным счетом ничего.

Все, что он видел, свидетельствовало, что ей было не наплевать и в то же время наплевать на функционирование агентства.

Что-то упирается в колено слева под столом — системный блок к монитору. Интересно, не прекратили ли и он работать еще в девяностых. У Контроля сложилось впечатление, что ему не захочется заглядывать в комнаты, где работает техобслужива, смотреть на жалкие чахнущие трупы компьютеров прошлых десятилетий, хаотичный нечаянный музей пластика, проводов и печатных плат. А может, рыба и правда гниет с головы, и разложилась только директриса.

Так что, не располагая компьютером, пока его собственный ноутбук не сочли достаточно защищенным, Контроль занимался необременительным почитыванием стенограмм вводных бесед с членами двенадцатой экспедиции. Проводила их бывшая директриса в своем качестве психолога.

Остальные рекруты, по мнению Контроля, были просто буйными, неудержимыми гейзерами — взахлеб журчащие, щебечущие, сыплющие штампами болтушки, сравнительно не способные держать язык за зубами... 4623 слова... 7154 слова... и чемпион всех времен — лингвистка, которая пошла на попятный в последний момент, выдавшая ответов на 12 743 слова, включая героически нескончаемые детские воспоминания, «увлекательные, как почечный камень, прорывающийся через елду», как кто-то нацарапал на полях. Что оставляет особняком только биолога и ее считанные 753 слова. Такого рода самоконтроль заставил его смотреть не только на слова, но и на паузы между ними. Например: «Я наслаждалась всеми своими местами работы». Но при том с большинства этих мест ее вытурили. Она думала, что не сказала ничего, но каждым словом — даже «завтрак» — открывала просвет. С завтраком у биолога в детстве не заладилось.

Призрак прямо здесь, в стенограммах, сквозит по тексту с момента ее возвращения. Вещи, проглядывающие в пробелах, отбивая у Контроля желание произнести ее слова вслух из страха, что он не совсем понял подспудные чувства и скрытые аллюзии. Обособленное описание чертополоха... Упоминание о маяке. Предложение или два, описывающие характер света на болотах Зоны Икс. Ничто из этого не должно было задеть его за живое, однако же Контроль ощущал ее

где-то тут, заглядывающей ему через плечо, в то время как беседы с другими членами экспедиции подобных чувств не вызвали.

Биолог утверждала, что помнит не больше остальных.

Контроль признал это за ложь — или то, что станет ложью, если удастся вытянуть ее на разговор. Хочет ли он разговорить ее? Осторожничает ли она из-за чего-то, случившегося в Зоне Икс, или просто по складу характера? И тут над столом директора промелькнула тень. Он уже бывал здесь — или где-то около, уже принимал решения подобного рода, и это едва не пришло его — во всяком случае, прошло его насквозь. Но выбора у него не было.

Около 700 слов по ее возвращении. В точности как у двух других. Но, в отличие от них, это примерно со-поставимо с ее лаконичностью перед отправлением. И в наличии странные особенности, отсутствующие у других. В то время как антрополог могла бы сказать: «Местность была пустынна и первозданна», биолог сказала: «Повсюду был ярко-розовый чертополох, даже когда пресная вода сменилась соленой... Свет на заре был низким пламенем, блистанием».

Это в сочетании с диковинностью заброшенной стоянки привело Контроля к мнению, что биолог на самом деле может помнить больше других. Что она может осознавать происходящее лучше других, но почему-то это скрывает. Сам он именно с такой ситуацией еще не сталкивался, но помнил, как коллега допрашивал террориста, получившего ранение в голову, и проводил дознание в больнице, все мешкая и мешкая в надежде, что память к тому вернется. Память вернулась. Но только о фактах, а не о праведных по-

рывах, побудивших его к действию, и тогда он растерялся, став легкой добычей для дознавателей.

С заместительницей директора он этой гипотезой не поделился, потому что если окажется не прав, она воспользуется этим, чтобы подкрепить свое негативное мнение о нем, да вдобавок чтобы оставить ее в подвешенном состоянии как можно дольше. «Никогда ничего не делай по одной-единственной причине», — не раз говорил ему дедушка, и по меньшей мере это Контроль принял близко к сердцу.

Пока их не сбрали, волосы у биолога были длинные, темно-каштановые. Темные густые брови, зеленые глаза, тонкий, чуть искривленный нос (сломанный при падении на камни) и широкие скулы, выдающие азиатскую наследственность по линии матери. Обветренные, потрескавшиеся губы, удивительно полные для столь сурово наступленных бровей. Ее глаза показались Контролю подозрительными, он даже специально проверил, не были ли они до экспедиции другого цвета.

Даже сидя она ухитрялась источать ощущение физической силы, с мощными мышцами, гребнем выступающими вдоль линии плеча к шее. Пока что все анализы на рак дали отрицательный результат, в отличие от предыдущей экспедиции. Контроль не помнил, что об этом сказано в ее личном деле, но полагал, что она ростом почти с него. Ее держали в южном крыле здания уже две недели, где ей было нечем заняться, кроме еды и упражнений.

Прежде чем отправиться в экспедицию, биолог прошла интенсивный курс выживания и обращения с оружием в заведении Центра, предназначенном

для этой цели. Ее знакомили с теми полуправдами, которые руководство Южного предела считало полезными, опираясь на критерии, пока представляющиеся Контролю заумными, а то и вовсе туманными. Ее подвергали психологической обработке, чтобы сделать более восприимчивой к гипнотическому воздействию. Психолог-директриса могла навязать ей сколько угодно гипнотических сигналов — слов, в определенных комбинациях запускающих заданный эффект. Когда дверь уже закрывалась за Контролем, в голове вдруг промелькнуло: а не имела ли директриса отношения к помрачению ее воспоминаний, уже находясь с ней в Зоне Икс?

Контроль сидел за столом напротив биолога, осознавая, что Грейс как минимум наблюдает за ними сквозь одностороннее зеркало. Эксперты уже допросили биолога, но Контроль тоже был своего рода экспертом, и ему был необходим прямой контакт. Есть в фактуре допроса лицом к лицу нечто эдакое, чего лишены стенограммы и видеозаписи.

Пол под ногами был грязным, чуть ли не липким. Люминесцентные светильники над головой мигали через нерегулярные интервалы, а столы и стулья будто притащили из школьного кафетерия. Контроль обонял резкий металлический запах низкокачественного чистящего средства, нечто вроде забродившего меда. Уверенности в Южном пределе эта комната не вселяла. Будь она задумана как помещение для отчетов после возвращения с заданий — или хотя бы напоминающая таковое, — ей бы следовало быть по-комфортнее, чем комната, раз и навсегда предназначенная для допросов, предполагающих возможное сопротивление.

Теперь, сидя напротив Контроля, биолог произвела впечатление, из-за которого он не горел желанием смотреть ей в глаза. Впрочем, ему всегда было не по себе перед допросами, всегда казалось, будто тот яркий сполох в небе застыл в движении и сошел на землю, чтобы встать у него за спиной матерью во плоти и наблюдать за ним. Истина, стоящая за этим, такова: мать действительно время от времени проверяла его. Могла наложить руку на записи, так что это вовсе не паранойя и не праздное ощущение. Это часть его возможной реальности.

Порой даже полезно сыграть на собственной нервности, позволяющей визави расслабиться. Так что он покашлял, неуверенно отхлебнул воды из принесенного с собой стакана, повертел в руках папку, которую положил на стол между ней и собой, а заодно и пульт от телевизора, находящегося у него за спиной. Чтобы законсервировать условия, при которых ее обнаружили, и вообще позаботиться, чтобы она не приобрела искусственных воспоминаний, заместительница директора приказала не давать биологу никаких сведений из ее личного дела. Контроль счел такую меру жестокой, но согласился с Грейс. Ему хотелось, чтобы папка между ними выглядела потенциальной наградой во время какой-нибудь из более поздних встреч, хотя еще и сам не знал, даст ли ее этой женщине.

Представившись своим настоящим именем, Контроль уведомил ее, что их «беседа» записывается, и попросил назвать свое имя для протокола.

— Зовите меня Кукушкой, — откликнулась она. Не промелькнул ли в ее бесстрастном голосе непокорный вызов?

Контроль поднял глаза на нее — и, тотчас испытав замешательство, снова отвел их. Она что, оказывает на него какое-то гипнотическое воздействие? Эту мысль, пришедшую в голову первым делом, он быстро отмел.

— Кукушкой?

— Или вообще никак.

Он кивнул, понимая, когда надо спустить на тормозах: исследование термина до поры обождет. Ему смутно помнилось нечто эдакое из личного дела. Быть может.

— Кукушка, — произнес он, будто дегустируя. Слово оставило на языке привкус мела и неестественности. — Вы не помните об экспедиции ничего?

— Я же говорила другим. Это были первозданные пустоши, — в ее голосе вроде бы промелькнула нотка иронии, хотя наверняка не скажешь.

— Насколько вы хорошо знали лингвистку во время обучения? — осведомился он.

— Не очень. Слишком велеречива. Не закрывала рта. Она... — голос биолога оборвался, и Контроль сдержал ликование. Этого вопроса она не ожидала. Вовсе.

— Так что же она? — подсказал он. Предыдущий до-знататель прибегал к стандартной методике: наладить контакт, представить факты, развивать взаимоотношения дальше. С практически нулевым результатом.

— Не помню.

— А я думаю, помните. — И если ты это помнишь, то...

— Нет.

Он демонстративно открыл папку и сверился с имеющимися стенограммами, нарочито выставляя на

обозрение краешки сколотых скрепками страниц, содержащих важнейшие сведения о ней.

— Ну, тогда ладно. Поведайте мне о чертополохе.

— О чертополохе? — Ее выразительные брови недвусмысленно поведали, что она думает об этом вопросе.

— Да. По поводу чертополоха вы высказывались весьма досконально. Почему? — Его до сих пор ставили в тупик обилие деталей о чертополохе в беседе на прошлой неделе, когда она прибыла в Южный предел, снова наводя его на мысль о гипнотических сигналах, заставляя думать о словах, служащих этакой защитной чащбой.

— Не знаю, — пожала плечами биолог.

— «Чертополох там имеет цвет лаванды и растет в промежутке между лесом и болотом, — зачитал он из стенограммы. — От него никуда не денешься. Он привлекает множество насекомых, и окружающие его жужжение и яркость наполняют Зону Икс ощущением деловитости, почти как человеческий город». Там продолжается и дальше, но я не стану.

Она снова пожала плечами.

Контроль не собирался на первый раз зависать, вместо того скользя над местностью, чтобы картографировать просторы территории, которую хочет охватить вместе с ней. И потому двинулся дальше.

— Что вы помните о своем муже?

— А какое это имеет отношение?

— Отношение к чему? — внезапный выпад.

В ответ ни звука, так что Контроль подтолкнул ее снова:

— Что вы помните о своем муже?

— Что он у меня был. Какие-то воспоминания перед переходом, как о лингвисте.

Умный шаг — увязать это, чтобы все выглядело единым и неделимым. Расплывчатость вместо четкости.

— А вы знали, что он вернулся, как и вы? — осведомился он. — Что он был дезориентирован, как и вы?

— Я не дезориентирована, — огрызнулась она, погаввшись вперед, и Контроль отпрянул. Он вовсе не испугался, но на миг подумал, что должен бы. Компьютерные томограммы мозга в норме. Были приняты все меры проверки на все, хоть отдаленно напоминающее инвазивные виды. Или «посторонних», как выразилась Грейс, по сей день не в силах произнести слово, хоть отдаленно напоминающее «внеземной». Если здоровье Кукушки как-то и переменилось по сравнению с имевшимся до отправки, то лишь в лучшую сторону: токсины, присутствующие в организмах большинства современных людей, обнаружились у нее и остальных в концентрациях значительно ниже нормы.

— Я вовсе не хотел вас обидеть, — сказал Контроль, прекрасно понимая, что она все-таки *действительно* дезориентирована. Что бы она там ни помнила или не помнила, биолог, которую он узнал по предэкспедиционным стенограммам, не стала бы выказывать раздражения настолько быстро. И чего он до нее докопался?

Контроль взял пульт дистанционного управления, лежавший рядом с папкой, и дважды нажал на кнопки. Плоскопанельный телевизор на стене слева от них с шипением ожила, показывая пикселизованное, размытое изображение биолога, стоящей на заброшеной

стоянке почти так же неподвижно, как бордюр или кирпичная стена перед ней. Все изображение было окрашено в тошнотворно-зеленый цвет ночной камеры наблюдения.

— Почему пустая стоянка? Почему мы нашли вас там?

Индифферентный взор и ни слова в ответ. Контроль позволил видео крутиться дальше. Несконтчаемые фоновые повторы порой доводят допрашиваемого. Но обычно видеоматериал показывает, как подозреваемый ставит сумку или сует что-то в урну.

— Первый день в Зоне Икс, — сказал Контроль. — Пеший переход до базового лагеря. И что происходило?

— Ничего особенного.

Детей у Контроля не было, но ему представлялось, что на более-менее такой же ответ сподобится подросток, отвечая на вопрос, что сегодня было в школе. Пожалуй, стоит на минуточку завернуть обратно.

— Но чертополох вы помните очень и очень хорошо, — заметил он.

— Не пойму, почему вы привязались к этому чертополоху.

— Потому что сказанное вами предполагает, что вы помните некоторые из своих наблюдений в экспедиции.

Воцарилась пауза, и Контроль понял, что биолог уставилась на него. Ему хотелось дать ответный залп, но что-то предостерегло его против этого. Что-то заставило его почувствовать, будто сон о падении в хляби мог настичь его.

— Почему меня держат здесь в плену? — спросила она, и Контроль почувствовал, что снова может

без опаски смотреть на нее, словно момент опасности пришел и ушел.

— Вы вовсе не в плену. Это входит в процедуру разбора.

— Я не могу выйти.

— Пока нет, — признал он. — Но сможете.

Разве что в другое заведение: пройдет года два или три, если все пойдет хорошо, прежде чем хоть комунибудь из вернувшихся позволят выйти в большой мир. Юридически они оказались в серой зоне, зачастую без веских на то оснований именуясь угрозой национальной безопасности.

— Я нахожу это маловероятным, — заявила она.

Контроль решил попытать удачу снова.

— Если не чертополох, то что же имеет отношение? — осведомился он. — О чём я должен вас спрашивать?

— Разве не в этом ваша работа?

— Какая моя работа? — хоть он и прекрасно понял, что она имела в виду.

— Вы ведь возглавляете Южный предел.

— Вам известно, что такое Южный предел?

— Да-а-а, — гортанно, чуть ли не с шипением.

— А как насчет второго дня в базовом лагере? Когда начались странности? — А начались ли? Придется полагать, что начались.

— Не помню.

Контроль наклонился вперед:

— Я могу погрузить вас в гипноз. У меня есть такое право. Я могу это сделать.

— На мне гипноз не работает, — бросила она, не скрывая отвращения перед его угрозой.

— Откуда вам известно? — Момент дезориентации. Она что, выдала что-то такое, чего выдавать не хотела, или вспомнила нечто, до сих пор для нее утраченное? Уловила ли она разницу?

— Просто знаю.

— Для полной ясности: мы могли бы заново обработать вас и погрузить в гипноз. — Сплошной блеф, да притом это повлекло бы осложнения по части логистики. Чтобы сделать это, Контролю пришлось бы отослать ее в Центр, и она исчезла бы в этой утробе навечно. Контроль смог бы просматривать отчеты, но больше никогда не получил бы к ней прямого доступа. Не говоря уж о том, что не так-то ему и хотелось заново обрабатывать ее сознание.

— Только попробуйте, и я...

Она ухитрилась прикусить язык на грани того, что звучало как начало слова «убью».

Контроль решил пропустить это мимо ушей. Он побывал под обстрелом такой уймы угроз, что знал, когда их стоит воспринимать всерьез.

— Что сделало вас невосприимчивой к гипнозу? — спросил он.

— А вы невосприимчивы к гипнозу? — с вызовом.

— Почему вы находились на пустой стоянке? Остальные двое искали тех, кого любят.

Ни слова в ответ.

Может, уже довольно сказано на сегодня. Может, уже довольно.

Выключив телевизор, Контроль подхватил папку, кивнул собеседнице и направился к двери.

Уже на пороге открытой двери, впутившей будто больше теней, чем следовало бы, он, прекрасно созна-

вая, что заместительница директора пристально смотрит на него из коридора, обернулся к биологу.

И спросил, как всегда и планировал, постскриптуром к вступительному акту:

— А что последнее вы помните о том, что делали в Зоне Икс?

Ответ неожиданно хлестнул по нему, будто проблеск света, столкнувшегося с тьмой:

— Тонула. Я тонула.

002: ПРИТИРКА

«Просто закрой глаза — и вспомнишь меня», — сказал отец Контроля два года назад в мести, не так уж удаленном от нынешнего, умирающий, старающийся утешить живущих. Но стоило закрыть глаза, и все исчезало, кроме сна о падении и наслоений шрамов от прошлых назначений. Почему биолог сказала это? Почему она сказала, что тонула? Это его тряхнуло, но заодно дало ему странное ощущение, будто у них есть общий секрет. Словно забралась ему в голову и подглядела его сон, и теперь они оба связаны. Он отторгал это ощущение, не желая иметь ничего общего с людьми, которых должен допрашивать. Он должен парить в горных высях. Должен выбирать, когда спикировать вниз, а не позволять чужой воле стащить себя на землю.

Открыв глаза, Контроль обнаружил себя стоящим в глубине подковообразного здания, служащего штаб-квартирой Южного предела. Изгиб выпирает вперед, с дорогой и автостоянкой перед ним. Здание, построенное в стиле, устаревшем уже на десятки лет, из слоями нагроможденных друг на друга бетонных

блоков, являет собой то ли памятник архитектуры, то ли кучу мусора — Контроль еще не решил, что именно. Крыша слегка накренилась над всеми этими гребнями, расселинами и полнейшим недоразумением, отчего представляется не более практической, чем арт-перформанс или абстрактная скульптура ошеломительно грандиозных масштабов. Усугубляя ситуацию, пространство, стиснутое несомкнутыми концами подковы, превратили во внутренний дворик с видом на озеро, окруженное дремучей чащобой. По краям озера обуглилось, будто пожарище, и хилые, подагрически скрюченные кипарисы разбрелись по колено в темной мерзопакостной воде. Свет, расползающийся по озеру, отдает какой-то клаустрофобической сериятийной, отбивающей и отличающей его от синевы небес над ним.

Все это тоже некогда было новым — наверное, еще в меловом периоде, а здание, вероятно, присутствовало в некоем виде уже тогда, внедренное обратным инжинирингом настолько глубоко в прошлое, что, глядя из его окон, по сей день можно узреть стрекоз величиной со стервятников.

Сжимающая их в объятьях подкова особой уверенности не внушала, воспринимаясь скорее как символ незавершенности, нежели удачи. Незавершенные мысли. Незавершенные выводы. Незавершенные отчеты. Двери в торцах этой подковы, через которые многие проходили, чтобы срезать дорогу в противоположное крыло, подтверждали нехватку воображения. И тем не менее бездонное болото творило именно то, что болотам и полагается, — по-своему столь же совершенное, сколь несовершенен Южный предел.

Все было настолько недвижно, что, когда через этот пейзаж пролетел дятел, его вторжение шандарахнуло, как F-16, пробивший сверхзвуковой барьер.

Слева от подковы и от озера едва заметная с места, где он остановился, затаилась дорога, петляющая между деревьями к невидимой границе, за которой раскинулась Зона Икс. Всего тридцать пять миль мощеной дороги, а потом еще пятнадцать проселка с десятью контрольно-пропускными пунктами в общей сложности и приказами стрелять на поражение, если тебе там не место, с оградами, колючей проволокой и окопами, ямами и трясинами, а может статься, и с выдрессированными правительством колониями высших хищников и генетически модифицированными ядовитыми ягодами, и молотками, чтобы гвоздить себя по башке... но с самой минуты инструктажа Контроль почему-то гадал: а к чему это все? Потому что именно так и поступают в подобных ситуациях? Чтобы не подпускать людей? Он изучил отчеты. Если подберешься к границе «несанкционированным образом» и пересечешь ее где-либо, кроме двери, больше тебя никто не увидит. Сколько человек именно так и сделали, не попавшись на глаза? Откуда Южному пределу об этом знать? Раз-другой пытливым журналистам удалось подобраться достаточно близко, чтобы сфотографировать пограничные сооружения Южного предела, но даже это лишь подтвердило в умах общественности официальную байку об экологической катастрофе, на устранение последствий которой уйдет не меньше века.

Дальше следовала дорожка вокруг каменных столиков в бетонном дворе, выстеленном мелкой белой плиткой в комплекте с квадратами комковатой земли,

в которую через нерегулярные интервалы понатыкали невзрачных тюльпанов... ему была знакома эта дорожка вкупе с ее как-то по-особенному шаркающим звучком. Заместительница директора раньше была полевым офицером. Что-то произошло на задании, и она повредила ногу. В здании ей удавалось это как-то скрывать, но только не на предательской бетонной плитке. Это знание пришлось Контролю некстати, вызвав желание посочувствовать ей. «Всякий раз, когда ты говоришь «в поле», мне представляется, как вся ваша шпионская братия шастает среди пшеницы», — сказал однажды его отец матери.

Грейс составила Контролю компанию по его просьбе, чтобы помочь ему поглязеть на болото в ходе беседы о Зоне Икс. Потому что он думал, что смена обстановки — удаление за пределы бетонного гроба — могла бы помочь смягчить ее враждебность. Но это было прежде, чем он осознал, насколько адский и доисторический здесь пейзаж, а теперь еще и доисторический. Взгляни на эту москитную оргию и обогрей меня, Грейс.

— Вы допросили только биолога. Я по-прежнему не понимаю, почему, — она сказала это, прежде чем Контроль успел протянуть хоть тоненькое щупальце вступительного гамбита... и вся его решимость разыгрывать из себя дипломата, как-нибудь стать ее коллегой, а не врагом — пусть даже ценой введения в заблуждение или метафорического удара по почкам — расплылась в волглом воздухе, как кисель.

Он изложил ход своего мыслительного процесса. На нее это вроде бы произвело впечатление, хотя толком понимать выражение ее лица он еще не научился.

— А никогда — во время обучения — не казалось, будто она что-то скрывает? — поинтересовался он.

— Убдите в сторону. Вы считаете, что она что-то скрывает.

— Вообще-то еще толком не знаю. Я могу и ошибаться.

— У нас есть более искусные дознаватели, чем вы.

— Наверно, действительно.

— Мы должны отправить ее в Центр.

От этой мысли его покоробило.

— Нет, — отрезал он — чуточку чересчур категорично, в следующую долю секунды встревожившись, что заместительнице директора может прийти в голову, будто участь биолога ему небезразлична.

— Я уже отослала антрополога и топографа.

Теперь Контроль почувствовал запах разложения всей растительной массы, медленно гниющей под поверхностью болота, ощутил неуклюжих черепах и квельых рыбешек, протискивающихся сквозь слежавшиеся наслоения. И не рискнул повернуть к ней лицо. Не рискнул обмолвиться ни словом, застыв в изумлении. Каким же влиянием на Центр обладает Грейс?

Она же радостно продолжала:

— Вы же сказали, что от них никакого проку, вот я и отослала их в Центр.

— Чьей властью?

— Вашей. Вы недвусмысленно указали мне, что хотите этого. Если вы имели в виду нечто иное, приношу свои извинения.

Внутри Контроля произошел сейсмический сдвиг, незаметное глазу сотрясение.

Их больше нет. Вернуть их обратно не в его силах. Надо выбросить это из головы. Скормить себе враки,

будто Грейс сделала ему любезность, упростив ему работу.

— Я всегда могу почитать стенограммы их допросов, если передумаю, — произнес он, стараясь взять благодушный тон. Их все равно еще надо допрашивать, а он дал Грейс лазейку, заявив, что не хочет с ними беседовать.

Она пристально вглядывалась в его лицо, высматривая хоть какой-нибудь знак, что попала почти в яблочко.

Он попытался улыбнуться, погасив свой гнев мыслью, что если бы заместительница директора хотела причинить ему серьезный вред, то уж изыскала бы способ умыкнуть заодно и биолога. Это же только предостережение. Впрочем, теперь он вознамерился отобрать что-нибудь и у Грейс. Не затем, чтобы поквитаться, а чтобы она не испытывала искушения отнять у него еще что-нибудь. Он не может позволить себе лишиться еще и биолога. Во всяком случае пока.

В воцарившемся неловком молчании Грейс спросила:

— А почему это вы просто стоите здесь, на жаре, как идиот? — беззаботно, как ни в чем не бывало. — Нужно зайти внутрь. Уже время обедать, и вы могли бы познакомиться кое с кем из администрации.

Контроль уже начал привыкать к ее непочтительному отношению, и это пришлось ему очень не по нутру, хотелось изыскать возможность как-то изменить тенденцию. Он двинулся за Грейс, но присутствие болота за спиной осталось весомым, давящим. Своего рода еще один враг. Он насмотрелся на подобные пейзажи, обретаясь рядом с таким же в юности, а по-

том снова, когда медленно умирал отец. И надеялся не видеть болот больше никогда.

«Просто закрой глаза — и вспомнишь меня».

Я так и делаю, папа. Я помню тебя, но ты угасешь. Слишком уж много помех, и все это становится слишком уж реальным.

* * *

Отцовская ветвь семьи Контроля вышла из Центральной Америки, ведя происхождение от испанцев и индейцев из Гондураса. Руками и черными волосами он пошел в отца, тонким носом и ростом — в мать, а кожа его цветом являла нечто среднее. Дед Контроля с этой стороны умер, когда Контроль еще был слишком мал, чтобы с ним познакомиться, но выслушал немало эпических историй о нем. В детстве тот пропадавал прищепки, обходя окрестности от двери к двери, лет в двадцать стал боксером — не настолько хорошим, чтобы претендовать на титул, но достаточно хорошим, чтобы давать противнику сдачи и держать удар. Потом стал строителем, затем инструктором по дайвингу, прежде чем скончаться до срока от сердечного приступа в шестьдесят пять лет. Его жена, трудившаяся в пекарне, пережила его всего на год. Его сын — отец Контроля, — выросший в семье, состоявшей по большей части из плотников и механиков, стал художником, употребив унаследованные дарования на создание абстрактных скульптур. Эти абстракции отец очеловечивал, раскрашивая их яркой палитрой, излюбленной индейцами-майя, и налепляя на них осколки керамической плитки и стекла — задно перебрасывая мостик между профессиональным искусством и дилетантством. Такова была его жизнь,

и Контроль не помнил времени, когда его отец был бы не таким человеком, а каким-то другим.

Счастливая история о том, как отец и мать Контроля полюбили друг друга, заодно выступает счастливой историей восхождения отца на время в роль фаворита самых шикарных художественных галерей. Они познакомились на приеме в его честь и, по их словам, оба с первого же взгляда были очарованы друг другом, хотя позже Контролю было трудновато в это поверить. Чтобы быть с ней, отец перебрался на север, и у них появился Контроль, а затем, всего год или два спустя, ее перекомандировали с кабинетной работы на полевую, и это стало началом конца всему. Эта история, поддерживавшая Контроля в детстве, вскоре явила себя как мимолетный момент на фоне сплошного несчастья. Случай отнюдь не уникальный — этакое угнетающе знакомое полотно, на которое непременно натыкаешься в антикварном магазинчике в городе у моря.

Молчание, размеченное ссорами, молчание, порожденное не только секретами, которые она держала при себе, но не могла разгласить, но еще и — осознал Контроль уже взрослым — ее внутренней сдержанностью, преодолеть которую со временем стало невозможно. Ее отлучки терзали его, и ко времени, когда Контролю исполнилось десять, это стало подтекстом, а порой и канвой их диспутов — она убивает его искусство, и это нечестно. Хотя художественная сцена не стояла на месте, а творения отца обходились недешево и для поддержания нуждались в меценатах или грантах.

И все же отец сидел там со своими схемами, с планами новой работы, разложенными вокруг него, будто улики, когда она возвращалась между полевыми

командировками. Она выдвигала контробвинения, помнил Контроль, со спокойным и хладнокровным, отчужденным состраданием. Она была неудержанной силой, врывавшейся — не было, и вдруг — с гостинцами, купленными в последнюю минуту в отдаленном аэропорту и невинными вымыщенными историями о том, где побывала и что делала, или менее невинными историями, смысл которых дошел до Контроля лишь годы спустя, когда он сам столкнулся с аналогичной дилеммой, докатившимися до них с изрядным запаздыванием. Теперь кое-чем рассекреченным она могла бы и поделиться, но это случилось с ней давным-давно. Эти истории, как и ее отчужденность, распаляли отца, знал Контроль, но сострадание его бесило. Поди разбери: искренен ли сполох света в небе?

Когда они развелись, Контроль отправился на юг жить с папой, который укоренился в общине — где чувствовал себя уютно, потому что в нее входил кое-кто из его родни, — подпитывая свои художественные амбиции, пока его банковский счет умирал голодной смертью. Контроль припоминал, как был потрясен осознанием, сколько шума, суматохи и цвета может быть в доме, когда они туда переехали.

И все же в эти жаркие лета в том южном городишке, не так уж далеко от Южного предела, Контроль — тринадцатилетка со ржавым великим и парой-тройкой верных друзей — продолжал думать о матери, пребывающей в поле, в каком-то отдаленном городе или стране — каким-то далеким сполохом в небе, иногда сходящим с ночных небес и материализующимся на их пороге в человеческом обличье. В точности также, как тогда, когда они были одной семьей.

В один прекрасный день, верил он, она возьмет его с собой, и он станет сполохом света, владея секретами, которые не узнает больше никто и никогда.

* * *

Некоторые слухи о Зоне Икс были весьма замысловаты, в своем хитроумии представляясь Контролю этаким косяком смертоноснейших и все же многочисленных медуз в аквариуме. Когда смотришь на них, они в своем пульсирующем продвижении на фоне насыщенно-синей воды представляются одновременно и реальными, и нереальными. *Место вторжения. Секретные правительственные эксперименты.* Как может такой организм существовать на самом деле? Простые перепевы официальной версии — вариации на тему зоны рукотворной экологической катастрофы — по контрасту в эти дни настолько заурядны, что почти не задевают сознания и не возбуждают любопытства. Одомашненные версии, кушающие у тебя с ладони.

Но истина притом была проста: лет тридцать назад в отдаленной местности, известной как Забытый берег, произошло Явление, начавшее трансформировать ландшафт и одновременно вызвавшее нисхождение невидимой границы или стены. Некий призрачный туман, или, как было сказано в документах, «преодолимое предграничное явление», — невесомый, заметный лишь благодаря легкому мерцанию — распространялся из неведомого эпицентра и останавливался у непреодолимой границы. Через точку исхода, обнаруженную в этой границе, правительство отправило элитные армейские подразделения, пропавшие до единого человека, а их снаряжение, когда его уда-

валось отыскать, было испорчено самым диковинным образом. Большая его часть разлагалась с невиданной скоростью.

С той поры учредили Южный предел в стремлении выяснить, что же случилось, — без особого успеха, ценою человеческих жертв в экспедициях. И все же эти жертвы были сущим пустяком по сравнению с возможностью какого-нибудь прорыва из анклава вдоль границы, который ученые до сих пор исследуют в попытке постичь. А дразнящее, непоследовательное и аналогичное возвращение некоторых экспедиций практически без урона казалось Контролю чуть ли не более угрожающим.

— Это началось раньше, еще до опускания этой границы, — поведала ему заместительница директора после ленча в его новом-старом кабинете. Теперь она стала воплощением деловитости, и Контроль предполил принять это за чистую монету, продолжая пока-мест приберегать на будущее свой гнев по поводу ее упреждающего удара с выдворением антрополога и топографа.

Карта Зоны Икс, развернутая Грейс на углу его стола: береговая черта, маяк, базовый лагерь, тропы, озера и реки, остров во многих милях к северу, отмечающий самые дальние пределы... Внедрения? Вторже-ния? Заражения? Какое слово тут уместно? Наихудшая часть карты — черная точка, от руки надписанная директрисой «тоннель», но большинству известная как «топографическая аномалия». А наихудшая, по-тому что встретили ее члены не каждой выжившей экспедиции, даже занимаясь картографированием именно этого района.

Грейс швырнула папки поверх карты. Контроля до сих пор поражало — с эдакой ностальгией, даруемой его поколению нечасто, — насколько анахронично работать с бумагами. Но предыдущую директрису снедала тревога по поводу переправки современной техники через границу. Она запрещала определенные виды связи, требовала, чтобы все электронные письма распечатывали, а оригинальные цифровые версии регулярно архивировали и удаляли, и ввела загадочные и замысловатые протоколы пользования Интернетом и прочими видами электронной связи. Положит ли он этому конец? Контроль пока не решил, испытывая своеобразную симпатию к этой политике, как бы непрактична она ни была. Сам он пользуется Интернетом исключительно для изысканий и административных дел. Он недолюбливал сотовые телефоны, не говоря уж о смартфонах, считая, что в современную эпоху в умы сограждан закралась некая разобщенность.

«Это началось раньше».

— Насколько раньше?

— Источники указывают, что могла наблюдаваться странная... активность... вдоль этого побережья по меньшей мере в течение века до опускания границы. — Прежде чем сформировалась Зона Икс. Первозданные пустоши. До сегодняшнего дня Контроль еще ни разу не слыхал, чтобы слово «первозданный» употреблялось столько раз подряд.

Он праздно задумался, а как называют это они — те или то, что сотворило этот первозданный пузырь, угробивший столько народа. Может, курортом. Может, плацдармом. Может, «они» настолько непостижимы, что ему никогда не понять, как они это назы-

вают и почему. Он спросил Голос, понадобится ли ему доступ к материалам по другим крупным необъяснимым инцидентам, и Голос выдал «Нет», прозвучавшее, как гранитный утес, за которым виднелась лишь пустая синева.

Контроль уже ознакомился хотя бы с частью дряни и хлама, теперь угрожавших проломить стол, в реферативном досье по заголовкам. Он знал эту толику информации, поглядывающей на него из бежевых папок, взятую из вахтенных журналов маяка и полицейских рапортов, — и что необъяснимое в ней надо поддевать с краев, помаленьку выдавливая на свет, как последнюю каплю зубной пасты из опустошенного тюбика, скрючившегося на краю раковины умывальника. «Странные дела» вроде тех, о которых толкуют бородатые трудяги-рыбаки в старых фильмах ужасов, устремив затравленные взоры на беспощадное море. Неразгаданные исчезновения. Огни в ночи. Рассказы о кораблях-призраках, ложных маяках и сотни легенд, илом наслаждающихся вокруг единственного побережья и отдаленного маяка.

Существовала даже неформальная группа — «Бригада познания и прозрения», — занимавшаяся приложением «эмпирической реальности к паранормальному феномену», написавшая несколько самостоятельно изданных книжонок, собирающих пыль на полках местных магазинчиков. Именно «Бригада ПиП» фактически окрестила Зону Икс, идентифицировав это побережье как «исключительно активное» и назвав его «Активным районом Икс» — название, рельефно выпирающее на их причудливой карте таро, вдохновленной наукой. Южный предел чуть ли не сразу списал БПП со счетов: «не катализатор, не игрок и не

подстрекатель» того, что породило Зону Икс. Просто кучка (не)везучих дилетантов, наткнувшихся на то, что, по иронии судьбы, намного превосходит их воображение. Если досье не лгут.

«Мы живем во Вселенной, управляемой случаем, — сказал отец как-то раз, — но трепачам подавай лишь причинность». Под трепачами в данном контексте подразумевалась мать, но утверждение применимо куда шире.

Так что же, все это в целом или частично случайное совпадение — или часть некоего обширного заговора, предшествовавшего Зоне Икс? Можно потратить годы, продираясь сквозь все это, пытаясь найти ответ, — и похоже, что именно этим бывшая директриса занималась.

— И вы считаете эти доказательства достоверными? — Контроль по-прежнему не представлял, насколько глубоко в холме трепа увязла заместительница директора. Слишком уж глубоко, учитывая ее природную враждебность, и вытаскивать ее оттуда он склонности не питал.

— Не все, — признала она, тонкой улыбкой стирая неизменно насупленный вид. — Но проследив события вспять от известных нам с момента опускания границы, начинаешь видеть систему.

Контроль поверил ей. Поверил бы, скажи она, что в жаркие летние дни в завитках ее мороженого пропадают видения. В трещинках льда в ее любимом коктейле — ром с диет-колой и лаймом. Уж такова природа аналитика. Но какие системы оккупировали рассудок бывшей директрисы? И какая доля этого просочилась в заместительницу директора? В какой-то степени Контроль уповал, что бедлам директриса

оставила за собой намеренно, чтобы скрыть некие более рациональные подвижки.

— Но чем он отличается от любой другой богом забытой полоски берега невесть где? — Таких по стране еще десятки. Мест, выступающих сущей анафемой для агентов по недвижимости, мест, почти лишенных инфраструктуры и испокон веку не доверяющих правительству.

Заместительница воззрилась на него — так, что ему стало не по себе, будто школьнику, отправленному к завучу за наглую выходку.

— Я знаю, что вы себе думаете, — заявила она. — Не введены ли мы в заблуждение собственными данными? Ответ: конечно. Так непременно происходит со временем. Но если в этих досье есть что-то полезное, вы сможете это разглядеть, потому что у вас свежий взгляд. Так что я могу сейчас же отправить все это в архив, если хотите. Или мы можем использовать вас так, как нам надо, — не потому, что вам что-то известно, а потому, что вам известно настолько мало.

В душе Контроля всколыхнулось подобие уязвленной гордыни, хоть он и понимал, что это скорей во вред и проистекает из того, что его родительнице как раз *известно*, казалось бы, все.

— Я вовсе не имел в виду, что я...

Она милосердно оборвала его. Но тон ее источал немилосердное презрение:

— Мы здесь уже давно... Контроль. Очень давно. Смиритесь с этим. Тут уж почти ничего не поделешь, — в ее словах прозвучала на диво сильная боль. — Вам не доводилось уходить домой, неся это в груди, в мозге костей. Через пару недель, когда вы навидаетесь

всего, вам тоже придется сжиться с этим надолго. Вы станете совсем как мы — только более того, потому что все усугубляется. Все меньшё и меньше дневников удается отыскать, все больше зомби, словно им прочистили мозги. А ни у кого из руководства нет на нас времени.

Был самый подходящий момент пособолезновать по поводу прочих вершившихся Центром препон и несправедливостей, осознал Контроль задним числом, но тогда он просто сидел, уставившись на нее. Счел ее фатализм помехой, особенно пропитанный, как он ошибочно определил поначалу, столь угрюмым удовлетворением. Клаустрофобическая комбинация, не нужная никому, не помогающая никому. Да еще и не предсказуемая в своих эволюциях.

Одна лишь первая экспедиция, согласно досье, испытала такие ужасы — едва ли не превосходящие всяческое воображение, — что просто удивительно, как после этого отправили вообще еще хоть кого-то. Но у них не было выбора, они понимали, что «повязаны» с этим надолго, как любила говорить бывшая директриса, как он узнал из стенограмм. Они даже не извещали последующие экспедиции об истинной части первой, состряпав фикцию о встрече с безмятежной нетронутой природой, а после громоздили поверх этой лжи новые. Это, вероятно, не только поддерживало дух последующих экспедиций, но и облегчало боль от травмы самого Южного предела.

— Через тридцать минут у вас назначена встреча для турне по научному отделу, — сообщила Грейс, вставая и нависая над ним, опервшись руками о

стол. — Пожалуй, позволю вам отыскать его самостоятельно.

Это даст Контролю как раз достаточно времени, чтобы перед этим обшарить кабинет на предмет средств наблюдения.

— Спасибо, — сказал он. — Можете идти.

Так что она удалилась.

Но это не помогло. Перед прибытием Контроль воображал, как свободно парит над Южным пределом, спархивая с некой отдаленной вершины, чтобы уладить дела. Этому случиться не суждено. Он уже опалил крылья и чувствует себя некой громоздкой стенающей тварью, увязшей в трясине.

* * *

По мере углубления знакомства кабинет бывшей директрисы не являл наметанному глазу Контроля никаких новых или особых черт. Не считая того, что компьютер Контроля, наконец утвердившийся на письменном столе, выглядел рядом со всем остальным чуть ли не научной фантастикой.

Дверь была расположена в левом конце длинной прямоугольной комнаты, так что приходилось преодолеть всю ее протяженность, чтобы достичь стола красного дерева, приткнувшегося у дальней стены. Никто не мог подкрасться к директрисе незаметно или прочесть что-нибудь у нее через плечо. Все стены были скрыты книжными и картотечными шкафами, причем местами стопки бумаг и книг образовывали второй ряд перед первоначальными нагромождениями. На самых верхних ярусах — или, в самых нелепых случаях, опирающиеся на эти стопки — пробковые

доски для объявлений с пришпиленными обрывками бумаги и кое-как нацарапанными графиками и схемами. Возле стола слева Контроль обнаружил коллекцию сущенных эфемеров. По полкам раскиданы пыльные и распадающиеся обломки сосновых шишек. Смутный намек на запах тления, но источник отыскать не удалось.

Напротив входа — еще одна дверь, вклинившаяся в просвет между книжными шкафами, но заваленная новыми грудами папок и картонных коробок. Вдобавок ему сказали, что прямо за ней стена — культурный слой топорной перепланировки. Напротив стола на стене, удаленной футов на двадцать, нечто вроде прогалины в захламлении, чтобы дать место двум рядам изображений в рамках, дешево купленных на распродажах. Слева-снизу по часовой стрелке направо: квадратная гравюра маяка времен 1880-х; черно-белая фотография двух мужчин и девочки в обрамлении двери маяка; длинная, несколько дилетантская акварельная панорама, изображающая многие мили тростника, перемежающиеся лишь несколькими островками темных деревьев; и цветная фотография луча маяка во всем его великолепии. Ни намека на что-либо личное, ни единого фото директрисы вместе с матерью — коренной американкой, ее белым отцом или с кем бы то ни было из тех, кто играл в ее жизни хоть какую-то роль.

Из всех собранных сведений, которые Контролю предстояло перерыть в ближайшие дни, он менее всего жаждал тех, которые может откопать в этом кабинете, теперь ставшем его собственным. Он подумывал даже, что мог бы отложить их напоследок. Все в этом

кабинете будто говорило об одичавшей директрисе. Ощущение такое, словно тебя поместили в чей-то чужой расстроенный рассудок. Один из ящиков стола был заперт, а ключ найти Контроль не мог. Но заметил этакую землистость запертого ящика, намекающую, что внутри нечто сгнило уже давным-давно. Каковая загадка даже не затрагивает бедлам, стекающий со стола по краям.

Неизменно угодливо-неугодливый дедушка-шпион раздумчиво говаривал, моя посуду или готовясь к вылазке на рыбалку: «Никогда не проскакивай ни шага. Проскочишь один шаг — и обнаружишь пять новых, подстерегающих тебя впереди».

Поиск средств наблюдения — жучков — потребовал больше времени, чем Контроль думал, и он звякнул в научный отдел, чтобы сообщить, что задержится. В ответ прозвучало этакое утробное бурчание, прежде чем дали отбой, а он даже не догадывался, кто был на том конце. Человек? Дрессированная свинья?

В конце концов, после адских поисков Контроль, к собственному изумлению, нашел в своем кабинете двадцать два жучка. Он сомневался, что многие из них действительно передают информацию, да если даже и передают, еще не факт, что кто-то смотрит или слушает, что они транслируют. Зато факт, что кабинет директрисы собрал целый музей неестественной истории жучков — разных типов из разных эпох, все более миниатюрных, все труднее поддающихся обнаружению. По сравнению с изящными эфирными булавочными головками современной эпохи левиафаны этого племени почти тридцатилетней давности пред-

ставлялись раздутыми, страдающими отрыжкой металлическими бубонами.

Обнаружение каждого нового жучка вызывало прилив радостно-приподнятоого настроения. Жучки наделены неким смыслом в той же мере, в какой лишено его все остальное, связанное с Южным пределом. В ходе своей выучки в качестве всеядного специалиста спецслужб он по меньшей мере шесть раз был на заданиях, связанных с прослушкой людей или мест. Соглядатайство не доставляло ему такого нездорового наслаждения, как некоторым; а если и доставляло, то это чувство блекло, как только он узнавал своих объектов получше и проникался заботливостью, привзанной оградить их. Но сама аппаратура его просто пленяла.

Наконец, сочтя поиски завершенными, Контроль чуток развлекся, разложив жучки на промокашке в хронологическом, по своему мнению, порядке. Некоторые серебристо поблескивали. Некоторые — черные — поглощали свет. К некоторым были припаяны проводки, будто пуповинки. Одна итерация — замаскированная внутри чего-то наподобие крохотного шарика липкого зеленого папье-маше или крашеного воска — навела его на мысль, что несколько штук могли быть даже иностранного производства: контрабанда, привлеченная любопытством к черному ящику под названием Зона Икс.

Впрочем, очевидно, что бывшей директрисе было наплевать на их присутствие. А может, даже ведая о них, она считала, что безопаснее их оставить. Опять же, может статься, некоторые она расставила тут сама. Интересно, не связано ли с этим ее недоверие к современным технологиям.

Что же до расстановки своих, с этим придется обождать: сейчас нет времени. Нет времени и воспользоваться этими жучками для другой цели, только что пришедшей ему в голову. Контроль аккуратно смахнул все жучки в один ящик стола и отправился искать своего научного гида.

Лаборатории погребли в подвале с левой стороны подковы, если смотреть на здание с автостоянки перед фасадом. Они расположены прямо напротив запертого крыла, служившего экспедициям предподготовительной зоной, а сейчас ставшего резиденцией биолога. В качестве гида к Контролю прикомандировали одного из спецов от-скуки-на-все-руки из научного отдела. Откуда следовало, что, несмотря на старшинство, — он проработал на агентство дольше, чем кто-либо еще из штатных работников, — Уитби Аллен представлял собой тянитолкая, отчасти из-за трений среди сотрудников, частенько прерывавшего свои исследования в качестве «интердисциплинарного натуралиста и холистического ученого, специализирующегося на биосферах», чтобы напечатать чьи-то чужие отчеты или выполнить чьи-то чужие поручения. Последним актом самопожертвования Уитби стала организация экскурсии для Контроля. Уитби отчитывается перед начальником научного отдела, но заодно и перед заместительницей директора. Он отпрыск интеллектуальной аристократии, потомок долгой череды профессоров, мужчин и женщин, преподававших в различных частных колледжах с псевдокоринфскими колоннами. Вероятно, для своего семейства он стал изгоем — недоучившийся студент

школы искусств, пустившийся бродяжничать и лишь впоследствии заработавший пристойную степень.

Уитби щеголял в синем блейзере с белой рубашкой и на диво скромном галстуке-бабочке цвета бордо. Выглядел он намного моложе своих лет, с не знающей времени каштановой шевелюрой и миниатюрным заостренным лицом того рода, из-за которого человека в возрасте за пятьдесят можно издали принять за моложавого тридцатидвухлетку. Его морщины выглядели крохотными волосяными трещинками. Контроль видел его за ленчем в кафетерии рядом с веером из дюжины долларовых купюр, выложенных на стол без видимой причины. Он что, пересчитывал их? Делал художественную инсталляцию? Конструировал монетарную биосферу?

Смех у Уитби оказался неприятный, а над дыханием и зубами ему явно стоит потрудиться. Вблизи Уитби еще и выглядел так, будто не спал много лет, — юноша, покрывшийся морщинами до срока, лицо обезвожено напрочь, настолько, что водянистые голубые глаза кажутся чересчур крупными для его головы. Помимо этого и пренебрежения ворами, Уитби производил впечатление человека достаточно компетентного, и хотя, несомненно, обладал умением поддерживать непринужденную беседу, склонности к таковой не питал. И это стало поводом ничуть не хуже других, чтобы Контроль, пролагая путь через кафетерий, принялся его расспрашивать.

— Были ли вы знакомы с членами двенадцатой экспедиции, прежде чем они отправились?

— Я бы не сказал «знаком», — Уитби вопрос явно пришелся против шерсти.

— Но вы таки виделись с ними.

— Да.

— А с биологом?

— Да, я ее видел.

Они наконец покинули пределы кафетерия с его высокими потолками, ступив в атриум, залитый люминесцентным светом. Издали из какого-то кабинета просачивалось взвизгивающее чириканье поп-музыки.

— И что вы о ней думаете? Какое у вас впечатление?

Уитби натужно сосредоточился, лицо его от усилия посувровело, заострившись еще более.

— Она была отстраненной. Серьезной, сэр. Трудилась больше всех остальных. Но вроде бы вовсе и не вкалывала, понимаете, что я имею в виду?

— Нет, я не понимаю, что вы имеете в виду, Уитби.

— Ну, ей как бы и не было дела. Работа не играла роли. Она как бы смотрела сквозь нее. Видела нечто иное.

У Контроля возникло ощущение, что Уитби подверг биолога весьма тщательному изучению.

— А бывшая директриса? Вы видели, как она взаимодействует с биологом?

— Разва два, может, три.

— Они ладили между собой? — Контроль не знал, почему задал этот вопрос, но рыбалка есть рыбалка. Порой для начала приходится просто забрасывать удочку где попало.

— Нет, сэр. Но, сэр, ни та ни другая ни с кем особо не ладили, — последние слова он произнес шепотом, словно боялся чужих ушей. А затем, словно для

прикрытия, поведал: — Кроме директрисы, видеть эту биологичку в двенадцатой экспедиции не хотел никто.

— Никто? — лукаво переспросил Контроль.

— Никто.

— Даже заместительница директора?

Уитби взглянул на него чуть ли не с ужасом. Но довольно было и его молчания.

Директриса внедрилась в Южный предел уже давно. Она отбрасывала длинную тень. И, даже уйдя, сохранила своеобразное влияние. Наверное, на Уитби это влияние не совсем распространяется, но Контроль ощущал его тем не менее. Он уже поймал себя на чудной мысли, что директриса смотрит на него сквозь очи своей заместительницы.

Как оказалось, лифты не работают и не будут починены, пока через пару дней не наведается специалист с армейской базы, так что они отправились по лестнице. Чтобы попасть на лестницу, надо проследовать вдоль дуги подковы к боковой двери, открывающейся в параллельный коридор футов пятьдесят длиной, пол которого украшен все тем же протоптаным зеленым ковролином, обесценивающим все здание. Лестница ждала в конце коридора за широкими двустворчатыми дверями, распахивающимися в обе стороны и более уместными на бойне или в приемном покое «Скорой помощи». Уитби, совершенно не в своем амплуа, ворвался в эти двери так, будто они рок-звезды, выскакивающие на сцену, — а может, чтобы шугануть тех, кто мог залечь по ту сторону, — а потом встал, робко придерживая одну створку, пока Контроль занимался осмыслением этого первого шага.

- Это сюда, — проговорил Уитби.
- Я знаю, — откликнулся Контроль.

За дверями они вдруг будто оказались в свободном падении — зеленый ковролин оборвался, сменившись бетонной эстакадой, нисходящей к короткой лестничной площадке с широкой пологой лестницей в конце, затем нырнувшей в сумрак, прорезаемый лишь тусклыми белыми галогенками в стенах и пунктиром мигающих красных лампочек аварийного освещения. И все это под высоченным потолком, обрамляющим то, что во мраке казалось скорее рукотворной пещерой или ангаром, чем спуском в подвал. Перила в робком свете ламп сверкали лучезарными проплешинаами ржавчины. Прохлада воздуха при спуске напомнила Контролю экскурсию в старших классах в музей естественной истории с системой искусственных пещер, призванных изображать современность, гвоздем коллекции которой были — вообще ни к селу ни к городу — воспроизведенные в движении доисторические гигантский ленивец и гигантский броненосец — мегафауна, свернувшая не в тот закоулок.

— Сколько человек в научном отделе? — спросил он, когда акклиматизировался.

- Двадцать пять, — сообщил Уитби.

Правильный ответ — девятнадцать.

- А сколько было пять лет назад?

— Примерно столько же, может, на пару-тройку человека больше.

Правильный ответ — тридцать пять.

- А велика ли текучка?

— У нас есть незыблевые адепты, которые никуда отсюда не уйдут, — развел руками Уитби. — Но прихо-

дит и уйма новичков с новыми идеями, но вообще-то они толком ничего не меняют.

Судя по его тону, они либо вскоре увольнялись, либо доходили до... а, собственно, до чего?

Контроль позволил молчанию затянуться, так что тишину нарушали лишь их шаги. Как он и думал, молчание для Уитби оказалось невыносимым. И через какое-то время тот не выдержал:

— Извините, извините. Я вовсе ничего такого не хотел этим сказать. Просто порой выводит из себя, когда новые люди приходят и хотят все поменять, не зная... нашей ситуации. Вот как бы если б они сперва почитали руководство... то бишь если бы у нас было руководство.

Контроль поразмыслил над этим, издав невнятный звук. У него сложилось впечатление, будто он встриял посреди спора Уитби с остальными. Не был ли Уитби и сам в какой-то момент новым голосом? Не является ли он сам этаким новым Уитби в отношении всего Южного предела, а не только научного отдела?

Уитби выглядел бледнее, чем прежде, чуть ли не больным. Уставившись куда-то на среднее расстояние, он апатично шлепал подошвами по ступеням. С каждым шагом явственно чувствовал себя все более неуютно. И перестал говорить «сэр».

Контроля охватила то ли жалость, то ли симпатия — он и сам не мог понять, что именно. Пожалуй, смена темы поможет Уитби.

— А когда вы в последний раз получили новый образчик из Зоны Икс?

— Около пяти или шести лет назад.

Этот ответ Уитби произнес более уверенно, чуть ли не более твердо, и был прав. Прошло уже шесть лет с

тех пор, когда в Южный предел попало нечто новое из Зоны Икс. Не считая радикально переменившихся членов экспедиции, предшествовавшей двенадцатой. Врачи и ученые дотошно исследовали их самих и их одежду, но нашли лишь... ничего. Вообще ничего необычного. Лишь одну аномалию — рак.

В подвал не попадало ни лучика света, кроме того, которым научный отдел обеспечивал себя сам: у него имеется собственный генератор, система фильтров и запасы продовольствия. Несомненно, пережиток некоего стародавнего императива, сводящегося к «в чрезвычайной ситуации спасайте ученых». Контролю оказалось трудно представить эти первые дни, когда правительство за закрытыми дверями пребывало в состоянии паники, и люди, работавшие в Южном пределе, считали, будто нечто, явившееся в мир вдоль Забытого берега, может вскоре обратить взор в глубь страны. Но нашествия так и не случилось, и Контролю пришло в голову, что с этих-то несбывшихся ожиданий мог начаться упадок Южного предела.

— Вам нравится тут работать, Уитби?

— Нравится? Да. Должен признаться, это зачастую увлекательная и определенно трудная, но тем интересная задача, — Уитби уже взмок, на лбу выступили бисеринки пота.

Может, оно и вправду увлекательно, но Уитби, согласно его личному делу, пережил затяжной хронический спазм требований о переводе — по одному каждый месяц, потом каждые два месяца, будто прерывистый сигнал SOS, пока не ушел в небытие, как ровная линия ЭКГ. Контролю пришлась по душе инициативность, хоть и сдобренная ощущением отчая-

ния, вложенная в такое число попыток. Уитби не хотел увязнуть в застойном болоте столь же явно, сколь Грейс или кто-то еще не желал его отпускать.

Быть может, тут дело в его гибкости игрока-универсала, потому что Контролю вполне очевидно, что научный отдел, как и все прочие подразделения Южного предела, «разбирают на запчасти», как выразилась бы мать, антитеррор и нацбезопасность. Согласно картотеке персонала, в заведении когда-то было сто пятнадцать ученых, представляющих почти тридцать дисциплин, и несколько подотделов. Теперь же во всей злополучной конторе осталось лишь шестьдесят пять человек. Поговаривают даже, слышал Контроль, о передислокации, вот разве что здание слишком близко к границе, чтобы служить для чего-либо еще.

И тут же на него снова повеяло тем же дешевым гнилостным запахом, словно уборщику открыт неограниченный доступ по всему зданию.

— Не сильноват ли этот запах уборки?

— Запах? — Уитби резко повернул голову. Глаза его от кругов под ними казались громадными.

— Запах скисшего меда.

— Я ничего не чую.

Контроль нахмурился — скорее из-за пыла, вложенного Уитби в эти слова, чем из-за чего-либо еще. Что ж, конечно. Они уже привыкли. Хоть это и ничтожнейшая из задач, но Контроль мысленно сделал пометку, что надо распорядиться о замене моющего состава на что-нибудь органическое.

Когда они, обогнув угол, резкий сверх необходимого, ступили в просторное преддверие научного отдела

с потолком, выглядящим высоким, как никогда, Контроль изумился: путь им преградила высокая металлическая стена с маленькой дверцей и хитроумной системой безопасности, мигающей красным огоньком.

Вот только дверь была открыта.

— Уитби, а эта дверь всегда открыта? — спросил он.

Казалось, Уитби считает, что пускаться в догадки может быть опасно, и поколебался, прежде чем сказать:

— По-моему, да. Здесь был задний конец сооружения, дверь врезали лишь год-другой назад.

Что заставило Контроля задуматься, для чего же это пространство служило тогда. Для танцев? Для свадеб и бар-мицва? Импровизированных судов военного трибунала?

Входя, пригнувшись пришлось обоим, чтобы тут же наткнуться на два воздушных шлюза под стать космическому кораблю — несомненно, для предотвращения заражения. Массивные двери шлюзов были распахнуты, и внутри сиял интенсивный белый свет, по неведомой причине не желавший хоть лучиком пробиться за незащищенную защитную дверь.

Вдоль стен на уровне плеч в обоих помещениях тянулись ряды дряблых длинных черных перчаток, висевших с таким видом, который Контроль иначе как удрученным назвать не мог. Складывалось ощущение, что руки и предплечья не наделяли их жизнью уже давненько. Словно своего рода музей, усыпальница любознательности искойной предусмотрительности.

— А это еще для чего, Уитби? Отпугивать гостей?

— А-а, мы ими не пользовались лет двести. Не знаю, зачем их тут оставили.

Дальше было немногим лучше.

003: ОБРАБОТКА ИНФОРМАЦИИ

Позже, вернувшись в свой кабинет, покинув Уитби в его вселенной, Контроль сделал еще заход на жучков. Потом приготовился позвонить Голосу, требовавшему докладывать через регулярные промежутки времени. Для этой цели ему выдали отдельный мобильник — наверное, чтобы сумка раздулась еще больше. Дюжины раз, когда Контроль говорил с Голосом в Центре еще до выезда в Южный предел, он(а) мог(ла) находиться где-то поблизости. Мог(ла) наблюдать за ним через скрытые камеры все это время. Или находиться за тысячи миль — дистанционный оперативник, служащий лишь для управления одним-единственным агентом.

Контроль не мог припомнить о тех разах ничего особенного, кроме голой информации, но от разговоров с Голосом ему становилось не по себе. Набирая номер, после того как выглянул в коридор — нет ли там кого, — и запирая дверь, он взмок как мышь. Ни мать, ни Голос не говорили, чего именно ожидают от каждого рапорта. Мать сообщила, что Голос может отстранить его от должности без согласования с ней. Вряд ли это правда, но Контроль решил пока что принять это на веру.

Голос, как всегда, был хриплым и искаженным фильтром. Маскировка сугубо из соображений безопасности или потому, что Контроль может опознать его? «Вероятно, ты никогда не узнаешь принадлежность Голоса, — сказала мать. — Выбрось этот вопрос из головы. Сосредоточься на том, что находится непосредственно перед тобой. Делай то, что умеешь лучше всего».

Но что именно? И каким образом отразится в Голосе мнение, что он хорошо справляется? Контроль уже начал представлять Голос в образе мегалодона или еще какого-то левиафана, сидящего в мозговом тресте, в аквариуме, заполненном соленой водой, в подвале некой сверхсекретной спецслужбы, столь сверхсекретной и столь специальной, что никто не упомнит ее назначения, хоть все и продолжают разыгрывать ее ритуалы. Вообще-то это мозговой стресс. Или мозговой секс. Хотя Голос или мать вряд ли удостоят это хоть смешком.

Голос пользовался настоящим именем Контроля, чем поначалу его озадачил, словно он вжился в роль Контроля настолько глубоко, что другое имя теперь принадлежит кому-то другому. Он никак не мог удержаться, чтобы не стучать указательным пальцем левой руки по промокашке на столе.

— Докладывайте, — распорядился Голос.

— Каким образом? — незамедлительно и глупо отреагировал Контроль.

— Лучше бы словами, — прохрустел Голос, будто гравий под сапогами.

Контроль пустился в резюме своего опыта на данный момент, взявшего свое начало всего лишь как резюме с полученного им резюме по положению дел в Южном пределе.

Но где-то посередине начал терять темп — докладывал он уже о жучках в кабинете или нет? — и Голос перебил его:

— Расскажите об ученых. Расскажите о научном отделе. Вы с ними сегодня встречались. Каково состояние дел там?

Любопытно. Означает ли это, что у Голоса есть еще пара глаз внутри Южного предела?

Так что он рассказал Голосу о посещении научного отдела, однако мнение свое изложил в дипломатичных выражениях. Отчитывайся Контроль перед матерью, он бы сказал, что ученые в полном раздрое даже для ученых. Начальник отдела Майк Чейни был кренастым белым толстяком лет пятидесяти с хвостиком, в мотоциклетной куртке, футболке и джинсах, с коротко стриженными седыми волосами и зычным, жизнерадостным голосом. Его акцент, принесенный с севера, порой расслабленно растекался подхваченными у южан тягучими интонациями. Складки в углах рта будто сговорились с низвергающимися бровями превратить его лицо в «икс», с каковым роком он неустанно сражался, все время улыбаясь.

Его заместительница Синтия Дэвидсон, заодно еще и физик, — тощая, как стайер, но на самом деле пустившая весь свой избыточный вес в табачный дым. Она со скрипом передвигалась в красной плиссированной блузке с короткими рукавами и обтягивающих коричневых вельветовых брюках с широченным кожаным ремнем. Большую часть всего этого прикрывал поношенный черный деловой жакет, возраст которого выдавали огромные накладные плечи. Рука ее, протянутая для пожатия, отделяясь от которого Контроль по первому разу не мог, напоминала холодную дохлую рыбу.

Впрочем, на Дэвидсон способность Контроля усваивать новые имена и исчерпалась. Он рассеянно кивнул химику-исследователю, равно как штатным эпидемиологу, психологу и антропологу, тоже втиснувшимся в крохотный конференц-зал для знаком-

ства. Поначалу Контролю эта клетушка показалась знаком неуважения, но на полпути он понял, что обознался. Нет, они просто вели себя как кошка перед хищником: просто пытались казаться ему больше, чем на самом деле, в данном случае, преуменьшая окружающее пространство.

Никому из дополнительно приглашенных сказать толком было нечего, хотя у него и сложилось впечатление, что один на один они могли бы и разоткровенничаться. В остальном бал правили Чейни и Дэвидсон, плюс парочка комментариев от антрополога. Судя по манере их речи, будь ученые степени медалями, все они понавешивали бы их на некие квазивоенные мундиры ученых — скажем, лабораторные халаты, которых не было ни на одном из присутствующих. Но Контроль уловил посыл, понял, что это лишь часть продолжающегося повествования — то, что было обширной вотчиной научного отдела, отнимают у него пядь за пядью.

Очевидно, Грейс им сказала — или приказала? — разыграть для Контроля обычный спектакль, что он воспринял как увертку или, в лучшем случае, пустую трата времени. Впрочем, им этот перепев вроде бы ничуть не досаждал. Наоборот, они будто бы упивались, как не в меру ретивые фокусники в поисках аудитории. Контроль обратил внимание, что Уитби смущен, судя по тому, как он забился в дальний угол, стараясь казаться маленьким и незаметным.

«Апогеем творчества», как шутливо выразился бы отец, оказался видеоролик с белыми кроликами, исчезающими на невидимой границе: должно быть, его показывали снова и снова несметное число раз, судя по сопроводительным комментариям.

Событие это разыгралось в середине 1990-х, и Контроль наткнулся на него среди данных по поводу невидимой границы между Зоной Икс и миром. Будто в сердцах из-за отсутствия прогресса ученые выпустили две тысячи белых кроликов футах в пятидесяти от границы на расчищенном участке, погнав их прямо на границу. Вдобавок к ценным наблюдениям перехода кроликов отсюда туда научный отдел питал смутные чаяния, что одновременный, или почти одновременный, прорыв границы таким множеством «живых тел» может «перегрузить» «механизм» границы, вызвав в нем короткое замыкание, пусть даже локальное, в одном лишь этом районе. То есть если предположить, что границу можно перегрузить, как электросеть.

Переход кроликов они документировали с помощью стандартной видеоаппаратуры, а также микрокамер, закрепленных на головах у некоторых кроликов. Смонтированный материал для максимального драматического эффекта местами свели вместе на полигране вкупе с ускоренными и замедленными съемками, что в результате создавало впечатление некоторой расхлябанности при совместном рассмотрении. Словно видеомонтажер хотел придать событию легковесность, каким-то образом — с помощью потаенной непочтительности — изыскать способ пропустить его мимо глаз. В общем и целом, как известно Контролю, видеотека и цифровая библиотека содержат свыше сотни тысяч видеофрагментов исчезающих кроликов. Скачущих. Копошащихся друг на друге, громоздясь шаткими живыми пирамидами в стремлении избежать столкновения с границей.

Главный видеоряд, показываемый хоть с нормальной скоростью, хоть замедленно, создавал впе-

чатление сухого и отрывочного материала. Кролики метались из стороны в сторону перед людьми в мешковатых костюмах химзащиты, загонявшими животных полукругом. Вид у людей был загадочный, будто у некоего анонимного спецназа в белом по борьбе с уличными беспорядками, держащего длинные белые щиты, смыкающиеся в виде стены, ограждающей и сдерживающей кроликов. Люминесцентно-красная линия на земле обозначала пятнадцатифутовую переходную зону между миром и Зоной Икс.

Некоторые кролики улизнули из-за края полукруга или в своей безумной скачке нашли траектории, перебросившие их через стену оцепления, толкавшего их вперед. Но большинство удрать не смогли. Большинство ринулись вперед и — либо на бегу, либо посреди прыжка — исчезли, едва коснувшись границы. Ни всплеска, ни взрыва, разлетающегося брызгами крови и ошметков органов. Они просто исчезали. Крупные планы в рапиде показывали микросекунду перехода, в течение которой половина или четверть кролика еще красовалась на экране, но только застывший кадр мог фактически зафиксировать момент между *там* и не там. Один стоп-кадр явил взгляду ляжки дюжин четырех толкущихся кроликов, по большей части застывших в прыжке, лишенные голов и торсов.

Видео, которое показывали ему ученые, было лишено звука, не считая закадрового голоса, но из документов Контроль знал, что когда первых нескольких кроликов прогнали сквозь границу, остальные подняли жуткое верещание. Этакий заупокойный плач на фоне массовой паники. Если бы видео продолжалось, Контроль увидел бы, как последние кролики

взбунтовались против загонщиков настолько, что обратились против них, пустив в ход зубы и когти... увидел бы белые щиты, замаранные алым, исследователей, от изумления не удержавших строй, отчего добрых две сотни кроликов скрылись в неизвестном направлении.

Микрокамеры оказались, пожалуй, еще менее информативными. Будто брошенные монтажные срезки напряженной батальной сцены из боевика, они просто показывали зады и подбрюшья отчаянно скачущих кроликов и какие-то мечущиеся пейзажи, прежде чем все темнело. Никакой видеотрансляции от кроликов, пересекших границу, хотя удравшие навели тень на плетень: болота по обе стороны от нее выглядят очень похоже. Впоследствии Южный предел потратил порядком времени, выслеживая этих беглецов, чтобы поставить крест на вероятности, что хоть какая-то часть полученных данных дошла из-за границы.

Да и следующая экспедиция в Зону Икс, отправленная через неделю после эксперимента с кроликами, не нашла ни следа белых кроликов — ни живых, ни мертвых. Как и ни один аналогичный эксперимент — в куда меньших масштабах — не принес вообще никаких результатов. Не прозевал Контроль и въедливую реплику какого-то эколога в одной из папок, посвященных этому событию, гласившую: «Какого хрена? Это же инвазивный вид. Они бы заразили Зону Икс». Ой ли? Допустила ли бы подобное сущность, сотворившая Зону Икс? Контроль старался отстранить от себя нелепый образ Зоны Икс, спустя годы высывающей обратно кролика ростом с человека, ничегошеньки не помнящего, кроме своей должности. Большинство факиров все равно уже подхихики-

вали не к месту, будто показывали ему, как проделали свой самый лавроносный фокус. Но нервные смешки он слышал и раньше. Потому что некоторых, не сомневался Контроль, это видео, даже столь отдаленное, продолжает тревожить.

Некоторых из ответственных за это лиц уволили, а остальных перевели. Но теперь, более пятнадцати лет спустя, здесь сидят их близнецы, благородные останки научного отдела, показывающие ему с нарочитым энтузиазмом то, что всего десятилетие назад считалось полнейшим провалом. Очевидно, флер времени превращает фарс в икону. У них было и еще что показать — данные и образцы из Зоны Икс под стеклом, — но все это ровным счетом ничего не добавляло к уже написанному в досье, и эту информацию он может почерпнуть позже, когда заблагорассудится.

В каком-то смысле Контроль был отнюдь не против просмотра этого видео. Оно стало своеобразной передышкой, учитывая, что еще поджидало его в этом отделе. Видоматериалы из первой экспедиции, члены которой погибли, не считая одного выжившего, ему еще предстояло изучить неделей позже, как главные материальные свидетельства. Но еще ему не понравилось эхо своеобразного студенческого задора в отношении презентации, подспудный вой вроде: «Поглядите-ка на это дермо, которое мы послали на границу! Поглядите-ка, какой трюк мы откололи!». Передайте-ка дешевого пивка. Тяпните глоточек всякий раз, как увидите белого кролика.

Когда он уходил, все они выстроились в неровную шеренгу, словно для групповой фотографии, и один за другим трясли ему руку. Лишь когда они с Уитби снова оказались на лестнице, миновав чудовищные

черные перчатки, Контроль сообразил, что в этом всем было необычным. Все они стояли буквально на вытяжку, с чрезвычайно серьезными лицами. Должно быть, думали, что он явился еще больше урезать их отдел. Что он явился судить их. А еще позже, выгребая толику жучков из ящика письменного стола с намерением совершить дурной поступок, прежде чем звонить Голосу, задумался, не боялись ли они вместо того чего-то совершенно иного.

Изрядную часть этого Контроль поведал Голосу с нарастающим ощущением тщетности происходящего. Очень немногое из сказанного наделено было особым смыслом или являло собой новость — он просто мусолил слова, чтобы хоть что-то сказать. Он не сообщил Голосу, что некоторые из ученых употребляли в отношении Зоны Икс выражение «экологическое благо» с тревожным и деморализующим подтекстом: «А надо ли с этим бороться?» Как ни крути, это «первозданные пустоши».

— ЧЕРТ! — рявкнул Голос под конец его научного отчета, прервав собственное нескончаемое фоновое бубнение... и Контроль на секундочку отвел мобильник подальше от уха, не зная толком, чем это спровоцировано, пока не услышал: — Извините. Чашка кофе опрокинулась, прямо на меня. Продолжайте.

Кофе несколько подпортило образ мегалодона в голове Контроля, и он на миг потерял нить повествования.

Когда он с этим покончил, Голос прямо-таки ринулся вперед, словно начиная по новой:

— Каков ваш психологический настрой на данный момент? Дома у вас все в порядке? Как, по-вашему, чего это потребует?

На какой же вопрос отвечать?

— Оптимистический? Ну, пока они не получат дополнительных директив, структуры и ресурсов, не знаю.

— Каково ваше впечатление о предыдущем директоре?

Барахольщица. Чудачка. Загадка.

— Ситуация здесь сложная, а я тут только первый полный де...

— КАКОВО ВАШЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ О ПРЕДЫДУЩЕМ ДИРЕКТОРЕ?! — с подыванием, будто щебенка, вздымаемая грозовым ливнем.

Контроль ощущал, как учащается пульс. У него бывали начальники, не слишком владеющие собой, и факт, что один из них находится по ту сторону мобильника, ситуации отнюдь не улучшил.

И тут формирующееся мнение прорвало.

— Она утратила всякое восприятие перспективы. Потеряла нить. Под конец методы ее были эксцентричны, и потребуется время, чтобы распутать...

— ХВАТИТ!

— Но я...

— Не надо поносить погибшую, — на сей раз перешептывание гальки. Ощущение скорби пробилось даже сквозь фильтр, а может, Контроль просто домыслил это.

— Есть. Сэр.

— В следующий раз, — заявил Голос, — я рассчитываю услышать от вас нечто более интересное. Нечто такое, что мне неизвестно. Спросите заместителя директора о биологе. Например.

— Есть, сэр, — отчеканил Контроль и: — Ах да, говоря о заместителе директора...

Он обрисовал утренние перипетии с отсылкой антрополога и топографа и проблему, что у Грейс вроде бы есть контакты в Центре, которые могут причинить вред.

— Разберусь, — отозвался Голос. — Улажу, — а потом пустился в рацею, из-за своей тягомотности казавшуюся записанной заранее: — И помните, я всегда за вами слежу. Так что хорошенъко *подумайте*, чего именно я могу не знать.

Отбой.

Одна из вещей, сказанных ему учеными, оказалась полезной и неожиданной, но Голосу Контроль ее не открыл, потому что она вроде бы подпадала под категорию Всем Известных Тайн.

В попытке отвлечься от провалившегося эксперимента с белыми кроликами Контроль спросил их о нынешних гипотезах на предмет границы, пусть даже самых нелепых.

Чейни, кашлянув раз-другой, огляделся и наконец заговорил:

— Хотелось бы мне говорить об этом более однозначно, но, знаете ли, мы много об этом спорим, потому что так много неизвестных... но... ну, лично я не верю, что граница непременно исходит из того же источника, который преобразует Зону Икс.

— Как?

— Распространенная реакция, — поморщился Чейни, — и я вас не виню. Но я имею в виду... нет свидетельств того, что... сущность... в Зоне Икс порождает также и границу.

— Это я понял, но...

Тут вступила Дэвидсон:

— Мы не в состоянии исследовать границу тем же способом, что и образцы, изъятые из Зоны Икс. Но зато смогли снять показания, и — чтобы не грузить вас данными — граница достаточно отличается по строению, чтобы поддержать эту гипотезу. Представляется довольно очевидным, что произошло некое Явление, породившее Зону Икс, а затем произошло второе Явление, породившее невидимую границу, но это...

— Они не связаны? — недоверчиво перебил Контроль.

Чейни покачал головой:

— Ну, только в том, что это Явление-два почти наверняка является реакцией на Явление-один. Но, может быть, границу создал некто (Контроль снова отметил нежелание сказать «пришельцы» или «*нечто*») другой.

— А это означает возможность, — подхватил Контроль, — что эта вторая сущность пыталась изолировать последствия Явления-один?

— Именно, — подтвердил Чейни.

Контроль снова подавил сильнейший порыв просто встать и уйти.

— И, — сказал он, углубляясь в тему, — как насчет прохода в Зону Икс через границу? Как вы его сделали?

Чейни нахмурился, бросил на коллег беспомощный взгляд, и, когда никто из них не лег грудью на амбразуру, насупился и поджал губы еще больше.

— Мы его не делали. Мы его нашли. Однажды он просто... появился.

И тут Контроля охватил гнев. Отчасти из-за того, что первоначальная информация заместительницы

директора была чересчур расплывчатой, а может, он сам чересчур пустился в домыслы. Но главным образом потому, что Южный предел слал экспедицию за экспедицией — через дверь, которую создал не он, — бог весть куда в надежде, что все обойдется, что все вернутся, что те белые кролики не распылились на атомы, а, может, в жутких муках вернулись к первозданному состоянию.

— Сущность-один или Сущность-два? — спросил он у Чейни, жалея, что никак нельзя привлечь к этому разговору биолога, уже прикидывая в уме новые вопросы для нее.

— Что?

— Какой творец Событий открыл дверь в границе, как вы думаете?

— Ну, — развел Чейни руками, — боюсь, тут уж не скажешь. Потому что мы не знаем, каково ее главное предназначение — впускать что-то внутрь или выпускать изнутри.

А может, и то и другое.

Заместительницу директора Контроль настиг, прокладывая путь по бесчисленным коридорам, еще не вполне увязавшимся у него в голове между собой. Пытался отыскать отдел кадров, чтобы сбыть документы, но в голове целостная карта здания еще не сложилась, да вдобавок он оставался чуток не в себе после телефонного разговора с Голосом.

Обрывки разговоров, мельком подслушанные в коридорах, ясности отнюдь не вносили, апеллируя к вещам, пребывающим пока вне смыслового поля Контроля. «Как, по-твоему, насколько вглубь она уходит?» «Консолидация власти». «Хочешь верь, хочешь

не верь». Грейс тоже не очень-то помогла. Едва он пристроился рядом, как Грейс начала его теснить — наверное, чтобы подчеркнуть, что силой и ростом ничуть ему не уступает. От нее так пахло каким-то настолько синтетическим ароматом лаванды, что Контроль едва не чихнул.

Парировав вопрос о посещении ученых, Контроль развернулся и попер на нее, не дав шанса отвертеться.

— Почему вы не хотели участия биолога в двенадцатой экспедиции?

Грейс остановилась, выдерживая дистанцию:

— Кто вам сказал?

Хорошо — она готова вступить в пикировку.

— Что у вас тогда было на уме? Почему вы не хотели участия биолога в той экспедиции?

Сотрудники обходили их справа и слева.

— У нее не было надлежащей квалификации, — приглушенным голосом сообщила Грейс. — Ее вытурили с полудюжины должностей. Да, у нее есть прирожденный талант, этакая искра, но она неквалифицированна. И участие ее мужа в предыдущей экспедиции тоже было ей в минус.

— Директриса была с этим не согласна.

— Кстати, а как Уитби все это разведал? — спросила она как бы между прочим, и Контроль понял, что выражением лица подтвердил ее предположение о своем источнике. Прости, Уитби, что я тебя сдал. Зато это же поведало ему, что Грейс обеспокоена тем, что Уитби с ним говорил. Не означает ли это, что Уитби — креатура Чейни?

— Но директриса была не согласна, — продолжил он натиск.

— Да, — признала она. Контролю было любопытно, какого рода это было предательство. — Не согласна. Она думала, что все это — *плюсы*, что мы пересчур озабочены обычными критериями пригодности. Так что мы пошли у нее на поводу.

— Даже несмотря на то, что она распорядилась эксгумировать членов предыдущей экспедиции и подвергнуть их повторному исследованию?

— Где вы об этом услыхали? — с искренним изумлением спросила Грейс.

— Не говорит ли это о пригодности самой директрисы?

— Нет, — отрезала Грейс. — Нет, не говорит.

Восхитительная преданность.

— Она что-то заподозрила, не так ли? — Согласно досье, Центр считает, что даже если уникальное состояние полной прочистки мозгов предыдущей экспедиции и не сигнализирует ни о каких сдвигах ситуации в Зоне Икс, это может сигнализировать о сдвигах в директрисе.

Грейс вздохнула, словно он ее уже утомил:

— Она подозревала, что они могли... измениться... с момента аутопсии. Но раз вы спрашиваете, то уже знаете.

— И как? Изменились?

Исчезли. Воскресли. Вознеслись на небо.

— Нет. Они разлагались чуточку быстрее, чем следовало ожидать, но в общем — нет, не изменились.

Интересно, в какую долю уважения и любезности обошлось это директрисе. Не сложилось ли так, что к моменту, когда она заявила, что отправляется в двенадцатую экспедицию, кое-кто из сотрудников испы-

тал не тревогу или озабоченность, а странное облегчение с примесью чувства вины, гадал Контроль.

У него был еще вопрос, но Грейс подвела черту, уже развернувшись на пятке и увильнув в другой коридор этого лабиринта.

В конце дня, уже собираясь уходить, Контроль снова натолкнулся на Уитби в кафетерии, в районе которого тот слонялся, словно не желая спускаться в казематы к остальным ученым. Или словно его выслали в бессрочную командировку с заданием держать Контроля подальше. В помещение залетела и никак не могла выбраться небольшая черная птичка, и Уитби, задрав голову, смотрел вверх, где она перелетала от одного потолочного окна к другому.

Так что вопрос, заготовленный для Грейс, достался Уитби:

— Уитби, а почему так мало дневников возвращено из экспедиций — в разы меньше, чем людей?

Уитби был все еще зачарован полетом птицы, вертя головой, как кот, чтобы уследить за каждым движением. Пристальность его взора прямо-таки обескураживала, приводя в некоторое замешательство.

— Неполные данные, — ответил Уитби. — Но большинство вернувшихся говорили, что им просто не пришло в голову их прихватить. Или не считали, что это важно, или не чувствовали такого желания. Чувства тут играют важную роль. Они утрачивали потребность в диалоге, в общении, на манер того, как астронавты теряют мышечную массу. Большинство дневников вроде бы обнаружилось на маяке. Какое-то время этому особого значения не придавали, но когда мы просили последующие экспедиции достать их, те

обычно даже и не пытались. Теряешь волю, стремления, а может, на первое место выступает нечто иное. А потом уже слишком поздно.

Отчего у Контроля возник неуютный образ, как некто или нечто в Зоне Икс входит в маяк и, сидя на груде дневников, читает их *вместо Южного предела*.

— Я могу показать вам кое-что интересное в одной из комнат рядом с научным отделом, имеющее к этому отношение, — мечтательным тоном проронил Уитби, по-прежнему отслеживая взглядом траекторию птицы. — Хотите посмотреть? — Его отсутствующий взгляд вдруг резко сфокусировался, упервшись в Контроля. У того возникло ощущение, что перед ним два Уитби, один из которых притаился внутри другого. А то и три, вложенных друг в друга. Отчего тут же сработал сигнал тревоги.

— А почему бы вам просто не рассказать?

— Нет. Это надо показать. Это малость странновато. Чтобы понять, вы должны это видеть. — Теперь Уитби вроде бы и не волновало, увидит ли Контроль странную комнату, и в то же самое время волновало до чрезвычайности.

Контроль рассмеялся. С тех пор как он пришел во внутренний терроризм, уйма народу показывала ему безбашенные штуковины. А сегодня ему говорят сплошь безбашенные вещи.

— Завтра, — сказал он. — Посмотрю завтра.

Или нет. Никаких сюрпризов. Никакого удовольствия хранителям странных секретов. Никаких странностей раньше времени. На один день с него довольно, и так придется препоясать чресла за ночь, чтобы набраться духу для повторного столкновения. С людьми, желающими тебе что-то показать, штука в

том, что порой их стремление наделить тебя знанием сдобрено толикой вуайеристического садизма. Они ждут Взгляда или Реакции, и им плевать, что это, если только оно вызвало некий дискомфорт. Интересно, не подставила ли Грейс Уитби после разговора, подстроив какой-нибудь розыгрыш, заставив сунуть руку куда-нибудь, чтобы обнаружить, что та покрыта дождевыми червями, или открыть коробку, из которой выскочила пластиковая змея.

Теперь птица хаотически заметалась, спустившись пониже, так что разглядеть ее в свете заходящего солнца стало трудновато.

— Вам надо увидеть это сейчас, — заявил Уитби то-скливо-уязвленным тоном. — Лучше поздно, чем никогда.

Но Контроль уже повернулся к Уитби спиной, направляясь к выходу, а оттуда к (благословенной) стоянке.

Поздно? И насколько же он опоздал, по мнению Уитби?

004: ВОЗВРАЩЕНИЕ

В машине было тесновато, чтобы перевести дух, пройти декомпрессию и трансформироваться из одного качества в другое. Городок Хедли расположен в сорока минутах езды от Южного предела на берегах реки, всего через двадцать миль вливающейся в океан. Хедли достаточно велик, чтобы обладать собственным лицом и культурой, но не настолько, чтобы превратиться в приманку для туристов. Люди переезжают туда, хоть он и малость не дотягивает до «города, где славно расстить детей». Между бурлящими магазинчиками, сгру-

дившимися на одном конце короткой набережной, и дорогами, тянущимися под кронами деревьев, как под сводом, рассыпаны намеки на определенное качество жизни, несколько завуалированные торговыми пассажами, лунающимися вовне от окраин города. В нем есть маленький частный колледж с центром исполнительских искусств. Можно пробежаться вдоль реки или отправиться в поход по зеленой зоне. И все же при этом Хедли заодно не лишен своеобразной апатии, особенно летом, и может за одну ночь растерять обаятельность, став вялым и равнодушным. Перемену в настроении предвещает тишина и покой, когда бриз с реки стихает, и некоторые бары у самой набережной издавна стали притчей во языцах за внезапные, бесмысленные вспышки насилия — в такие места лучше не соваться, если ты не белый или не сойдешь за белого, да и тогда вряд ли стоит. Городишко будто увяз в прошлом, почти не переменившись с той поры, когда Контроль был подростком.

Местоположение Хедли пришлось Контролю кстати. Ему хотелось быть поближе к морю, но не на побережье. Некая неопределенность Зоны Икс породила в нем настоятельную потребность в этом отношении. Его сновидение каким-то образом возбраняло это. Сон вещал, что ему нужно держаться поодаль. В полете к месту нового назначения ему пришла в голову странная мысль, что жители прибрежных городков по обе стороны от Зоны Икс каким-то образом внутренне мутировали. Целые общины стали не такими, как прежде, хоть с виду и не скажешь. Подобные мысли следует и держать под спудом, и в то же время возвращивать, если только ухитришься проделать подобный фокус. Нельзя позволить им снедать себя, но при-

слушиваться к ним надо. Потому что опыт Контроля подсказывал, что они отражают нечто подсознательное, некий инстинкт, перечить которому не стоит. Тот факт, что Южный предел даже три десятка лет спустя знает о Зоне Икс настолько мало, подсказывает, что даже иррациональные предосторожности могут оказаться не такими уж неразумными.

А уж Хедли-то ему знаком. В этот город они с друзьями начали приезжать поразвлечься на выходные, как только хоть один из них мог сесть за руль, даже зная, что это тоже дыра, вот только побольше, чем та, где жили они сами. Глухомань вдали от моря. Мать даже упомянула о городке при последней встрече. Залетела к нему на прежнее место работы на севере, где он мало-помалу съехал от анализа и руководства к более ситуационной и административной роли. Благодаря собственному багажу, как он догадывался. Благодаря тому факту, что всегда начинал резво, но потом, если засиживался на месте чересчур долго... когда-нибудь случалось что-нибудь — что-нибудь эдакое, с чем он не вполне мог совладать. Он становился чересчур вовлеченным. Чересчур проникался сочувствием — или чуть меньше, чем следовало. И впадал в замешательство, когда все шло прахом, потому что не мог припомнить момент, когда дело покатилось под уклон, и был по-прежнему убежден, что у него все схвачено.

Но мать приехала из Центра, и они встретились в конференц-зале — вероятно, нашпигованном жучками, как он понимал. Не путешествовал ли вместе с ней и Голос, устроившись в резервуаре с соленой водой в смежной комнате?

На улице стоял холод, и она была одета в пальто с шарфом поверх делового костюма и черные туфли на высоких каблуках. Сняв пальто, она держала его на коленях. Но шарфа не сняла. Вид у нее был такой, будто она готова сорваться с места в любой момент и упорхнуть за дверь, прежде чем он успеет щелкнуть пальцами. Он уже пять лет с ней не виделся — мать оказалась предсказуемо недостижима, когда он пытался передать ей сообщение о похоронах бывшего мужа, — но она почти не состарилась, каштановые волосы по-прежнему окружали лицо огромной копнкой, как у фотомодели, а голубые глаза расчетливо глядели с лица, на котором морщины притаились лишь в уголках глаз и, скрытые волосами, поперек лба.

Она сказала:

— Это будет вроде возвращения на родину, Джон, а? — подталкивая сына, желая, чтобы он это произнес, словно он морской желудь, прильнувший к скале, а она — чайка, пытающаяся убедить его ослабить хватку. — Тебе будет уютно в той обстановке. Тебе будет уютно с тамошним народом.

Ему пришлось подавить гнев с неуверенностью пополам. Откуда ей знать, права она или заблуждается? Она редко там бывала, хоть и не лишена была права посещения. Только они с отцом. Папа к тому времени уже начал опускаться: ел слишком много, пил лишнее. Вереница мимолетных увлечений, как только развод состоялся, а может, и еще до того (быть может, он был наивен), а после — нечто вроде строжайшего целибата, насколько Контроль мог судить, когда он вновь отдался искусству... вот только никому оно не было нужно. Наведя в его доме порядок и уехав в колледж,

Контроль испытал виноватое облегчение, оттого что можно больше не жить в этой атмосфере.

— И, уютно устроившись в этом мирке, столь мне знакомом, чем же я займусь?

Она ему улыбнулась. Искренне. Контроль знал разницу, страдая несчетное число раз под тусклым желтым сиянием фальшивок, пытавшихся разогреть его любовь к ней. Когда она улыбается по-настоящему, когда это идет от души, лицо матери преисполняется красотой, изумляющей всякого, кто ее видит, словно она прячет свою истинную натуру под маской. В то время как люди, не кривящие душой, редко удостаиваются признания за то же самое.

— Это шанс исправиться, — сказала она. — Шанс стереть прошлое.

Прошлое. Какую часть прошлого? Работа на севере была его десятым постом лет за пятнадцать, что делает Южный предел одиннадцатым. Имелся ряд причин, причины есть всегда. Или — в его случае причина.

— И что я должен делать? — раз приходится все вытягивать из нее клещами, значит, это вряд ли придется ему по душе. Но он уже устал от однообразия на нынешнем посту, связанного не столько с наладкой, сколько с подмалевкой фасадов. Да и конторские интриги ему поднадоели. Может, по сути, именно это всегда и было его проблемой.

— Ты слыхал о Южном пределе?

Слыхал, по большей части от коллег, работавших там одно время. Смутные аллюзии, придерживающиеся легенды об экологической катастрофе. В лучшем случае слухи о веренице чудачеств руководства. Крайне разнящиеся слухи о том, что это далеко не все. Но, с другой стороны, оно всегда так. И услышав, как мать говорит эти слова, он не знал, взволнован или нет.

— А почему я?

В улыбке, предшествовавшей ее ответу, сквозила легкая печаль, сожаление или нечто вроде, заставившее Контроля отвести глаза. Когда она отправлялась на задание, прежде чем скрыться надолго, у нее выпадал короткий период, когда она писала ему от руки длинные письма — а он с почти равным успехом не находил времени или желания их читать. Однако хранил их, понимая, что профессия у нее опасная, и может сложиться, что когда-нибудь письма могут стать единственным, что от нее осталось. Но теперь он чуть ли не жалел, что она не написала ему о Южном пределе в письме, вместо того чтобы сказать это лично.

— Потому что этот департамент сокращают, хоть тебе это может быть и неизвестно, и тебя кладут на плаху. И как, тебе это подходит?

От этого под ложечкой пронзительно засосало. Очередная перемена. Очередной город. Правда в том, что после того, как Контроль вступил в контору, у него редко возникали озарения. Зачастую он чувствовал тяжесть и понимал, что мать, наверное, тоже ее чувствует, что она только разыгрывает равнодушие и легкость, скрывая от него бремя информации, истории и контекста. Все то, что изводит, даже если уравновешено электризующим ощущением, что пребываешь по ту сторону границы, где знаешь вещи, не ведомые больше никому.

— Это единственный вариант?

Ну конечно, единственный, раз она не упомянула никаких других. Конечно, единственный, раз она проделала весь этот путь лишь затем, чтобы поздороваться. Он знал, что он — паршивая овца, что его топтание на месте скверно отражается на ней. Он даже не до-

гадывался, какие междуусобные сражения ведет она на высших уровнях конспиративных департаментов, настолько отдаленных от уровня его допуска, что с равным успехом могли бы парить в облаках, среди ангелов.

— Это было бы нечестно, Джон, я знаю. Но это может быть для тебя последним шансом, — проговорила она уже без улыбки. Без малейшего намека на улыбку. — По крайней мере, это последний шанс, который я смогла выбрать для тебя.

Последний шанс получить постоянную должность, покончить с кочевой жизнью, или вообще? Удержаться в агентстве?

Спросить он не осмелился, уж слишком глубоко в него вселила она холодный клубящийся страх. Он и не знал, что нуждается в последнем шансе. Страх угнездился настолько глубоко, что вытолкнул из его головы большинство прочих вопросов. Значит, у него нет и минутки, чтобы поразмысльть, не явилась ли она не только ради того, чтобы сделать сыну любезность. Может, ей *нужно*, чтобы он сказал «да».

И крючок соблазна, чтобы уравновесить его страх, заброшенный беззаботно и в самый подходящий момент, и он ничегошеньки не мог поделать со своей реакцией:

— Ты разве не хотел бы знать больше, чем я? Прими этот пост — и будешь.

Это правда. Хотел бы.

И когда он согласился на Южный предел, она его обняла, чем сильно удивила.

— Чем ближе, тем безопаснее, — шепнула она ему на ухо. Ближе к чему?

От нее исходил легкий аромат дорогих духов, чуточку напоминающий запах сливовых деревьев на заднем дворе старого дома, в котором они жили все вместе на севере. Крохотный садик, о котором Контроль до этого мгновения и не вспоминал. Качели. Соседский маламут, вечно без особого усердия гонявший его по тротуару.

К моменту, когда вопросы в нем наконец вызрели, было уже поздно. Она уже надела пальто и скрылась без следа.

Разумеется, не было даже никаких записей о ее прибытии или убытии.

Ко времени, когда он свернул на подъездную дорожку, на Хедли уже опустились сумерки, сулящие ночную передышку от жары. Арендованный им дом расположился примерно в миле вверх по пологому склону холма, сбегавшему к реке. Маленький, в 1300 квадратных футов, кедровый домик, покрашенный в голубой цвет, с белыми ставнями на окнах, слегка покоробившимися от жары. Две ванных, хозяйская спальня, гостиная, кухня-столовая, кабинет и просторная летняя терраса в глубине. Внутренний декор целикомдержан в приторном, но комфортабельном стиле «фамильного шика». Перед фасадом клумбы с травами и петуньями, переходящие в короткий отрезок газона рядом с подъездной дорожкой.

Когда он уже поднимался по ступенькам крыльца, из кустов сбоку выпрыгнул Эль Чоризо, тут же подвернувшись под ноги. Эль Чоризо¹ — громадный черно-белый кот, этакий ломовой конь кошачьей породы, названный так отцом. Семья раньше откармли-

¹ Чоризо — копченая свиная колбаса.

вала свинью по кличке Эль Гато¹, так что отец таким образом пошутил. Контроль забрал питомца к себе года три назад, когда рак отца зашел уже достаточно далеко и Эль Чоризо стал обузой. Он всегда был дворово-домашним котом, и Контроль решил позволить ему оставаться таким и в новой обстановке. Очевидно, решение правильное: Эль Чоризо, или Чорри, как называл его Контроль, выглядел бойким и уверенным, хоть его длинный мех уже свалялся и перепачкался.

Они вместе зашли в дом, Контроль на кухне дал коту консервов, погладил его пару минут, потом прослушал сообщения на автоответчике — проводном телефоне только для «штатских». Сообщение было только одно — от Мэри Филлипс, бывшей его девушкой до разрыва месяцев шесть назад, желавшей убедиться, что его переезд прошел успешно. Она пригрозила нагрянуть с визитом, хоть он и не сообщил ей своего точного местонахождения и только-только снова привык спать один. «Без обид», и теперь он даже не мог толком припомнить, кто с кем порвал — он с ней или она с ним. Обиды случались редко, что казалось ему диковинным и неправильным. Ведь должны же быть обиды? Девушек было почти столько же, сколько и постов: обычно они не могли пережить или переезда, или его бдительности, или его свободного графика, а может, ему встречались не те, кто нужен. Уверенности он не питал, и по мере повторения циклов пытался выжать из первых месяцев как можно больше накала и близости, предчувствуя, чем все кончится. «Ты странный игрок», — сказала Мэри однажды, оставшись у него на ночь, когда он уже сделал на

¹ Gato (*исп.*) — кот.

нее заход. Но на самом деле он не игрок. Он и сам не знает, кто он такой.

На звонок он отвечать не стал, вместо того пройдя в гостиную и усевшись на диван. Чорри тут же свернулся рядышком, и Контроль рассеянно погладил коту голову. Так он сидел довольно долго, слушая, как крапивник или кто-то вроде копается в земле под самым окном. Кроме того, послышался клич пересмешника и долгожданный писк летучих мышей, отправившихся на ночной промысел за насекомыми. Летучие мыши теперь стали в диковинку.

Все так похоже на то, что знакомо с юных лет. Он решил позволить себе считать это чувство комфортным, как и дом, тем самым помогая себе поверить, что эта работа надолго. Но «всегда надо располагать стратегией отхода», как вдалбливала ему мать до тошноты с первого же дня обучения, так что он припрятал в двойном дне чемодана стандартный пакет, прихватив с собой не только стандартное личное оружие, но и один из пистолетов, лежащих вместе с паспортами и деньгами.

Контроль уже распаковался — еще повод для него не желать останавливаться в гостиничном номере или апартаментах. Одна лишь мысль о необходимости оставлять изрядную часть своих вещей в камере хранения причиняла ему муку. На кирпичный камин, сооруженный более для виду, он поставил шахматную доску с маленькими, ярко раскрашенными деревянными фигурками, ставшими последним редутом отца. Когда его карьера забуксовала, отец продавал их в местные сувенирные лавки и работал в общественном центре. Время от времени за последнее десятилетие жизни отца какой-нибудь коллекционер произве-

дений искусства покупал ту или иную из громадных художественных инсталляций, ржавевших под брезентом на заднем дворе, но это больше смахивало на явление призрака, путешественника во времени, нежели на возрождение интереса. Шахматная доска, застывшая во времени, показывала ход их последней совместной игры.

Если бы он не заставил себя стащиться с дивана, то просидел бы там всю ночь. Так что отправился в спальню, переоделся в шорты, футболку и кроссовки. Чорри поглядел на него, будто собирался составить компанию.

— Да знаю, знаю, я только что пришел домой. Но я вернусь.

Он выскользнул через входную дверь, решив оставить Чорри в доме, надел наушники, включил одно из любимых классических произведений и рванул вдоль по улице с вереницей тусклых фонарей. К этому времени сумерки сгостились окончательно, осталась лишь синяя дымка внизу над рекой да огни в окнах, а над отраженным сиянием города в высоте небес проглянули первые звезды. Жара спала, но неумолчный стрекот сверчков и прочих насекомых возвращал ее призрак.

Правую четырехглавую тут же слегка свело, но он знал, что скоро отпустит. Начал не спеша, давая себе время оглядеть окрестности, по большей части небольшие домики вроде его собственного, с рядами кустов вместо изгородей, и улицы, тянущиеся параллельно гребню холма, с пересекающими их улочками, сбегающими прямо вниз. Он был отнюдь не против их петляний, ему хотелось отмахать добрых три-пять миль. Возле некоторых домов на него волнами на-

катывал насыщенный аромат жимолости. Кроме сидящих на качелях и выгуливающих собак, да парочки скейтбордистов, народа на улицах почти не было. Большинство кивали ему, когда он пробегал мимо.

Ускорившись и войдя в ритм, направляясь все вниз и вниз, к реке, Контроль оказался в пространстве, где мог обмыслить этот день. Он все продолжал проигрывать в уме встречи, особенно допрос биолога. Все прокручивал бездну информации, обрушившейся на него сегодня. Завтра будет новая, и послезавтра тоже. Новая информация наверняка будет поступать еще какое-то время, прежде чем начнут напрашиваться какие-либо выводы.

Он мог бы попытаться не вовлекаться на этом уровне. Мог бы попытаться существовать лишь на некоем абстрактном уровне руководства и администрации, но полагал, что на самом деле Голос хочет от него совсем не этого — да заместительница директора и не позволила бы ему это сделать. Как может он быть директором Южного предела, не понимая нутром, с чем сталкивается там персонал? Он уже запланировал на этой неделе как минимум еще три беседы с биологом, а также турне по точке входа в Зону Икс на границе, понимая, что мать ожидает от него расстановки приоритетов сообразно ситуации на месте.

И пока он бежал, граница буквально не отпускала его. Абсурдность ее существования в том же мире, где и город, по которому он бежит, и музыка, которую он слушает. Крещендо струнных и духовых.

Граница невидима.

Вроде бы обладает шириной и глубиной.

Не допускает полумер: уж если коснулся, она тебя втянет (или перенесет?).

Ее снабдили демаркационной линией, включая и простирающуюся на милю в море. Военные установили понтоны и неустанно патрулируют местность.

Любопытно, подумал он, перепрыгивая низкую стену, оплетенную побегами кудзу, и срезая угол между улицами по направлению к разрушающемуся каменному мосту. На миг задумался об этих неустанных патрулях: видели они что-нибудь среди волн, или их жизнь — лишь выматывающее кишку серо-синее одинообразие день за днем.

Граница простирается миль на восемьдесят в глубь суши от маяка и миль по сорок к востоку и к западу вдоль побережья. Восходит почти до тропосферы, а под землей оканчивается чуть выше астеносферы.

В ней есть дверь или проход в Зону Икс.

Ее могло создать не то, что создало Зону Икс.

Он миновал угловую бакалею, аптеку, соседний бар. Пересек улицу, едва не напоровшись на женщины на велосипеде. Сбегая с тротуара на обочину, когда приходилось, желая побыстрее добраться до реки, не испытывая энтузиазма по поводу бега обратно вверх по склону холма.

Со стороны моря под границу никак не поднырнешь. Со стороны суши не подкопаешься. Не пробьешься через нее ни хитроумной аппаратурой, ни радаром, ни сонаром. Глядя сверху со спутника, увидишь лишь пустоты в реальном времени, ничего экстраординарного. Хоть это и оптическая ложь.

В ночь своего явления граница захватила с собой корабли, самолеты и грузовики — все, что оказалось на воображаемой, но чересчур реальной линии в момент ее творения и в последующие часы, прежде чем кто-либо сориентировался, что творится, сообразил,

что надо держаться от нее подальше. Заунывные стечения металла и вибрация двигателей, продолжавших работать, исчезая... в нечто, куда-то. Саднящее, апокалиптическое видение, боевые рубки эсминца в море, «сползающие в никуда», как выразился один из наблюдателей. Последние истерические сообщения от людей на борту, по видео и радио, пока большинство бежали назад в бурлящей, вздывающейся волне, на зернистом видео с вертолета выгляделвшей, будто некая циклопическая тварь, спрыгивающая в воду. Потому что они должны были вот-вот исчезнуть и ничего не могли с этим поделать, и все осложнялось туманом. Впрочем, некоторые просто стояли, глядя, как их корабль уходит в небытие, а потом перешли, погибли, отправились куда-то еще или... Постичь этого Контроль не мог.

Уклон сошел на нет, и он снова бежал по тротуарам, на сей раз минуя типовые торговые пассажи, и сетевые магазины, и людей, переходящих на красный свет, и людей, садящихся в машины на парковках... пока не добрался до главного променада перед рекой — мельтешение ярких огней и еще больше пешеходов, некоторые пьяные, — пересек его и оказался в тихой окруже мобильных и крохотных шлакобетонных домиков. Он уже порядком пропотел, несмотря на прохладу. Кто-то затеял барбекю, и все замерли, чтобы поглядеть на него, когда он пробегал мимо.

Мысли его вернулись, как возвращались весь день, снова к биологу. К необходимости узнать, что биолог видела и испытала в Зоне Икс. Осознавая тот факт, что заместительница директора вполне может привести в исполнение угрозу умыкнуть ее. Осознавая, что заместительница директора хочет воспользоваться

неопределенностью, чтобы вынудить его принимать необоснованные решения.

Односторонняя дорога, обрамленная сорняками и усеянная гравием из рыхвин, вывела его к реке. Из нимба ветвей он выскоцил на шаткий понтонный причал, подогнув колени, чтобы удержать равновесие. И там, в конце причала, рядом с привязанным к нему гоночным катером, наконец остановился. За рекой огней почти не было видно — просто небольшие скопления там и тут, сущий пустяк по сравнению с буйным всплеском света слева от него, где поджидал променад под нарочитой туристской завлекаловкой дурацких псевдовикторианских фонарных столбов, увенчанных шарами, наполненными чем-то вроде расплывчатых яиц всмятку.

Где-то по ту сторону реки, левее, расположена Зона Икс — за много миль отсюда, но все равно видимая как тяжесть, тень, проблеск. Экспедиции возвращались или не возвращались, когда он еще только кончал школу. В тот же период психолог трансформировалась в директрису. Разыгрывалась целая тайная история, пока они с друзьями мотались в Хедли, собираясь залудить пивка и найти тусовку — не обязательно именно в таком порядке.

Мать позвонила ему за день до того, как он сел на самолет, чтобы лететь в Южный предел. Они немного поговорили о его связи с Хедли. Она сказала: «Я знаю этот район лишь потому, что там был ты. Но ты этого не помнишь». Да, он этого не помнил. Равно как не знал, что она немного поработала в Южном пределе, и этот факт и удивил, и ничуть не удивил его. «Я работала там, чтобы быть поближе к тебе», — сообщила

она, и что-то в его душе смягчилось, хоть он и не знал, стоит ли ей верить.

Потому что разобраться слишком трудно. В то время он получал ее отложенные истории из более давних назначений. Пытался промотать время вперед, вычислить, когда она поведала закамуфлированную версию Южного предела — если поведала вообще. Но отыскать эту точку во времени не мог, а может, память попросту отказывалась выдать ее. «И что ты там делала?» — спросил он, и единственное ответное слово вздигнулось стеной: «Засекречено».

Отключив музыку, он стоял там, слушая кваканье лягушек, плеск и шлепки воды о борт катера, когда по реке пробегал бриз. Темнота здесь была плотнее, и звезды казались ближе. Течение реки в свое время было быстрее, но стоки агропромышленности породили ил, замедливший, утихомиривший ее, переменив и ее обитателей, и места их обитания. Скрытые темнотой, на противоположном берегу расположились бумажные фабрики и руины бывших заводов, до сих пор загрязняющих грунтовые воды. И все это стекает в море, мало-помалу становящееся все более кислотным.

Из-за реки донесся отдаленный крик и еще более отдаленный отклик. Что-то мелкое справа елозило и копошилось, продираясь сквозь камыши. Глубокое дыхание свежего воздуха было подцвечено едва уловимым, но четким болотным запашком. В такие места отец ходил с ним на каноэ, когда он еще был подростком. Это не настоящие пустоши, уютно прикорнувшие под рукой у цивилизации, но существующие достаточно изолированно, чтобы породить подобие границы. Это то, чего желает большинство людей:

быть рядом, но не *частью*. Они не желают устрашающего неведомого «первозданных» пустошей. Но и бездушной искусственной жизни не желают тоже.

Сейчас он снова стал Джоном Родригесом — Контроль отшелушился прочь — Джоном Родригесом, сыном скульптора, чей дед прибыл в эту страну в поисках лучшей жизни. Сыном женщины, обитающей в каверзной империи секретов.

Но к моменту, когда тронулся обратно вверх по холму, он уже думал о том, не следует ли прибегнуть к стратегии отхода прямо сейчас. Погрузить все в машину и уехать, чтобы больше не сталкиваться ни с заместительницей директора, ни со всем этим прочим.

Начинается всегда хорошо.

Но может плохо кончиться.

Однако знал, что, когда придет утро, он пробудится уже Контролем и отправится обратно в Южный предел.

ОБРЯДЫ

005: ПЕРВАЯ БРЕШЬ

— Что это? Оно на мне? Где оно на мне? Оно на мне?
Где на мне? Вы видите его на мне? Вы его видите? Где
оно на мне?

Утром, после ночи, заполненной сновидениями с вершины утеса, глядя вниз. Контроль стоял на парковке закусочной со своей чашкой кофе на вынос и утренним бисквитом, глядя с расстояния в два автомобиля на белую женщину лет тридцати с хвостиком в лиловом деловом костюме, неустанно вертящуюся в попытках отыскать заползшего на нее бархатного муравья. Тщательно нанесенным макияжем и белокурыми волосами, коротко подстриженными под пажа, она напоминала риелтора. Но костюм сидел плохо, а ногти были неровные, лак отслаивался, и Контроль чувствовал, что страдания ее муравьем отнюдь не ограничиваются.

Муравей пристроился у нее на шее ниже затылка и в данный момент не шевелился. Если бы Контроль сказал ей об этом, она прилепнула бы насекомое насмерть. Порой надо утаивать от людей кое-что, чтобы они не совершили первое, что придет в голову.

— Стойте смирно, — велел он, пристраивая кофе и бисквит на багажнике своего автомобиля. — Он безвреден, и я сниму его с вас.

Потому что больше ни от кого проку ждать не приходилось. Большинство игнорировали ее, а некоторые, усаживаясь в свои седаны и внедорожники, смеялись над ней. Но Контроль не смеялся, не видя в этом ничего забавного. И не знал он, куда Зона Икс заползла на нем, и все вопросы в его голове в этот миг казались столь же исступленными и бестолковыми, как вопросы этой женщины.

— Ладно, ладно, — проговорила она все в тех же растрепанных чувствах, когда он, обогнув машины, поднял руку на уровень муравья, после легкого подталкивания забравшегося на борт, отказавшись от попыток пробраться через поле золотистых волос на шее женщины. Украшенный алыми полосками и мягкий, но колкий, он бесцельно бродил по руке Контроля.

Женщина тряхнула головой, вытянула шею, словно пытаясь заглянуть себе за спину, одарила его нерешительной улыбкой и сказала:

— Спасибо.

А затем рванула к своей машине, будто опаздывала на встречу или боялась его — странного мужчину, притронувшегося к ее шее.

Контроль отнес муравья к бахроме растительности, обрамляющей парковку, и позволил насекомому сползти с большого пальца на усеянные землю щепки мульчи. Муравей быстро сориентировался и целеустремленно двинулся к зеленой лесополосе, отделяющей парковку от шоссе, руководствуясь неким восприятием того, где находится и где должен быть, пребывающим свыше понимания Контроля.

«Пока ты не говоришь людям, что чего-то не знаешь, они, скорее всего, будут думать, что знаешь». Это уже от отца, а не от матери, как ни странно. А может, и

нет. Мать знает настолько много, что, может статься, не чувствует нужды притворяться.

Он не знал: то ли он женщина, не ведающая, где муравей, то ли муравей, вряд ли ведающий, что он на женщине. И все же если и ту, и другого перебросить в Зону Икс, муравей, наверное, будет куда счастливее, чем женщина.

* * *

Первые пятнадцать минут утра Контроль провел в поисках ключа от запертого ящика стола. Ему хотелось раскрыть эту тайну до назначенной встречи с большей тайной, являемой биологом. Зачерствевший утренний бисквит, остывшая чашка кофе и пакет неряшливо пристроились сбоку от его компьютера. Все равно он особого аппетита не испытывал: тошнотворный запах чистящего средства просто-таки наводнял кабинет.

Найдя ключ, он посидел минутку, глядя на него, а затем на запертый ящик и землистое пятно в левом нижнем углу. Поворачивая ключ в замке, он отогнал нелепую мысль, что при открывании должен присутствовать еще кто-нибудь — скажем, Уитби. Впрочем, никакого зловония, указывающего, что там кто-то сдох.

Но нечто мертвое внутри все же было — и нечто живое.

В ящике стола оказалось растение, все это времяросшее там в темноте, уцепившись малиновыми корнями за комок земли. Словно директриса выдернула его из земли, а затем почему-то сунула в ящик стола. Узкие листья были чуть ли не люминесцентно-зелеными, ветвящиеся стебли с поясками, будто крохот-

ные сегменты трубопровода, покрыты глазками черного или синего цвета. Вид у растения был будто у твари, пытающейся сбежать, — с парой конечностей, наконец освободившихся, рефлекторно уцепившихся за край ящика.

В основании, полупогребенный в кучке земли, лежал иссохший трупик мелкой бурой мышки. Контроль не мог толком понять, не питалось ли им растение каким-либо образом. Рядом с растением лежал старый, еще первого поколения, смартфон, а под растением и телефоном обнаружились наслоения попорченных водой папок с документами. Словно какой-то тронутый приходил и время от времени поливал его. А раз сама директриса отсутствовала, кто же этим занимался? Кто делал такое, вместо того чтобы убрать и растение, и мышь?

Контроль какое-то время разглядывал мышиный трупик, а потом неохотно сунул руку в ящик, чтобы выудить телефон и кончиком ручки приоткрыть края папки-другой. Насколько он мог судить, это были не официальные рапорты, а уйма записей от руки, обрывков газет и прочих вспомогательных материалов. На глаза ему попались слова, вызвавшие тревогу, и он позволил страницам снова сомкнуться.

Впечатление сложилось странное, будто директриса создавала для растения компостную кучу. Причем полную диковинных сведений. Или это какой-то сумасбродный научный проект: «Иrrигационная система передачи данных и поддержания биосферы на базе мышиной энергии». На научных ярмарках в старших классах он видел еще не такую дичь, хотя отсутствие научной прозорливости у него самого приводило к тому, что, когда перед носом трясли дополнительны-

ми баллами, сам он придерживался проверенной временем классики вроде настольных вулканов или выращивания картошки из другой картошки.

Вероятно, признал Контроль, решив покопаться еще немного, заместительница директора была права. Вероятно, ему было бы лучше занять другой пост. Бочком пробираясь из-за стола, он высматривал что-нибудь подходящее для растения и за стопкой книг нашел цветочный горшок. Может быть, директриса тоже его искала.

С помощью пары листков, наугад выхваченных из загромоздивших стол пирамид — если те и хранят секрет Зоны Икс, так тому и быть, — Контроль аккуратно извлек мышь из земли и швырнул ее в мусор. Потом переложил растение в горшок и поставил на край стола, как можно дальше от себя. Оно по-прежнему выглядело будто исковерканная человеческая фигурка.

И что теперь? Очистка кабинета от жучков и мышей произведена. Теперь, кроме геркулесовой задачи очистить авгиеевы стопки и прошерстить их, осталась лишь запертая вторая дверь, ведущая в никуда.

Подкрепив себя глотком горького кофе, Контроль подошел к двери. Потребовалась пара-тройка минут, чтобы разгрести книги и прочий хлам, громоздившийся перед ней.

Правильно. Последняя тайна вот-вот будет раскрыта. Мгновение помешкал, испытывая раздражение из-за того, что придется докладывать Голосу обо всех этих мелких несообразностях.

Открыл дверь.

Несколько минут смотрел.

И какое-то время спустя снова закрыл.

006: ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ

Та же комната для допросов. Те же потертые стулья. Тот же мигающий свет. Та же Кукушка. Или не та? Налет незнакомого сияния или проблеска в ее глазах или выражении лица — не поймешь, что именно. Нечто такое, что во время первого сеанса он упустил. Она казалась в одно и то же время и мягче, и жестче, чем прежде. «Если кто-то кажется изменившимся от сеанса к сеансу, убедись, что перемена не произошла в тебе самом». Материнские предостережения время от времени высказывали, будто она запускала руку в коробку со шпионским гадательным печеньем и вынимала одно наугад.

Контроль небрежно поставил горшок на стол слева от себя, а между ней и собой положил ее личное дело как неизменную приманку. Приподнялись ли брови самую малость при виде горшка? Толком не поймешь. Но она промолчала, хоть нормальный человек мог бы и заинтересоваться. Повинуясь прихоти, Контроль выудил мышь из мусора и положил ее в горшок вместе с растением. В этом гнетущем месте она выглядела мусором.

Контроль сел. Одарил собеседницу тонкой улыбкой, но ответной по-прежнему не получил. Он уже решил не начинать с того места, где прервались, — с утопления, — хотя это и означало, что ему придется преодолевать собственную внезапную потребность быть прямолинейным. Слова, нацарапанные на стене прямо за дверью, продолжали навязчиво крутиться у Контроля в голове. *Там, где покоятся зловонный плод, что грешник преподнес на дланях своей, произведу я семена мертвцев...* Растение. Мертвая мышь. Какая-

то безумная тирада. А может, розыгрыш или шутка. Или добавочные свидетельства нисходящей спирали, прыжка с утеса в океан, полный чудовищ. Может, под конец, прежде чем она впихнулась в двенадцатую экспедицию, директриса практиковала некую извращенную разновидность «Скрэбла».

Да и заместительница директора не так уж непричастна к этой деградации. Так что Контроль еще и поэтому радовался, что она не будет наблюдать из-за одностороннего зеркала. Позаимствовав эту уловку у коллеги, поступившего с ним точно так же на прошлой работе, Контроль сообщил Грейс, что этот сеанс состоится после обеда. А потом прошел в зону содержания экспедиции, перекинулся парой слов с охранником, и биолога отконвоировали в переговорную.

Ринувшись очертя голову вперед, на сей раз без предисловий, Контроль старался не глядеть на потеки на потолке, смутно напоминающие ухо и взирающее на него исполинское подводное око.

— В Зоне Икс, довольно близко к базовому лагерю, наблюдается топографическая аномалия. Наталкивались ли вы или кто-либо еще из членов вашей экспедиции на эту топографическую аномалию? Если да, то заходили ли внутрь? — На самом деле большинство сталкивавшихся с ней называли ее башней, туннелем или даже колодцем, но он придерживался термина «топографическая аномалия» в упованиях, что биолог наделит ее собственным, более специфическим названием.

— Не помню.

Ее навязчивое повторение этих слов уже набило оскомину, а может, оскомину вызвали те письмена на стене, и упорство ее позиции просто обострило раздражение.

— Вы уверены? — Ну конечно, она уверена.

— Полагаю, я бы запомнила, что забыла это.

Встречаясь с ней взглядом теперь, из-за неизменно приподнятых уголков ее рта и глаз, таивших в себе свет, Контроль чувствовал, насколько сильно все отличается от прошлого сеанса. И по каким-то непостижимым причинам его это удручало. Это не та же самая личность. Или та же? А сам-то он тот же человек, который перебрасывался с родственниками мячом в заднем дворе на барбекю в честь Дня благодарения три года назад?

— Это не шутка, — сказал он, решив посмотреть, как она отреагирует, если он будет выглядеть раздраженным. Вот только штука в том, что он действительно раздражен.

— Я не помню. Что еще могу я сказать? — четко проговаривая каждое слово, будто он чуточку туповат и с первого раза не понял.

Образ дивана в новом доме, Чорри, свернувшегося клубочком у него на коленях, играющей музыки, книги в руках. Лучшего места, чем это.

— Это вы помните. Что вы что-то умалчиваете, — с напором.

Одни хотят угодить допрашивающим. Другим на плевать, или они намеренно ставят палки в колеса. Ему пришло в голову — на основании первого сеанса и стенограмм трех других, состоявшихся еще до его прибытия, — что биолог может дрейфовать между этими крайностями туда-сюда, то ли не зная собствен-

ного мнения, то ли пребывая в жестоком внутреннем конфликте. Чем же ее убедить? Мышь в горшочке ее не тронула. Смена темы тоже.

Биолог промолчала.

— Невероятно, — заявил он, словно она снова пустилась в отрицание. — Множество прочих экспедиций встречали эту топографическую аномалию. — Язык поломаешь об эту топографическую аномалию.

— Все равно, — ответила она, — башню я не помню.

Башню. Не туннель, колодец или дыру в земле.

— Почему вы назвали ее башней? — набросился он на нее. Чересчур ретиво, тут же задним числом сообразил он.

На лице Кукушки появилась ухмылка, будто отголосок теплого чувства. К нему? Из-за некой мысли, спровоцированной его словами? Не вообразил ли он намек на акцент на слове «башня», будто она попалась в расставленные сети добровольно?

— А вы знаете, — ответила она, — что улитка ксенофора прикрепляет к своей раковине пустые раковины других улиток? В результате морские ксенофоры очень неуклюжи. Они спотыкаются и переворачиваются из-за этих пустых ракушек, обеспечивающих маскировку, за которую приходится расплачиваться.

Глубинный источник тайного веселья, таившийся за этим ответом, уязвил его.

Вероятно, он еще и хотел, чтобы она разделила его пренебрежение к термину «топографическая аномалия». Он всплыл, когда Грейс и прочие члены штата вводили его в курс дел. Пока какой-то эксперт по «то-

пографической аномалии» додонил о ее не-аспектах, по сути очерчивая, что им неизвестно, Контроль ощутил разгорающийся гнев, да притом на протяжении всего монолога, вызвавшего к жизни дедушку Джека, который мог распалить себя до неудержимого бешенства, когда хотел, особенно сталкиваясь со всемирным идиотизмом. Дедушка встал бы и сказал что-нибудь вроде: «Топологическая аномалия? Топологическая аномалия? Вы, часом, не имели в виду колдовство? Вы не имели в виду конец цивилизации? Вы не имели в виду какую-то потустороннюю штуковину, про которую мы ничегошеньки не знаем, охрененно ровным счетом ничего в дополнение ко всему прочему, чего мы не знаем?!» Всего лишь тень на нечетком фото, клубящийся кошмар, выраженный в записках нескольких ненадежных свидетелей — наверное, сделанных еще менее надежными с помощью гипноза, как бы Центр ни протестовал. Вьющаяся по спирали тропа, ушедшая в тартарары, которая может состоять, а может и не состоять из чего-то совершенно иного — в своей эксцентричности даже не познаемая, как бедлам в домике улитки, спотыкающейся на каждом шагу, как пьяная. Никакой надежды узнать, что это было, или хотя бы взорвать это к чертям, потому что так поступают интеллигентные приматы? Просто какая-то штуковина в земле, небрежно, буднично именуемая «крышкой люка», «водоразборной колонкой» или «столовыми ножами». «Топографическая аномалия».

Но изрядную часть всего этого он высказал перед книжными полками в своем кабинете во вторник — призраку директрисы, черепашьим шагом начав раз-

бирать ее заметки. А Грейс и остальным он спокойным тоном изрек: «А еще что-нибудь вы можете мне о ней поведать?» Но они не могли.

Очевидно, не больше, чем биолог.

Контроль просто смотрел на нее какое-то время, пользуясь повергающей в трепет прерогативой дознавателя, обычно предназначенной для запугивания. Но Кукушка просто взирала на него своими пронзительными зелеными глазами, пока он не отвел взгляд. Его продолжала грызть мысль, что сегодня она другая. Что же переменилось за последние двадцать четыре часа? Режим у нее все тот же, и надзор не выявил никаких отклонений в ее психическом состоянии. Ей предложили телефонный звонок родителям с бдительным прослушиванием, но она ответила, что ей нечего им сказать. Скука от сидения в четырех стенах, располагая лишь DVD-плеером и цензурированной подборкой фильмов и романов, тут ни при чем. Еду ей доставляют из кафетерия, так что в этом Контроль мог ей пособолезновать, но все равно это отнюдь не повод.

— Возможно, это оживит вашу память. — Или заставит перестать врать. Он принялся зачитывать выдержки из отчетов предыдущих экспедиций.

— «Бездонный колодец, уходящий в землю. Мы не могли достичь дна. Мы падали без конца».

— «Башня, рухнувшая в землю, создававшая ощущение сильнейшего беспокойства. Входить внутрь не хотел ни один из нас, но мы вошли. Некоторые. Некоторые вернулись».

— «Там нет входа. Просто круг пульсирующего камня. Просто ощущение грандиозной глубины».

Вернулись лишь двое членов той экспедиции, но они принесли дневники коллег. Оказавшиеся заполненными рисунками башни, тоннеля, колодца, циклона, верениц звезд. Там, где не были заполнены изображениями более обыденных вещей. Ни один дневник не походил на другой.

Контроль продолжал недолго. Начал с цитат, осознавая, что избранные чтения могут изъзвить края ее амнезии... если она действительно страдает от потери памяти... и это ощущение стремительно усиливалось. Но сделать паузу, а там и вовсе остановиться его заставило собственное ощущение беспокойства. Чувство, что, делая башню-колодец более реальной в собственном воображении, он заодно делает ее более реальной на самом деле.

Но Кукушка то ли не разделяла его чувств, то ли уловила этот кратчайший миг его мучений, потому что спросила:

— Почему вы остановились?

Он пропустил вопрос мимо ушей, подменив одну башню другой.

— А что насчет маяка?

— А что насчет маяка?

Первая мысль: она меня передразнивает. Что оживило воспоминание из средней школы об унижениях со стороны забияк до перехода в старшие классы, где он всерьез занялся футболом и пытался представлять себя шпионом в мире спортсменов. Осознал, что слова на стене выбили его из колеи. Несильно, но вполне достаточно.

— Вы его помните?

— Помню, — сказала она, удивив его.

И все-таки ему пришлось вытягивать это из нее:

- И что же вы помните?
- Как приближаюсь к нему по тропе через камыши. Смотрю в дверной проем.
- И что видите?
- То, что внутри.

Так продолжалось еще какое-то время, и Контроль начал терять нить ее ответов. Переходя к следующей вещи, о которой она сказала, что не помнит, позволяя беседе войти в ритм, который она могла бы счесть удобным. Он твердил себе, что пытается составить впечатление о ее нервных тиках, хоть о чем-нибудь, что может выдать истинное состояние ее рассудка, ее истинные намерения. Твердил себе, что вообще-то ничего опасного в том, чтобы смотреть на нее, вовсе нет. Ни малейшего риска. Он ведь Контроль, и у него все под контролем.

«Там, где покоятся зловонный плод, что грешник преподнес на дланях своей, произведу я семена мертвцов и разделю его с червями, что копошаются во тьме и питают мир своими соками, пока из тускло озаренных залов прочих мест в корцах проступают формы, каковых никогда не было и никогда не будет, к непокою немногих, кои никогда не зрели того, что могло бы быть. В черных водах, с солнцем, сияющим в полночь, сей плод вызреет и во тьме того, что суть золото, лопнет, дабы отверзнуть откровение смертоносной мягкости земли. Тени бездны подобны лепесткам чудовищного цветка, который расцветет в черепе и распространит рассудок за всякие пределы того, что под силу снести человеку, и все, что разлагается под землей, на зеленых лугах, в море или даже в воздухе — все постигнет откровение и возликует, открыв знание зловонного плода

из руки грешника, ибо нет греха ни во тьме, ни в свете, которого семена мертвцевов не смогли бы простить...» И так далее, и так далее, без конца, отчего у Контроля возникло впечатление, что если бы у директрисы не кончилось место, если бы она не добавила карту Зоны Икс, слова бы у нее тоже не иссякли...

Сначала он подумал, что стена за дверью покрыта темным узором. Но нет: кто-то исчеркал ее странными фразами, выписанными на редкость толстым черным пером. Некоторые слова были подчеркнуты красным, а другие обведены зелеными рамочками. Их весомость заставила его попятиться на шаг и просто стоять там, хмуря брови.

Исходная гипотеза, отброшенная как нелепость: эти письмена были шизопараноидальной одой директрисы растению в ящике стола. Потом его внимание привлекло легкое сходство между метром словес и некоторыми филиппиками более религиозных антиправительственных ополчений, за которыми он надзирал в ходе своей карьеры. Потом ему показалось, что он обнаружил легкий говорок кликушества кропотливых, но кропотливых чокнутых, развешивающих на стенах подвалов материнских домов газетные вырезки и интернетовские распечатки, создавая — тюбик клея за тюбиком и кнопка за кнопкой — собственные вселенные личного пользования. Но подобные памфлеты, подобные философствования редко казались столь же меланхоличными или столь же приземленными, и в то же время эфирными, как эти сентенции.

Но ярче всего в душе Контроля, взиравшего на стену, пылало не замешательство или страх, а раздражение, унесенное на сеанс с биологом. Эмоция, про-

являющаяся, как изумление: холодная вода, налитая в ничего не подозревавший пустой стакан.

Непоследовательные действия могут привести к провалу, один маленький срыв порождает другой. Потом они становятся больше, и вскоре ты уже в свободном падении. Это может быть что угодно. Как-то раз забыл сдать полевой журнал. Подобрался чересчур близко к объекту наблюдения. Пробежал по диагонали досье, которое должен был проштудировать от корки до корки.

Контроля не проинформировали об этих письменах на директорской стене, и о них ни словом не упоминалось в материалах, которые он столь скрупулезно читал и перечитывал. Это первый сигнал об изъяне в его процессе.

Когда, по его мнению, биолог почувствовала полнейший комфорт, довольство собой, а то и сочла себя очень умной, Контроль сказал:

— Вы говорите, что ваше последнее воспоминание о Зоне Икс связано с утоплением в озере. А что именно вы помните?

Предполагалось, что биолог побелеет, как плат, обратит взгляд в себя и одарит его печальной улыбкой, от которой он тоже опечалится, словно она в нем почему-то разочаровалась. Дескать, так все шло хорошо, а он все обосрал. Затем запротестовала бы, сказала бы: «Это было не озеро. Это был океан», — и все остальное хлынуло бы само собой.

Но ничего этакого не случилось. Ему не досталось вообще никакой улыбки. Вместо того она совсем замкнулась, и даже взгляд ее отстранился в некие горние

выси — наверное, на маяк, — с коих она взирала на него сверху вниз с безопасного удаления.

— Я вчера была не в себе, — заявила она. — Это было не в Зоне Икс. Это воспоминание у меня с пятилетнего возраста, когда я чуть не утонула в публичном фонтане. Ударилась головой. Накладывали швы. Уж и не знаю почему, но все это вернулось ко мне по кусочку, когда вы задали этот вопрос.

Он почти готов был аплодировать. Он почти готов был встать, поаплодировать и вручить ей личное дело.

Вчера вечером она сидела у себя в комнате, скучая до безумия от отсутствия стимулов, и предвосхитила этот вопрос. И не только предвосхитила. Кукушка еще и решила посадить Контроля в лужу с его же помощью. Выдать ничтожные сведения о себе, дабы оградить нечто более важное. Инцидент с фонтаном — хорошо задокументированная часть ее личного дела, поскольку ее отправили в больницу, чтобы наложить швы. Это может послужить для него подтверждением, что она кое-что помнит о своем детстве, но ничего более.

Ему пришло на ум, что, наверное, он недостоин ее воспоминаний. Быть может, вообще никто их не достоин. Но он оттолкнул эту мысль, как астронавт, отталкивающийся от борта космической капсулы. Куда его занесет, одному богу ведомо.

— Я вам не верю, — бесцветным голосом произнес он.

— А мне без разницы. — Она откинулась на спинку стула. — Когда я отсюда выйду?

— Ну, вы же знаете процедуру — уж потерпите во имя общего блага, — прибег он к клише, чтобы про-

скочить мимо ее вопроса, старясь выглядеть неосведомленным или тупым. Не столько из стратегических соображений, сколько ради наказания себя за то, что сыграл не по высшему классу. — Вы подписали соглашение, вы знаете, что разбор может потребовать времени. — А еще ты знала, что можешь вернуться с раком или не вернуться вовсе.

— У меня нет компьютера, — заявила она. — У меня нет ни одной из книг, которые я запросила. Меня держат в камере с крохотным окошком, расположенным очень высоко. В него видно только небо. Если повезет, я вижу сокола, пролетающего мимо раз в пару часов.

— Это комната, а не камера. — Вообще-то и то и другое.

— Раз мне нельзя выйти — значит, это камера. Дайте же мне хотя бы книги.

Но он не мог предоставить ей книги, которые она запросила, утратив память. Во всяком случае, до поры, пока не узнает побольше о природе этой амнезии. Притом она затребовала всякого рода тексты по мимикрии и маскировке. Надо будет как-нибудь осведомиться у нее об этом.

— Означает ли это что-нибудь для вас? — спросил он, чтобы отвлечь ее внимание, пододвигая растение-мышь в горшочке к ней по столу.

Она выпрямилась на стуле, показавшись не только выше, но и шире, импозантнее, подавшись вперед, к нему.

— Растение и дохлая мышь? Это знак, что вы дадите мне мои сраные книги и компьютер.

Вероятно, иной ее сегодня сделал не насмешливый настрой. Может, дело в ощущении безрассудства.

— Не могу.

— Тогда вы знаете, что можете сделать со своим растением и своей мышью.

— Тогда ладно.

Ее презрительный смех преследовал его и в коридоре. У нее чудесный смех, хоть она и использует его в качестве оружия против Контроля.

007: СУЕВЕРИЕ

Двадцать минут спустя Контроль исхитрился впихнуть Уитби, Грейс и штатного лингвиста Джессику Сю в захламленное пространство перед обнаруженной им частью стены с диковинными словами, начертанными рукой директрисы. Контроль не потрудился убрать книги или что-либо еще. Ему хотелось, чтобы они сидели в тесноте, неуютной близости друг от друга — давайте же сплотимся в этой телефонной будке, упираясь коленями друг в друга. Шорохи ткани, дыхание через рот, поскрипывание обуви, неожиданные запахи — все преумножается. Он предпочел воспринимать этот опыт как сплачивающий. Может быть.

Нормальный стул достался только заместительнице директора. Благодаря этому она может сократить иллюзию, что стоит у руля, или, скорее, он уповал таким способом воспрепятствовать ее последующим жалобам на его мелочность. Он уже проигнорировал реплику Грейс: «Я искренне благодарна, что это в точности по графику», — из которой следовало, что ей уже известно о переносе допроса биолога. Она заставила Контроля ждать, перешучиваясь с кем-то в коридоре, что он воспринял, как микровозмездие.

Они сгрудились вокруг миниатюрнейшего в мире стола-табурета для переговоров, на который Контроль поставил горшок с растением и мышью. Всему свое время и место, хотя мобильник директрисы для обсуждения не представлен — Грейс его уже конфисковала.

— Что это. В моем кабинете, — сказал он, указывая на слова на стене. Не вполне желая признать невысказанное мнение, продолжавшее исходить от Грейс как силовое поле: это по-прежнему кабинет бывшей директрисы.

«Это» подразумевало не только письмена, но и грубую карту Зоны Икс, нарисованную под словами зеленым, красным и черным цветом и показывающую обычные ориентиры: маяк, топографическую аномалию, базовый лагерь... но вдобавок, дальше вдоль берега, — остров. По бокам шариковой ручкой — неразборчиво — нацарапаны несколько разрозненных слов и две довольно обескураживающих черты примерно в полуфуте над головой Контроля, с датами, разделенными тремя годами. Одна красная. Одна зеленая. А еще инициалы директрисы рядом с ними. Неужто директриса *проверяла свой рост?* Из всех странных вещей на стене эти казались самыми странными.

— Мне казалось, вы говорили, что прочли все материалы, — ответила Грейс.

В материалах ни словом не упоминалось о целой двери диковинных текстов, но он спорить не стал, понимая, насколько маловероятно, чтобы он обнаружил нечто им неизвестное.

— Сделайте мне поблажку.

— Это написала директриса, — сообщила Грейс. — Эти слова обнаружили написанными на стенах тоннеля.

Контроль выдержал паузу, усваивая эти сведения.

— Но почему вы оставили их там? — На один пронзительный миг слова и запах тухлого меда совокупились, вызвав у него физическую дурноту.

— Как мемориал, — быстро проговорил Уитби, словно хотел выручить заместительницу директора. — Стирать их казалось неуважением.

Контроль заметил, что Уитби не придал мыши особого значения, но продолжал то и дело поглядывать на нее.

— Не мемориал, — возразила Грейс. — Это не мемориал, потому что директриса не умерла. Я не верю, что она мертва, — она произнесла это негромко, но уверенно, отчего Уитби и Сю притихли, словно Грейс поделилась мнением, поставившим ее в неловкое положение. Но благодаря аккуратным манипуляциям Контроля с терmostатом все равно потели и ерзали.

— И что сие означает? — спросил Контроль, чтобы проскочить этот момент. Помимо обструкционизма Грейс, он видел, как в ее душе снова копится боль, но играть на ней вовсе не желал.

— Вот почему мы привели лингвиста, — доброжелательно сообщил Уитби, хоть и было вполне очевидно, что присутствие Сю изумило заместительницу директора. Но Сю обретает все большее влияние по мере усыхания Южного предела. Эдак довольно скоро может сложиться ситуация, при которой подотделы, состоящие из одного-единственного человека, начнут строчить жалобы на притеснения, давая себе повы-

шения и бонусы, празднуя собственные дни рождения с заказными морковными пирогами в виде Южного предела.

Тут же Сю — невысокая, изящная женщина с длинными черными волосами — подала голос:

— Прежде всего, мы на девяносто девять и девятьдесятых процента уверены, что это текст проповеди смотрителя маяка Саула Эванса, — она говорила с чуточку бунтарскими интонациями, наделявшими даже банальнейшие или серьезнейшие заявления оптимизмом.

— Саула Эванса...

— Он вон там, — указал Уитби на стену с изображениями в рамочках. — Посередине на том черно-белом снимке. — Тот, что перед маяком. Значит, это Саул. Контроль уже знал это где-то в глубине сознания.

— Потому что вы нашли ее в отпечатанном виде где-то еще? — спросил он у Сю. У него хватило времени лишь бегло просмотреть досье Эванса — слишком он был занят знакомством со штатом Южного предела и общим обзором ситуации в Зоне Икс.

— Потому что это соответствует его синтаксису и лексикону в нескольких фрагментах проповеди, которые у нас есть на аудиоленте.

— К чему ему было проповедовать, если он был смотрителем маяка?

— Вообще-то на самом деле он был проповедником в отставке. Но почему-то вернулся к этому как раз за год до Явления, породившего Зону Икс, а затем границу.

— И это выглядит не просто совпадением? — предположил Контроль, но никто не последовал за ним в эти дебри.

— Это проверяли, — заметил Уитби. И впервые при обращении к Контролю в его голосе проскользнули нотки снисхождения.

— И эти слова нашли внутри топографической аномалии?

— Да, — подтвердила Сю. — Они реконструированы по отчетам нескольких экспедиций, но мы так и не получили образца материала, из которого состоят слова.

— Живого материала, — подкинул Контроль. Теперь это начало мало-помалу всплывать у него в памяти. Самых слов в резюме не было, но он видел рапорты о словах, написанных на стенах башни живыми тканями. — Почему этих слов нет в досье?

И снова лингвист, на сей раз несколько неохотно:

— Честно говоря, нам не нравится воспроизводить эти слова. Так что это могло быть погребено в информации, как в сводке в досье смотрителя маяка.

Очевидно, Грейс было добавить нечего, зато вклинился Уитби:

— Нам не нравится воспроизводить слова, потому что мы по-прежнему не знаем в точности, что запустило создание Зоны Икс... или почему.

И все же они оставили письмена за дверью, ведущей в никуда. Контроль мучительно пытался постичь стоящую за этим логику.

— Это суеверие, — возразила Сю. — Это полнейшее и безоговорочное суеверие. Вам не следовало этого говорить.

Контроль знал, что ее родители — строгие традиционалисты, выходцы из культуры, в которой явления духов и слова имеют иное значение. Сю не разделяет эти верования — причем истово, практикуя подобие

квелой протестантской веры, несущей собственные непостижимые элементы. Но все равно согласился с ее оценкой, хоть эта антипатия и могла просочиться в ее анализ.

Она бы и дальше продолжала свое полномасштабное порицание суеверий, если бы Грейс не оборвала ее словами:

— Это не суеверие.

Все оглянулись на нее, развернувшись на своих табуретах.

— Это суеверие, — признала она, — но может быть правдой.

Как может суеверие быть правдой? — гадал Контроль позже, переключив внимание на свою поездку к границе вкупе с поверхностным просмотром папки, принесенной Уитби, озаглавленной просто «Гипотезы». Может, суеверие — просто то, что проскальзывает в бреши, в трещины, когда работаешь в заведении с упадническими настроениями и истощенными ресурсами. Может, суеверие — то, что происходит, когда твой директор пропадает без вести, а твой заместитель директора до сих пор оплакивает утрату. Может, это когда откатываешься обратно к заклинаниям и обрядам, когда мозг рептилии говорит остальным твоим частям: «С этого места командую я. Вы уже пытались». Вообще-то это даже не так уж безрассудно. Сколько еще невидимых, абстрактных чар правит миром за пределами Южного предела?

Но не все верили в одни и те же версии. К примеру, лингвист по-прежнему верила в суеверие логики — наверное, потому, что пробыла в Южном пределе всего два года. Если статистика верна, она перегорит

и будет удалена в течение следующего года: по какой-то причине Зона Икс весьма немилосердна к лингвистам, почти так же немилосердна, как к священникам, из которых теперь в Южном пределе не осталось ни единого.

Так что, наверное, ей остались считанные месяцы до обращения в систему верований заместительницы директора — или Уитби, — во что бы они там ни веровали. Потому что Контроль знал, что вера в научном процессе способна довести лишь до определенного рубежа. Зиккураты алогичности, воздвигнутые среднестатистическим внутренним террористом, когда он или она покупает удобрения или делает детонатор, набирают собственный шаткий разгон и мощь.

Но Сю оставалась непоколебима по соображениям, от которых неуверенность, внушаемая Контролю Зоной Икс, отнюдь не пошла на убыль.

Представьте себе, сказала она Контролю далее, что язык — лишь часть метода коммуникации. Представьте себе, что это даже не важная часть, а скорее трубопровод, автострада. Всего лишь носитель. «Инфраструктура» — это слово позже употребил Контроль при общении с Голосом.

Реальное ядро сообщения, смысл доносится сочетанием живой материи, составляющей слова, словно сами «чернила» и есть сообщение.

— А если сообщение полуматериально, если эта разновидность кодировки полуматериальна, то слова на стене толком ничего и не значат, по моему мнению. Я могла бы анализировать эти слова годами — чем, между прочим, директриса и могла заниматься, как я понимаю, — и это не помогло бы мне понять ровным

счетом ничего. Тип носителя помогает определить, насколько быстро сообщение доставляется и, может статься, какой-то контекст, но на том и все. Далее, — и тут Контроль осознал, что Сю впала в механическую рутину лекции, читанной уже не раз и не два, возможно, сопровождаемой какой-нибудь компьютерной презентацией... — Далее, если кто-нибудь или что-нибудь пытается вдолбить информацию вам в голову с помощью слов, которые вы понимаете, но смысла нет, она даже не то что не на той длине волны, которую вы способны принять, а гораздо хуже. Как если бы сообщение было ножом, создающим смыслы разрезанием плоти, а ваша голова — приемником, и кончиком этого ножа вам тыкали бы в ухо снова и снова...

Ей не требовалось больше ничего говорить, чтобы Контроль подумал об экспедициях, попавших в беду прежде, чем наложили вето на имена и современные технологии связи. Что, если участь первой экспедиции, в частности, была предрешена своего рода *помехами*, принесенными с собой, из-за которых ее участники были попросту не способны слышать, воспринимать?

Он обернулся к смотрителю маяка:

— Саул Эванс написал все это давным-давно, верно ведь? Однако сейчас он писать эти слова не мог. К этому времени он уже должен был стать ветхим старцем.

— Мы не знаем. Мы просто не знаем.

Эта бесполезная реплика прозвучала из уст Уитби, а все остальные уставились на него, как животные, пойманные непроглядной ночью посреди дороги светом фар стремительно надвигающегося автомобиля.

Час или около того спустя настало время наведаться к границе, и Грейс сказала, что турне ему устроит Чейни.

— Почему-то он сам хочет.

А Грейс, очевидно, нет. И снова вниз, в коридор с этими огромными двустворчатыми дверями, под предводительством Уитби, словно Контроль совсем беспамятный, где уже поджидает лучащийся радостью Чейни, чья коричневая кожаная куртка кажется не столько неотъемлемой или неразлучной с ним, сколько частью его самого — этакий жучий панцирь. Уитби ушел в тень, скрывшись за дверями с резким пронзительным вздохом, словно перед нырком в холодную воду.

— Я подумал, что надо бы подняться, чтобы избавить вас от ужасающих перчаток, — воскликнул Чейни, энергично тряхнув Контролю руку. Контроль не мог понять, нет ли в его приветливости какого подвоха, или просто взаимодействие с Грейс довело его до паранойи.

— А зачем держать их там? — спросил он, когда Чейни повел его окольным «коротким путем» мимо охраны и на стоянку.

— Боюсь, дело в бюджете. Ответ всегда где-то здесь, — ответил Чейни. — Убирать их было слишком дорого. А потом они превратились в шутку. Или мы превратили их в шутку.

— В шутку? — На сегодня шуток ему более чем достаточно.

У входа чудом оказался Уитби, дожидавшийся их в работающем на холостом ходу армейском джипе с откинутым верхом. Он выглядел как звезда немого

кино, человек, откальзывающий коленца и плюхающийся на задницу, и его безмолвный взмах руки, приглашающий их в машину, лишь усилил это впечатление. Поглядев на Уитби, Контроль закатил глаза, а Уитби ему подмигнул. Не посещал ли Уитби театральный кружок в колледже? Не был ли он несостоявшимся лицедеем?

— Да, в шутку, — согласился Чейни, вместе с Контролем забираясь на заднее сиденье; Уитби или кто-то еще нарочито поставил на переднее пассажирское сиденье громадную картотечную коробку, так что там сесть не мог никто. — Словно все чуждо, нуждающееся в анализе приходит к нам изнутри здания, а не из Зоны Икс. Вы ведь *познакомились* с теми людьми? — Лягушачья ухмылка: очередная шутка. — Уитби, езжайте живописным маршрутом.

Но Контроль почти не слушал, морща нос по поводу досадного факта, что запах тухлого меда последовал за ними и в джип.

Уитби в течение длительного времени не обмолвился ни словом, а Чейни говорил то, что Контроль уже и так было известно, разыгрывая роль гида и явно забывая, что повторяет тезисы кроличьей презентации, состоявшейся только вчера. Так что Контроль сосредоточил внимание по большей части на окружении. «Живописный маршрут» пролег обычным путем, который Контроль видел на картах — петляющая дорога, блок-посты, окопы чуть ли не в духе Первой мировой. Где это было возможно, болота и лес сохранили в качестве природного укрытия или препядды. Но время от времени попадались диковинные проплешины осущенных болот или просек, порой с

караульными постами или казармами, но зачастую просто обратившимися в луга пожухшей, пожелтевшей травы. У Контроля возникло покалывание в затылке, наводившее на мысль о снайперах или удаленных наблюдателях. Может, это помогает выгнать нарушителей на обозрение беспилотников. Изрядная часть военнослужащих, которых они миновали, были в камуфляже, и оценить их число было непросто. Но Контроль понимал, что все, кого они миновали за пределами последнего контрольно-пропускного пункта, считают, что дальше расположен район, представляющий опасность из-за загрязнения окружающей среды.

В «сотрудничестве» с Южным пределом армия получила задание найти новые точки входа в Зону Икс, и неусыпно — а скорее, все более скучая — наблюдала за периметром на предмет брешей. А еще армия время от времени до сих пор прощупывала границу метательными снарядами. А еще Контроль знал, что из ближайших шахт на Зону Икс нацелены ядерные боеголовки, а военные спутники ведут наблюдение сверху.

Но главной задачей армии было из кожи вон лезть, чтобы не подпускать народ к району мнимой экологической катастрофы. Аннексия территории, покрывающей Зону Икс и вдвое против того вокруг, в качестве естественного распространения военной базы дальше вдоль берега этому весьма способствовала. Как и так называемые «стрельбища», испещрившие район. Вероятно, по мере сокращения Южного предела роль армии возрастала. К примеру, весь медицинский и технический персонал теперь находился в ведении армейского командования. Если в Южном пределе

сломается туалет, чинить его придет водопроводчик с военной базы.

Чейни при ближайшем рассмотрении — из-за того что Уитби швырял джип из стороны в сторону на трудных участках дороги, будто на аттракционе, — демонстрировал следы былого телосложения бодибилдера, словно когда-то был в отличной форме, но это состояние, как и все человеческие состояния, деградировало, а затем выродилось в растущую окружность талии, но и в деградации оставило по себе все еще могучую грудь, триумфально выпирающую сквозь белую рубашку из коричневой куртки настолько, что почти скрывало брюшко. А еще, согласно личному делу, он «первоклассный ученый, неравнодушный к пиву». Контролю уже доводилось встречаться с подобными умами прежде. Им нужно чем-то глушить себя, чтобы соображать помедленнее, или дистанцироваться от возможной безысходности. Пиво против Ученого — своего рода схизма или непрестанное сражение между банальностью речей и оригинальностью мышления.

Почему же Чейни разыгрывает из себя перед Контролем буффона, когда на самом деле обладает могучим интеллектом? Ну, может, он и в самом деле буффон за пределами своей специальности, но и Контроль, как ни верти, тоже не первый кандидат в списке самых желанных гостей увеселительной вечеринки.

Как только помеха в виде основных контрольно-пропускных пунктов осталась позади и они выехали на пятнадцатимильный отрезок гравийной дороги — похоже, поглотившей внимание Уитби целиком,

так что он продолжал отмалчиваться, — Контроль спросил:

— Экспедиции добираются до границы этим же путем?

Чем дольше они ехали, тем отчетливее вырисовывался у него в голове образ продвижения экспедиции по этой самой дороге, каждый член которой хранит молчание, уединившись в безграничных просторах собственных мыслей, прерываемых рваным театральным действом остановок у бесчисленных контрольно-пропускных пунктов. Какое уж тут утешение.

— Разумеется, — отозвался Чейни. — Но в специальном автобусе, которому не нужно останавливаться.

Специальный автобус. Никаких контрольно-пропускных пунктов. Никаких лимузинов для экспедиции — уж не на этой дороге. А где им предлагали последнюю трапезу? Превращался ли последний вечер зачастую в пьяные грезы или скорее в мрачные раздумья? Когда им позволяли в последний раз повидаться с семьей или друзьями? Предоставляли ли им духовное наставление? В досье об этом — ни слова. Центр насел на Южный предел, будто многоногий суперпаразит, чтобы править этим балом.

Нагруженные или налегке?

— И уже с рюкзаками и снаряжением? — поинтересовался он. Он увидел мысленным взором биолога в этом специальном автобусе, без контрольно-пропускных пунктов, теребящую свой рюкзак или сидящую молча, пристроив его рядом на сиденье. Нервничала она или была спокойна? Контроль решил, что в каком

бы духовном настрое она ни пребывала, с товарищами по экспедиции она даже не заговаривала.

— Нет, они все получали на пограничной заставе. Но они заранее знали, что в них — то же самое, что и в тренировочных рюкзаках. Только меньше камней.

И снова такой взгляд, словно Контроль должен был рассмеяться, но неизменно тактичный Чейни снова хмыкнул вместо него.

Итак, близится граница. Испытывала ли Кукушка духовный подъем или безразличие? Его раздосадовало, что он лучше представлял, чего в ней нет, чем то, что она собой представляет.

— Мы шутили, — начал было Чейни, но тут его перебила рытвина благодаря неумелому вождению Уитби, — мы шутили, что их надо отправлять с табаком и огнivом. Ну, может, докинув парочку резинок.

Должно быть, в сдержанной реакции Контроля на его легкий треп Чейни узрел то ли неодобрение, то ли угрозу, потому что добавил:

— Юмор висельников, знаете ли. Как в «Скорой».

С той только разницей, что на виселицу восходил не он. Он оставался позади и анализировал то, что они принесли обратно. Те, кто вернулись. Целая кладовая по большей части бесполезных образцов, оплаченных кровью и биографиями, ведь вряд ли хоть кого-то из выживших ждет счастливая, плодотворная жизнь. Помнит ли Кукушка Чейни, и если да, какое составила впечатление о нем?

Бесконечная рябь чешуйчатых бурых стволов. Запах хвои, мешающийся с пикантным душком разло-

жения и выхлопами джипа. Серо-голубое небо над головой, мелькающее сквозь листву. Мотающийся затылок Уитби. Уитби, невидимого и в то же время лезущего в глаза. Пустое место, то попадающее в фокус, то расплывающееся, кажущееся одновременно и близким, и далеким.

* * *

— Террор, — сказал Уитби во время утреннего собрания, воззвавшись на растение и мышь. — *Terrror*. — Но странно, чуть невнятно, с такой интонацией, словно делился сведениями, а не реакцией или эмоцией.

Террор, спровоцированный чем? Почему это было сказано со столь явным энтузиазмом?

Но лингвист заглушила Уитби и вскоре задвинула этот момент настолько, что Контроль уже не мог к нему вернуться.

— Любое название передает целый ряд связанных с ним ассоциаций, — говорила Сю, запустив какой-то более фундаментальный фрагмент презентации, порожденный в иную эпоху, а может, изначально нацеленный на аудиторию отмороженной мегафауны, столь живо запомнившейся Контролю в музее естественной истории. — Набор взаимосвязанных понятий, фактов и так далее. И эти ассоциации существуют не только в сознании назвавшего — как вид самоидентификации, — но и в сознаниях других членов экспедиции и тем самым доступных для того, что еще могло иметь к ним доступ в Зоне Икс. Пусть даже посредством процесса, нам неведомого и сугубо умозрительного по своей природе. В то время как «биолог» — это функция, поднабор полной идентификации.

Вовсе нет, если действовать правильно, как Кукушка, целиком и полностью отождествляясь со своей работой с самого начала.

— Если бы вы могли быть своей функцией, то согласно теории эти ассоциации сужаются или закрываются, и это перекрывает пути к личности. Возможно.

Вот только Контроль знал, что это не единственная причина отнимать имена — это еще и ради более существенной цели внушить лояльность и сделать обработку и гипноз более эффективными. Что, в свою очередь, помогает умерить или предотвратить воздействие Зоны Икс — во всяком случае, таковы были логические обоснования, найденные Контролем в досье, как в пометке, сделанной Джеймсом Лаури, единственным выжившим из первой экспедиции и оставшимся в Южном пределе, несмотря наувечья и годы, ушедшие на поправку здоровья.

И разворот к более общему:

— Мы продолжаем твердить, что это — под «этим» я подразумеваю то, что инициировало эти процессы и использовало слова Саула Эванса, — подобно тому или сему. Но это не так, оно просто остается само собой. Чем бы оно ни было. А поскольку наш интеллект обрабатывает информацию почти исключительно с помощью аналогий и категоризации, мы зачастую становимся в тупик, столкнувшись с чем-либо, не вписывающимся ни в какие категории и лежащим вне сферы наших аналогий.

Контролю представилась презентация, близящаяся к концу, когда ряд кадров на мраморном фоне сменился белым экраном со словом «Вопросы?».

Но Контроль понял посыл, по-своему перекликающийся с тем, что говорила во время сеанса биолог.

В колледже во время введения в астрономию его всегда поражало, что первым астрономам приходилось буквально вывихивать собственное воображение — а значит, и собственные аналогии и метафоры, — вышибая его из накатанной колеи, пролегавшей через умы на протяжении сотен и сотен лет, чтобы думать о светящихся точках не как о части небесной сферы, вращающейся вокруг Земли, а как об отдельных планетах.

Кто же в Южном пределе наделен рассудком, необходимым, чтобы узреть нечто новое? Вот уж не угадаешь. Но, наверное, в данный момент не Чейни. Неугомонный интеллект Чейни уже давненько не открывал ничего нового — возможно, и не по собственной вине. И все же Контроль пришел к еще одной мысли: готовность Чейни упорно биться головой о стену — несмотря на факт, что он никогда не опубликует ни одну научную статью ни о чем из этого, — каким-то извращенным образом один из самых веских доводов в пользу заключения, что директриса была компетентна.

Серый мох, льнувший к деревьям. Сокол, кружящий по периметру выкошенного луга в темнеющих небесах. Жара и волглость воздуха, пытающегося перебороть свежесть дыхания обвевающего их ветра.

* * *

Южный предел назвал последнюю экспедицию двенадцатой, но Контроль пересчитал годичные кольца, и на самом деле она оказалась тридцать восьмой итерацией, если считать и шесть «одиннадцатых» экспедиций. Агиография очевидна: после истинной

пятой экспедиции Южный предел застрял, как заевший компакт-диск, талдыча почти одно и то же. Экспедиция 5 стала X.5.А, за ней последовали X.5.В и X.5.С, вплоть до X.5.Г. Далее номер экспедиции привязывали к определенному набору метрик, вводя с каждой буквой переменные в уравнение. Например, одиннадцатая серия экспедиций состояла целиком из мужчин, а двенадцатая, если бы она продолжилась за X.12.В и далее, по-прежнему состояла бы только из женщин. Любопытно, известна ли матери какая-либо параллель в спецоперациях, не выявили ли секретные исследования по поводу пола что-нибудь эдакое, что ускользнуло от внимания Контроля, посчитавшего гендерный признак совершенно несущественным. А как быть с тем, кто не вписывается в определение мужчины или женщины?

Контроль пока не мог сказать после изучения материалов нынче утром, то ли итерации начались с канцелярской ошибки и были кодифицированы как процесс (что маловероятно), то ли были инициированы сознательным решением директрисы и украдкой введены в действие вне поля зрения каких бы то ни было протоколов и заседаний. Это просто выскоило ниоткуда, словно всегда так и было. Необходимость как-то действовать, будто они не забрались к черту на кулички, нимало не сдвинувшись с места в смысле конкретных результатов или ответов. Или дело было в необходимости писать сюжетную линию для каждого набора экспедиций, не выдавая, насколько стремительно это становится тщетным?

Во время пятой же серии Южный предел начал врать участникам. Никому не говорили, что они от-

правляются в экспедицию 7.Ф, 8.Г или 9.В, и Контроль ломал голову, как же они ухитрялись это оправдывать, и как правда могла подорвать дух, вместо того чтобы поддержать его, доведя Южный предел до этакого циничного фатализма. Как экстравагантно было продолжать готовить «пятую» экспедицию, продолжать катить этот камень в гору снова и снова.

Грейс лишь руками развела в ответ на вопрос о переходе от Х.11.К к Х.12.А, заданный во время ввода в курс в понедельник, уже казавшийся удаленным от среды на целый месяц.

— Биолог знала об одиннадцатой экспедиции, потому что ее муж был неосмотрителен. Вот мы и перешли к двенадцатой. — Но единственная ли это причина?

— Многовато поточек ради биолога, — заметил Контроль.

— Директриса приказала, — сообщила Грейс, — и стояла на этом.

На том это направление расспросов и завершилось: Грейс больше не желала признавать, что между ней и директрисой могла существовать некая дистанция.

И, как часто бывает, одна большая ложь привела к веренице маленьких под видом «изменения метрик», модификации эксперимента. А раз отдача становилась все меньше и меньше, директриса все больше и больше жонглировала составом экспедиций, жонглировала сведениями, которые им предоставляла, и — кто знает? — помогало ли все это хоть чему-нибудь вообще? Дойдя до определенной степени отчаяния, может, думая, что поезд идет быстрей, чем другие, начинаешь пускать в дело все, что найдешь завалившимся между сиденьями, пусть это даже всего-навсего погнутая скрепка.

Если крякаешь, как ученый, и ходишь вперевалочку, как ученый, то скоро для не-ученых становишься предметом обсуждения, а вовсе не личностью. Некоторые ученые сжились с этой ролью, чуть ли не ухватились за нее, превратившись в ходячие диссертации или учебники. Чего, впрочем, о Чейни не скажешь, даже несмотря на проскальзывающие жargonные словечки вроде «квантовомеханической запутанности».

С какого-то момента по пути к границе Контроль начал коллекционировать чейнизмы. Изрядную часть каковых Контролю и выпрашивать не пришлось, потому что как только Чейни разогрелся, тут же выяснилось, что он терпеть не может молчания, предпочитая заваливать его пустоту диковинной комбинацией эрудиции и неряшливого синтаксиса. Контролю всегда и приходилось, вкупе с Уитби в роли невинного соучастника, просто не отреагировать на шутку или комментарий, и Чейни тут же наполнял лакуну собственными словами. Боже, ну и долгая же поездочка!

«Ага, дико способствовали кретинизмам друг друга. Это почти все, чего у нас есть».

«Мы даже не понимаем, как работает каждый организм на нашей планете. Пока даже не идентифицировали их. А что, если мы попросту не располагаем языком для этого?»

«Изжили ли мы себя? Не думаю, не думаю. Но не спрашивайте по этому поводу мнения у армии. А то квадрат посмотрит на круг и спросит, почему так мало углов».

«Как физик, что бы вы сделали, столкнувшись с чем-то, чему наплевать, что вы делаете, и что не реагирует на ваши действия? Поневоле сначала вспом-

нишь про темную материю, а потом и рассудком помрачишься».

«Ага, об этом мы думаем: как узнать, выпадает ли нечто из нормы, если даже не знаешь, регистрируют ли твои инструменты его эволюции? Лазеры, детекторы гравитационных волн, рентген — все без толку. Не полезнее лопат и ведер».

«Вряд ли в Центре есть хоть один ученый. Хоть пол-ученого».

«По-моему, это вроде как странно. Практически жить рядом с этим. Думаю, я могу это сказать. Но потом идешь домой — и ты дома».

«Разбираетесь ли вы в физике? Нет, конечно, не разбираетесь. Да и откуда вам?»

«Черные дыры и волны имеют сходную структуру, знаете ли? Очень, очень сходную, как оказалось. Кто бы мог ожидать?»

«В смысле, рассчитываешь, что Зона Икс будет сотрудничать, хоть капельку, ведь правда? Я бы поставил свою репутацию, только бы она сотрудничала с нами достаточно, чтобы получить хотя бы более-менее точные показания. Хоть бы температурную аномалию какую-нибудь завалящую, чисто для приличия».

И позже, развивая это заявление: «Сейчас мы пришли к некоему согласию, как нас ни поубыло, что, для того чтобы анализировать некоторые вещи, объект должен позволить себя анализировать, согласиться на это. Даже если просто путем *какого-нибудь* отклика, *какой-нибудь* реакции».

Эти две последние реплики и тычки локтем Чейни выдал чуточку жалостно, потому что на самом деле уже поставил свою репутацию на Зону Икс — в широком смысле, — сделав Южный предел своей ка-

рьерой. Сначала триумф и ликование от чувства избранности, а затем удушье, словно грандиозная змея по имени Зона Икс сдавливает его в своих кольцах, а затем еще и знание, которым он не может не обладать, упрятав в сокровеннейших мыслях, а то и кружашее по внутреннему кругу его мозга. Что Южный предел в действительности погубил его карьеру, а может, и стал причиной его развода.

— А что вы думаете по поводу всей этой дезинформации, скармливаемой экспедициям? — поинтересовался Контроль у Чейни, хотя бы для того, чтобы остановить поток чейнизмов, зная, что Чейни обладал некоторым влиянием на формирование этой дезинформации.

Чейни наступился так, будто вопрос Контроля смакивал на критику лакокрасочного покрытия автомобиля, попавшего в чудовищную катастрофу. Не задуство ли толкнуло Контроля загасить энергичную, безудержную разновидность брылястого бодрячества Чейни? Впрочем, бодрячество коробило Контроля почти всегда. «Бодрячество» всегда играло роль отговорки, начиная с раздевалки футбольной команды в старших классах и далее — этакий добродушный треп, прикрывающий большие или малые грешки.

— По-настоящему это не было — не является — дез информацией, — проговорил Чейни и на миг омрачился, подыскивая слова. Возможно, подумал, что это испытание. Лояльности, позиции или нравственной непоколебимости. Но слова нашел довольно быстро:

— Это скорее подобно созданию легенды или повествования, которые провели бы их через теснины и мели. Якорь.

Как маяк, отвлекающий их от топографических аномалий, маяк, уже своим назначением призванный обеспечить безопасность. Может, Чейни внушил себе именно эту легенду о байке или байку о легенде, но Контроль сомневался, что директриса — или хотя бы биолог, сохранившая лишь фрагментарную память, — видели это в том же свете.

— Боже, ну и долгая же поездочка! — нарушил Чейни затянувшееся молчание.

009: УЛИКА

Наконец добрались и до мыши с растением, заседая по поводу стены за его дверью.

— Как насчет этой мыши, этого растения? — требовательно вопросил Контроль, закидывая удочку. — Это тоже мемориал?

Растение и мышь до сих пор обретались в горшке, не выпрыгнув оттуда, чтобы вцепиться им в глотки, хотя Уитби и Сю неусыпно следили за горшком на протяжении всего заседания.

— Вообще-то нет, — признала Грейс после паузы. — Она пыталась его убить.

— Что?

— А оно не погибает, — бросила она презрительно, словно нарушение привычного порядка вещей — не чудо, а поношение.

Заместительница директора заставила Уитбипуститься в леденящее кровь перечисление покушений, включавшее поножовщину, тщательное сожжение, лишение почвы и воды, заражение паразитами, общее небрежение, излучение флюидов ненависти, вербальное и физическое насилие и многое другое. Уитби жи-

вописал некоторые из этих событий с чрезмерно маниакальной энергией. Обрезки спешно отправили в Центр, и, наверное, ученые и по сей день трудятся над раскрытием секретов растения.

Но Центр никакой информации обратно не шлет, а ничего из того, что было под силу сделать директрице, не могло его прикончить, даже заточение его в запертом ящике стола. Вот только: кто-то сжался над растением и поливал его, может быть, даже сунул ему трупик мыши ради питательных веществ. Контроль поглядел на Уитби и Грейс с подозрением. Мысль, что кто-то из них проявил милосердие, лишь заставила его почувствовать к обоим чуть больше симпатии, чем минуту назад.

А затем вклинилась Сю:

— Полагаю, она взяла его из кладовых образцов. Изначально оно из Зоны Икс. Очень распространенное растение, хотя я и не ботаник.

Так веди же нас скорее в кладовые образцов!

Вот только Сю, будучи лингвистом, не имеет допуска.

* * *

В паре миль от границы ландшафт переменился, сузившаяся дорога стала ухабистее, и Уитби пришлось сбросить скорость миль на десять в час. Темные сосны и болотистые участки мало-помалу уступили место подобию субтропических дождевых лесов. Контроль видел кудрявые вопросительные знаки побегов папоротника и удивительное множество чернокрылых поденок, когда машина пересекала насколько деревянных мостиков, перекинутых через хитросплетение ручьев. Запах местности с сырого и приторно-

го сменился таким же вопросительным, как папоротники, — намек на свежесть благодаря более плотным лиственным кронам. Контроль понял, что они уже въехали на периферию грандиозной карстовой воронки, своего рода «топографической аномалии», создавшей совершенно иную среду обитания. Парки в карстовых воронках этого региона почему-то всегда были любимым местом тусовок подростков, и порой после отъезда из Хедли с упаковками пива, добытыми неправым путем, они направлялись туда на randevu с девушками. Помнившиеся ему карстовые воронки были свалками раздавленных пивных банок и рассыпей упаковок от презервативов. Местная полиция приглядывает за такими местами зорким оком, потому что редкие выходные там обходится без драк.

Но что еще удивительнее, на глаза то и дело попадались белые кролики, проворно скачущие по краю застойных озерков и заваленных прелой листвой сырых мест, где перегной образуется бодрым темпом и испокон веков растут мухоморы.

Что заставило Контроля прервать один из запинающихся монологов Чейни:

— Это те, что я думаю?

Чейни, испытав явное облегчение оттого, что Контроль сказал хоть что-то:

— Да, это истинное наследие эксперимента. Те, что удрали. Они плодятся... ну, как кролики. Предпринимались попытки истребления, но они отнимали слишком много ресурсов, так что теперь мы пустили дело на самотек.

Контроль взглядом проследил продвижение одного белого великана — или великаниши, — размерами превосходящего сородичей, взиравшегося на более

высокое место безграничными прыжками и скачками. В его аллюре было нечто дерзостно-вызывающее. А может, Контроль просто наделил животное этим чувством, как наделяет остальных кроликов скопом исключительной глупостью и настороженностью.

Тут неожиданно вклинился Уитби:

— У кроликов три века, и они не способны к рвоте.

На миг Контроль, ошарашенный тем, что Уитби заговорил, придал заявлению больше веса, чем оно того заслуживало.

— Знаете ли, хорошее напоминание о необходимости смирения, — заявил Чейни, как рокочущий паровой каток, вознамерившийся закатать Уитби в асфальт, — унижения. Унизительных переживаний. Что-то вроде того.

— А что, если некоторые из них — возвращенцы? — спросил Контроль.

— Что?

Контроль не сомневался, что Чейни слышал, но вопрос повторил.

— Вы имеете в виду, из-за границы — что они проинкли туда и вернулись обратно? Что ж, это было бы скверно. Дрянненько. Потому что нам известно, что они распространились довольно далеко. Особи, достаточно смекалистые, чтобы выжить. И так уже получается, что некоторые из них покинули изолированную зону, были отловлены предприимчивыми субъектами и проданы в зоомагазины.

— Значит, как вы утверждаете, не исключено, что некое потомство вашего эксперимента пятнадцати летней давности ныне проживает у людей дома? В качестве питомцев? — поразился Контроль.

— Я бы не стал формулировать это подобным образом, но суть, полагаю, сводится к этому, — признал Чейни.

— Замечательно, — только и проронил ошарашенный Контроль.

— Вообще-то не очень, — вежливо, но твердо дал отпор Чейни. — Уж так заведено. Во всяком случае, у инвазивных видов повсеместно. Я мог бы продать вам питона с ужасающего полуострова по тем же мотивам.

А несколько секунд спустя Уитби одним духом выдал самую длинную тираду за всю поездку:

— Немногие бело-бурые — отпрыски белых кроликов, спарившихся с туземными болотными кроликами. Мы зовем их «пограничными особыми», а солдаты их отстреливают и едят. А вот чисто-белых — нет, что, по-моему, полнейшая бессмыслица. Зачем отстреливать кого-либо вообще?

А почему бы не перестрелять их *всех*? И кто в здравом уме станет их *есть*?

* * *

Пятьдесят тысяч образчиков томились в длинных помещениях, образующих второй этаж в левой части подковы, если смотреть со стороны автостоянки. Они отправились туда перед ленчем, покинув Сю в одиночестве. Все надели белые костюмы биозащиты с черными перчатками, так что сейчас на Контроле фактически были надеты такие же перчатки, как те, что выбили его из колеи в научном отделе в противоположном конце здания. И сейчас он совершил возмездие, погрузив в них руки и сделав своими марионетками, хотя осязать резину было и не очень приятно.

Атмосфера здесь царила как в соборе, и, словно научный отдел послужил своеобразной репетицией для этого, череда воздушных шлюзов здесь обнаружилась в точности такая же. Здесь следовало бы звучать эфирной, небесной музыке: свет пронзал воздух таким образом, что в некоторых его лучах видны были пляшущие пылинки, а некоторые арки и несущие стены создавали в комнатах мистическое ощущение, усугубляемое высокими потолками.

— Это мое любимое место в Южном пределе, — сообщил ему Уитби с просвечивающим через прозрачный шлем лицом. — Здесь чувствуешь себя в покое и безопасности.

Неужели он не чувствует себя в безопасности в других местах здания? Контроль едва не задал Уитби этот вопрос, но почувствовал, что этим погубит настроение. Он жалел, что не может услышать в наушниках свою неоклассическую музыку для полноты ощущений, но ноты все равно проигрывались у него в голове, будто диковинное вожделение.

Он, Уитби и Грейс шагали в своих земных космических скафандрах, как стародавние боги по земле обетованной. И, хотя выглядели костюмы громоздко, легкая ткань будто и не касалась кожи, и Контроль чувствовал себя почти невесомым, словно здесь гравитация действовала по-другому. От костюма смутно попахивало потом и мяты, но Контроль старался этого не замечать.

Ряды образцов простирались вверх и вширь, и зеркала, покрывающие разделительные стены между каждым коридором, лишь усиливали впечатление. Растения всех видов, куски коры, стрекозы, сублимированные трупы лисы и ондатры, помет койотов,

кусок старой бочки. Мох, лишайники и грибы. Колесные спицы и остекленевшие глаза квакш, слепо таращающиеся на него. В глубине души он ожидал увидеть лабораторию Франкенштейна с двуглавыми телятами в формалине и каким-нибудь макабрическим горбатым слугой, ковыляющим перед ними, подробно расписывая все обо всем с полнейшим винегретом из добрых намерений и невразумительного синтаксиса. Но тут были всего лишь Уитби и всего лишь Грейс, и в этом соборе ни тот ни другая не чувствовали склонности что-либо разъяснить.

Анализ, проведенный учеными Южного предела, подтвердил, что за последние шесть лет, или начиная около X.11.D, в Зоне Икс не было обнаружено токсичности, сотворенной человеком. Ни следа. Никаких тяжелых металлов. Никаких промышленных отходов или сельскохозяйственных стоков. Никаких пластиков. Что просто невозможно.

Контроль заглянул в дверь, только что открытую для него заместительницей директора.

— Ну, вот и пришли, — сказала она, по его мнению, без всякой нужды. Но вот он и пришел в большой зал с еще более высоким потолком и более многочисленными колоннами с видом на бесчисленные стеллажи в длинном и широком зале.

— Воздух здесь чистый, — сообщил Уитби. — Голова может пойти кругом от одного лишь содержания кислорода.

Ни один из образчиков не выказывал ни малейших отклонений: нормальная структура клеток, бактерии, уровни радиации — что ни возьми. Но притом Контроль видел и несколько странных комментариев в отчетах горстки приглашенных ученых, прошедших

проверку на благонадежность и прибывших сюда, чтобы изучить образцы, хоть их и держали в неведении по поводу контекста. Суть этих комментариев заключалась в том, что стоило оторваться от микроскопа, и образцы видоизменялись — но при взгляде на них снова возвращали себе видимость нормальности. «Вот и пришли». Контролю при этом беглом осмотре обширная свалка объектов, раскинувшаяся перед ним, по большей части напоминала кунсткамеру: препарированные панцири жуков, хрупкие морские звезды и прочие штуковины в банках, бутылках, мензурках и коробках всяческих размеров.

— Кто-нибудь嘅тался съесть какой-нибудь из образцов? — поинтересовался он у Грейс, почти не сомневаясь, что если бы неубиваемое растение просто заглотили, обратно оно бы уже не вышло.

— Тссс, — отозвалась она, словно они были в церкви, а он заговорил слишком громко или ответил на звонок по сотовому. Но заметил насмешливый взгляд Уитби, склонившего голову в шлеме к плечу. Неужто Уитби попробовал пробы? Несмотря на свой ужас?

Параллельно с этой мыслью всплыло понимание, что Сю и прочие не-биологи ни разу не видели собор образцов. Интересно, что они могли бы прочесть в лохмах шерсти болотной крысы или пустых стеклянных глазах, выгнутом клюве полевого луна. Какие шепотки или бормотания могли бы выразить словами все неожиданности поперечного среза древесного мха или кипарисовой коры? Узоры, таящиеся в ветвях и листьях?

Мысль, слишком абсурдная, чтобы озвучить ее — во всяком случае, пока он совсем новичок. А может,

даже когда станет ветераном на этой работе – будь это везением или невезением.

Вот и пришел.

Когда заместительница директора закрыла дверь и они двинулись к следующему приделу собора, Контролю пришлось прикусить большой палец, чтобы не хихикнуть. Ему привиделось, как образцы пускаются в пляс за этой дверью, освободившись от ужасных ограничений человеческих взглядов. «Наше банальное, убийственное воображение» – как выразилась биолог в редкий момент беспечности при беседе с директрисой перед двенадцатой экспедицией.

Потом, в коридоре с Уитби, чуточку измотанным испытанным:

– Это помещение вы хотели мне показать?

– Нет, – отозвался Уитби, но углубляться не стал.

Он что, оскорбился из-за давешнего отказа?

Даже если и нет, предложение свое Уитби явно отозвал.

* * *

Проносящиеся мимо городки, теперь поросшие кудзу и прочими лианами, тлеющие под слоем мха. Давно заброшенное поле для мини-гольфа с пиратской темой. Лужайки погребены под листьями и грязью. Шканцы корсаров вздымаются под безумными углами, будто из бурного моря растительности, мачты сломаны под прямым углом и исчезают во мраке, потому что пошел дождь. По соседству – разваливающаяся бензоколонка: кровля продавлена рухнувшими деревьями. Асфальт так вс пулся от узловатых корней, что развалился на набухшие водой кусочки,

текстурой и консистенцией напоминающие темные, раскисшие шоколадные кексы. Смазанные, неправильные формы домов и двухэтажных строений за деревьями доказывают, что здесь до эвакуации жили люди. Так близко к границе стараются ничего не трогать, так что эти брошенные населенные пункты могли разрушить только естественные процессы за десятилетия дождей и распада.

Последний отрезок до границы Уитби колесил все под гору и под гору, пока Контроль окончательно не уверился, что они опустились ниже уровня моря, прежде чем снова поднялись по пологому склону к низкому гребню, увенчанному деревянными казармами цвета хаки и более официально выглядевшими кирпичными строениями армейского штаба и местного аванпоста Южного предела.

Согласно головоломной иерархической схеме, смахивающей на несколько толстых змей, трахающихся друг с дружкой, здесь Южный предел находился под юрисдикцией армии, и, может быть, именно поэтому сооружения организации, между экспедициями законсервированные, чуток смахивали на ряд громадных шатров из лимонного зефира. То бишь на несметное число церквей, с которыми Контроль знакомился в юношеские годы, обычно благодаря очередной девушке, с которой в тот момент встречался. Зачастую такую форму обретает петрификация возрожденцев — словно нечто временное затвердело и стало постоянным. И таким образом их приветствует либо вереница белых вечномерзлых палаток, либо белая грязь громадных волн, замороженных навеки. Зрелище здесь неуместное и ошарашивающее, словно

окаменевший гурт громадных мун-паев — деликатеса его юношеских лет.

Штаб находился в куполообразной части казарм сразу за последним контрольно-пропускным пунктом, но поблизости не было видно никого, кроме парочки рядовых, стоявших в перебаламученной грязевой ванне, неофициально считающейся здесь парковой. Праздношатающихся, несмотря на моросящий дождик, переговаривающихся скуки ради, но многоизначительно, покуривая ароматизированные вишней сигареты с фильтром. *«Как хочешь»*. *«Пошел на хер»*. Судя по виду, они и понятия не имели, что охраняют, — или знали, но стараются забыть.

Когда они наведались к командиру пограничной заставы Саманте Хиггинс, занимавшей комнушку размером чуть поболее кладовки и столь же давившую на мозги, та оказалась в самоволке. Адъютант Хиггинс — «ад-мутант», как скаламбурил бы отец Контроля, — передала извинения, что той пришлось «отлучиться», и она не может «принять вас лично». Почти как если бы он был заказным письмом с вручением под подпись.

Да оно и к лучшему. После возвращения одиннадцатой экспедиции домой отношения между обоими ведомствами воцарились натянутые. Тогдашнего командира заставы сняли, процедуры поменяли, видеозаписи системы безопасности просматривали снова и снова чуть ли не под лупой. Перепроверили границу на предмет других точек выхода, выискивая тепловые сигнатуры, флюктуации воздушных потоков, хоть что-нибудь. Впустую.

Так что Контроль считал звание «командир пограничной заставы» бесполезным или вводящим в

заблуждение, и его ничуть не озабочило отсутствие Хиггинс на месте, хотя Чейни воспринял это как личное оскорблениe:

— Я же сказал ей, что это важно. Она знала, что это важно.

В то время как Уитби, воспользовавшись случаем, поглаживал папоротник, демонстрируя не замеченную дотоле восприимчивость к текстурам.

* * *

Контроль казалось глупостью спрашивать Уитби, что он имел в виду, говоря «террор», но и спустить на тормозах тоже не мог. Особенно после прочтения документа о гипотезах, врученного ему Уитби нынче утром, о котором он тоже хотел поговорить. Учитывая контекст, гипотезы он обозначил для себя как «медленная смерть от...». Медленная смерть от инопланетян. Медленная смерть от параллельной вселенной. Медленная смерть от неведомой пагубной силы, странствующей в космосе. Медленная смерть от вторжения с альтернативной Земли. Медленная смерть от чудовищно дивергентной технологии, теневой биосфера, симбиоза, иконографии или этимологии. Смерть от этого и от этого. Смерть от умозаключения и умонастроения. Больше всего понравилось: «Обитающий на поверхности земной организма, ранее неизвестный». И где же он скрывался все эти годы? В озере? На ферме? В игральных автоматах казино?

Но Контроль распознал в своем сдерживаемом смехе зачатки истерии и истинную сущность своего цинизма — это был оборонительный механизм, чтобы не думать ни о чем из этого.

И что касается смерти тоже, эдак приподнятая бровь — изрядная доля подразумеваемого или откровенного «ваша гипотеза нелепа, необоснована, бесполезна». Некоторые призраки былого соперничества между отделами воскресли и диковинным образом проглядывают сквозь фразы. Интересно, сколько раз тут за годы братались; олицетворяет ли письменная гримаса археолога в ответ на вроде бы разумную оценку эколога беспристрастное мнение, или означает, что здесь разыгрывается эндшпиль, окончательные последствия инцидента, случившегося лет за двадцать до того.

Так что перед поездкой к границе, пожертвовав ленчом, он вызвал Уитби к себе в кабинет, чтобы вытянуть его на откровенность по поводу «террора» и разговор о гипотезах. Хотя, как оказалось, гипотезы они едва затронули.

Уитби сидел на краешке стула напротив Контроля и его огромного стола, полный решимости и ожидания. Он чуть ли не вибрировал, как камертон, отчего у Контроля пропало желание говорить заготовленные слова, но он их все-таки сказал:

— Почему вы сказали давеча «террор»? А затем повторили?

Уитби изобразил крайнее недоумение, а затем распалился до такой степени, что на миг словно воспарил над сиденьем с видом колибри, трудолюбиво занимающейся опылением, сказав:

— Да не террор! Вовсе никакой не террор. *Terruar*, — и на сей раз выговорил это слово протяжно, чтобы Контроль понял, что это не «террор».

— А что такое... терруар... тогда?

— Винодельческий термин, — пояснил Уитби с таким энтузиазмом, что Контроль даже задумался на миг, не подрабатывает ли тот сомелье на полставки в каком-нибудь шикарном ресторане Хедли на набережной.

Впрочем, его внезапное оживление почему-то передалось и Контролю. В Южном пределе столько зализивания глаз и вызубренных речей, что вид Уитби, пришедшего в восторг от идеи, вызвал у него духовный подъем.

— И что он означает? — осведомился он, хотя пока и не питал уверенности, что поощрять Уитби — хорошая идея.

— Чего это не означает? — откликнулся Уитби. — Это означает специфические характеристики места обитания — географию, геологию и климат в сочетании с собственными генетическими предрасположенностями лозы, способные создать поразительный, глубокий, оригинальный винтаж.

Теперь Контроль был и увлечен, и развлечен.

— И как это относится к нашей работе?

— Всячески, — энтузиазм Уитби только умножился. — Терруар напрямую переводится как «местный колорит», и означает он сумму воздействий локализованной среды в той мере, в которой она воздействует на конкретный продукт. Да, это может означать вино, но что, если употребить те же критерии к мышлению о Зоне Икс?

Контроль, почти готовый заразиться возбуждением Уитби, заметил:

— Значит, вы хотите сказать, что изучили бы все, что есть, об истории — естественной и гуманитарной — этой прибрежной полосы вдобавок ко всем

прочим элементам. И тогда могли бы — только могли бы — отыскать в этой консолидации ответ?

По сравнению с идеей терруара гипотезы, представленные Контролю, выглядели вульгарными и тупыми.

— Именно. Суть терруара в том, что нет двух одинаковых районов. Что два вина не могут быть в точности одинаковыми, потому что никакая комбинация элементов не может совпадать тютелька в тютельку. Что определенные сопутствующие параметры в определенных местах проявиться не могут. Но чтобы прийти к выводам, требуется глубочайшее понимание региона.

— И этого еще не сделали?

— Частично, — развел руками Уитби. — Частично. По моему мнению, учли не все. Я чувствую, что делается избыточный акцент на маяке, на башне, на базовом лагере — этих дискретных элементах, которые, можно сказать, торчат из местности, в то время как сама местность по большей части игнорируется. Как и идея, что Зона Икс не могла сформироваться больше нигде... хотя эта гипотеза весьма умозрительна и, пожалуй, опирается в основном на мои наблюдения.

Контроль кивнул, теперь не в силах отделаться от здорового скептицизма. Будет ли терруар в действительности более полезен, чем иной подход? Если нечто, выходящее далеко за пределы представлений человеческих существ, вознамерилось осуществить замысел, не желая, чтобы люди его распознали или постигли, тогда терруар будет просто своего рода аутопсией, разновидностью признания ограниченности человеческих систем. Можно картографировать

весь процесс от и до — или, скажем, плацдарм или вторжение — лишь после того, как это произошло, и по-прежнему не ведать, *кто или зачем*. Контролю хотелось сказать Уитби: «Виноградарство проще, чем Зона Икс», но он воздержался.

— Я могу предоставить вам некоторые из моих личных результатов, — сообщил Уитби. — Я могу показать вам начало вещей.

— Отлично, — кивнул Контроль с преувеличенным оживлением и почувствовал облегчение оттого, что Уитби воспринял это единственное слово как заключение беседы и довольно быстро удалился, поубавив облегчение Контроля тем, что принял это как безраздельное подтверждение.

Но великие единые теории — палка о двух концах, как, к примеру, чрезмерный акцент Центра на попытках вынудить разрозненные группы боевиков правого крыла объединиться. Контроль припомнил, что отец выдумывал истории о том, как одна поделка из его разношерстного сада скульптур высказывалась по этому поводу и как все они были частью более масштабного повествования. Все они обитали в одном месте, все были детищами одного творца, но созданы вовсе не за тем, чтобы общаться между собой. Как и не за тем, чтобы плесневеть и ржаветь на заднем дворе. Но таким образом отец хотя бы мог обосновать их пребывание вместе под жгучими лучами солнца и под дождем, пусть даже под защитой брезента.

Граница низошла рано утром в день — дату, которой никто за пределами Южного предела не помнит и не чтит. Просто необъяснимое событие, погубившее ориентировочно две тысячи человек на кораблях, в

самолетах, на земле. Как учесть в терруаре призраков? Усиливают ли они вкус или делают вещи сухими, мучнистыми, несовместимыми? Контроль ощутил во рту горечь.

* * *

Если *терруар* означает консолидацию, тогда вход через границу в Зону Икс — высочайшая консолидация. Это еще и высочайший секрет — настолько, что визуальные материалы об этой точке входа не представляют никому. Пока там не побываешь, не посмотришь на нее, никогда не испытаешь этого. И если вглядываешься сквозь неистовство грозы, с полными грязи туфлями, под одним-единственным зонтиком на троих, это делу отнюдь не способствует.

Они стояли, вымокшие и продрогшие, у конца тропинки, вьющейся от казарм по гребню над гигантской карстовой воронкой, а потом по более прочному грунту. Они смотрели на правый бок высокой, прочной красной рамы из дерева, обозначавшей местоположение, ширину и высоту лежащего за ней входа. Тропа протянулась параллельно линии, прочерченной краской и постоянно обновляемой, которая давала знать, что граница лежит в пятнадцати футах дальше. Если пройти на десять футов за черту, лазеры замаскированной системы безопасности тебя поджарят. Но в остальном армия старалась оказывать минимальное воздействие: никто не знает, что может изменить *терруар*.

Испытываемый Контролем ужас усугубляли рогатки молний, раскалывающие небо, и гром, звучавший так, будто великан в дурном настроении крушил деревья в щепу. И все же они уцелели: Чейни держал

полосатый сине-белый зонт, полностью вытянув руку к небу, а Контроль и Уитби сгрудились вокруг него, пытаясь синхронно шаркать по узкой тропке, не спотыкаясь. И все было тщетно под косым ливнем.

— Сбоку вход не виден, — громким голосом сообщил Чейни, лицо его сбоку испещрили кусочки листвьев и брызги грязи. — Но скоро вы его увидите. Тропа заворачивает, чтобы зайти к нему в лоб.

— А он не излучает свет? — Контроль щелчком сбил в сторону нечто рыжее с шестью ногами, взбиравшееся по его штанине.

— Да, но с этой стороны его не видно. Сбоку его будто и нет вовсе.

— Он двадцать футов в высоту и двенадцать в ширину, — добавил Уитби.

— Или, как я сказал, шестьдесят кроликов высотой и тридцать шесть кроликов шириной, — подхватил Чейни.

Контроль в приступе великодушия посмеялся над этим, что, как ему показалось, на миг озарило черты Чейни счастьем, хоть в такой слякоти и круговерти толком и не разберешь.

Весь район чем-то напоминал склеп, даже в ливень. Особенно потому, что проливной дождь резко обрывался на границе, хотя ландшафт продолжался без разрыва. Контроль почему-то предполагал увидеть подобие рассогласования, как на плохо выровненных страницах разворота в рекламном проспекте мебели. Но вместо того все выглядело так, будто они шлепают по грязи в огромном террариуме или теплице с невидимым стеклом, сквозь которое заглядывает солнечный день в окружающем пейзаже.

Они добрались до самого конца среди буйства пышной флоры и внушающего тревогу изобилия пернатых и насекомых, с виднеющейся сквозь пелену ливня ланью на полпути. Здесь уровни токсичности соответствовали наблюдающимся внутри Зоны Икс — то бишь нуль, ни шиша, ничегошеньки. Сю сказала во время совещания что-то о натяжках в терминологии, а он ответил в звенящей тишине: «Натяжках вроде слова «граница»?» Отступая вспять от лишения членов экспедиции имен: что, если при наращивании личности и прочих деталей вокруг одной лишь функции возникает иная картина?

Прочавкав по грязи еще пару минут, они обогнули поворот и резко остановились перед деревянной конструкцией.

Контроль не ожидал тут никаких красот, но это было прекрасно.

За красной деревянной рамой он узрел примерно прямоугольное пространство, в котором клубился искристый, ищущий белый свет — свет, дребезжащий и брезжащий и вечно кажущийся на грани угасания, но никогда не угасающий... в нем угадывалось некое спиральное коловращение, непрерывное накручивание самого на себя. Если быстро поморгать, почти возникало впечатление, что свет состоит из восьми или десяти стремительно кружящихся спиц, но это было лишь иллюзией.

Свет этот не походил ни на что виденное Контролем прежде. Он не был ни резким, ни мягким. Не был он и эфемерным, словно феерическое блистание из скверных мультиков. Не был он приглашенным светом торгашей, фокусников и всяких прочих, стремящихся подчеркнуть свет с помощью теней. Ему недоставало

кристальности все проявляющего света собора-храма-нилища, но он не был и тусклым, мутным или масляным, не подходя ни под какое описание, приходившее в этот момент в голову. Контроль представил, как пытается рассказать о нем отцу, но вообще-то на самом деле как раз отец мог бы описать ему качество этого света.

— Хотя коридор так высок и широк, нужно ползти через него по-пластунски с рюкзаком как можно ближе к середине. Как можно дальше от боков, — подтвердил Чейни то, что Контроль уже читал в сводках. Как кошки с техническим скотчем на спинах, стелющиеся вперед на брюхе. — Что бы вы там ни чувствовали по поводу замкнутых или открытых пространств, там будет не по себе, потому что одновременно чувствуешь, словно продвигаешься по просторному открытому полю и пребываешь на узеньком гребне над пропастью без перил и можешь свалиться в любую секунду. Так что в одно и то же время пребываешь и в стесненном, и в бескрайнем просторе. Это одна из причин, почему мы погружаем членов экспедиции в гипнотический транс.

Не говоря уж о том — а Чейни как раз и не говорил, — что руководитель экспедиции в любом случае должен вынести эти переживания без помощи психологической обработки и гипноза, и некоторых из них внутри посетили странные видения. «Это было как пребывание в одном из этих аквариумов, где вода над головой, но сумрачнее, так что я не мог толком сказать, что там плавает. А может, сумрачной была не вода, а существа». «Я видел созвездия, и все было близко и далеко в одно и то же время». «Там

была обширная равнина, как в тех местах, где я росла, и она все расширялась и расширялась, пока мне не пришлось уставиться в землю, потому что у меня возникло ощущение, что я наполняюсь, пока не лопну». И все это могло запросто разыгрываться только в умах у самих субъектов.

Да и длина перехода не соответствовала ширине невидимой границы. Некоторые отчеты вернувшихся экспедиций указывали, что переход петляет, в то время как другие описывали его как прямолинейный. Суть в том, что он видоизменяется, и время прохода по нему в Зону Икс оценить можно разве что в рамках приблизительного параметра «в норме» от трех до десяти часов. Из-за этого одно из первоначальных опасений Центра даже заключалось в том, что точка входа может вообще исчезнуть, хотя прочие мнения расходились. В досье, касающихся границы, Контроль отыскал относящуюся к делу цитату Джеймса Лаури: «...дверь, когда я ее увидел, выглядела так, будто была там всегда и будет всегда, даже если никакой Зоны Икс не будет».

Очевидно, директриса считала, что граница надвигается, но никаких свидетельств в пользу этой точки зрения не обнаружилось. Утвердительная пометка в досье со стороны неких верховых инстанций сопровождалась комментарием, что директриса, наверное, просто пыталась привлечь внимание и средства к «умирающему агентству». Теперь же, узрев вход, Контроль озадачился, как кто-либо мог понять, что значит «надвигается».

— Не смотрите на него напрямую слишком долго, — посоветовал Уитби. — Он вроде как втягивает.

— Постараюсь, — отозвался Контроль. Но слишком поздно, единственное утешение, что если он тронется туда, Уитби или Чейни его остановят. Или лазеры.

Коловращение света расстроило его попытки увидеть мысленным взором биолога. Он не мог поставить ее рядом с собой, последовать за тремя другими членами двенадцатой экспедиции в этот свет. Тогда, к моменту прибытия на это место, она уже пребывала под действием гипноза. Лингвист должна уже была покинуть экспедицию. Должно было остаться только четверо из них, готовых проползти с рюкзаками через этот невозможный свет. Только директриса должна была видеть это ясным взором. Если бы он прорвался сквозь ее каракули, если бы раскопал наслоения и добрался до ее сердцевины... смог бы он вернуться сюда и реконструировать ее мысли, ее чувства в тот самый момент?

— А как члены последней одиннадцатой и первой двенадцатой выбрались из Зоны Икс, оставшись незамеченными? — спросил Контроль у Чейни.

— Должна быть другая точка выхода, которую мы пока не сумели найти.

Объект, даже наблюдаемый, сотрудничать по-прежнему не желает. Контролю привиделся отец в кухне, когда ему было четырнадцать, сующий подгнивший фрукт на дно стакана, а затем венчающий его бумажным фунтиком, чтобы устроить ловушку для залетевших в дом плодовых мушек.

— Почему же мы видим коридор? — поинтересовался Контроль.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — ответил Чейни.

— Раз он виден, значит, так и задумано, чтобы мы его видели. — Ошеломительная мысль: а что могло бы выйти в мир через коридор двадцать футов высотой и двенадцать футов шириной?

Чейни на секунду втянул щеку, пососал ее и неохотно признал:

— Это гипотеза. Это определенно гипотеза, вполне приемлемая. Ничего не могу сказать против.

Так они стояли долго, теряя время, но не признавая этого, не замечая дождя. Уитби держался в стороне, позволяя дождю поливать себя, пренебрегая зонтом. Сзади до них между раскатов грома доносилось резкое журчание воды в ручьях, с бульканьем устремляющейся в карстовую воронку по ту сторону гребня. А впереди — ясность безоблачного летнего дня.

Пока Контроль старался глядеть сквозь этот искающийся, пляшущий свет.

010: ЧЕТВЕРТАЯ БРЕШЬ

Terryar просочился в его мысли снова, когда под конец дня, просыхая, он получил стенограммы утреннего сеанса с биологом, и калейдоскоп образов путешествия к границе замелькал у него в голове. Он только что неохотно снова бросил мышь в мусор и репатриировал растение в соборохранилище. Потребовалось волевое усилие, чтобы совершить это и захлопнуть дверь перед фантасмагорической проповедью, нацарапанной на стене. Ему было не по нутру вовлекаться в суеверия, но остались сомнения, что он совершил ошибку — что директриса оставила и мышь, и растение в ящике стола не без причины, в качестве дико-винной защиты от... чего?

Он до сих пор не постигал, как ему удалось провести интернет-поиск упомянутой Кукушкой улитки ксенофоры, показавший, что она почти дословно цитировала старинную любительскую книгу «пастора-натуралиста». Нечто попавшееся ей на глаза в колледже со всеми ассоциативными воспоминаниями, которые это может извлечь. Контроль не считал, что это имеет какое-то значение, не считая очевидного: биолог сравнивала его с неуклюжей улиткой.

Затем пролистал стенограмму, в чем нашел своеобразное утешение. В какой-то момент во время сеанса, забрасывая удочку наугад, Контроль сделал разворот прочь и от башни, и от маяка, обратно к месту, где ее нашли.

B: Что вы потеряли на пустой стоянке?

А что, если — размышлял он за своим столом, по-прежнему игнорируя подмокшие страницы в выдвижном ящике рядом, — пустующая стоянка — терруар, связанный с терруаром, представляющим собой Зону Икс? Что, если некая консолидация личности и места означает нечто большее, нежели просто возвращение домой? Нужно ли заказывать полные исторические раскопки заброшенной стоянки? А как быть с двумя другими — антропологом и топографом? Увязнув в тайнах Южного предела, он не сможет выкроить время, чтобы разузнать о них. Контроль ощущал скучую благодарность к Грейс, упростившей его работу, отослав их прочь.

Тем временем биолог на странице отвечала на его вопрос.

O: Потеряла? Типа чего? Четки с распятием? Исповедь?

B: Нет.

О: Ну, почему бы вам не сказать, что, по-вашему, я могла там потерять?

В: Хорошие манеры?

Этим он заслужил смешок, хоть и язвительный, а затем долгий, усталый вздох, словно истогший из ее легких весь воздух.

О: Я же вам говорила, ничего там не случилось. Я пришла в себя, словно после бесконечного сна. А затем меня подобрали.

В: А вам снились сны? Я имею в виду теперь?

О: А какой смысл?

В: Что вы хотите сказать?

О: Мне просто снилось, что я не здесь.

В: Хотите послушать мои сны?

Он не знал, почему сказал это ей. Он сам не знал, что говорил. Сказал бы он ей о бесконечном падении в залив, в глотки левиафанов?

К его изумлению, она сказала:

И что же вам снилось, Джон? Поведайте.

Она впервые назвала его по имени, и он попытался внушить себе отвращение к искре, прошившей его от этого. *Джон*. Она поставила ноги на сиденье, так что теперь обнимала колени, глядя на него чуть ли не проказливо.

Порой надо перестраивать собственную стратегию, что-то отдавать, чтобы что-то получить. Так что он поведал ей свой сон, хоть и не без настороженного смущения, уповая, что Грейс не увидит этого в официальных документах, не пустит каким-нибудь образом в ход против него. Но Контроль считал, что если бы соврал, если бы что-нибудь выдумал, то Кукушка поняла бы, что пока он пытается интерпретировать ее высказывания, она все это время перерабатывает *его*.

Даже задавая вопросы, он непрерывно кровоточил данными. Ему вдруг привиделась информация, падающая сбоку у него в голове в виде пикселизованного кроваво-красного тумана. Вот мои родственники. Вот моя бывшая подружка. Мой отец был скульптором. Моя мать — шпионка.

Но и она во время беседы на миг смягчилась.

О: Я пришла в себя на пустынной стоянке и подумала, что я мертва. Подумала, может, я в чистилище, хотя и не верю в загробную жизнь. Но было тихо и так пусто... так что я ждала там, боясь уйти, боясь, что должна находиться там по какой-то причине. Сомневаясь, что хочу знать что-либо еще. А потом за мной приехала полиция, а после этого Южный предел. Но я все еще считала, что жива не на самом деле.

Что, если биолог только нынче утром решила, что жива, а не мертва? Вероятно, именно этим и объясняется перемена в ее настроении.

Закончив чтение, он чувствовал, что Кукушка все еще смотрит на него, не опуская взгляда, удерживая его на месте — или он позволил ей сделать это. Почему бы то ни было.

На обратном пути от границы на Контроля, Уитби и Чейни, вероятно, перегруженных контрастами между солнцем-жарой и дождем-холодом, сизошло молчание. Но оно казалось Контролю дружеским молчанием прошедших общее испытание, словно он был без спроса посвящен в члены эксклюзивного клуба. К этому чувству он отнесся настороженно: это пространство, где тени заползают туда, куда не должны,

где люди соглашаются на вещи, с которыми вообще не согласны, верят, что у них единые цель и намерения. Однажды в таком же пространстве коллега-агент назвал его «земелей», отпустив бесцеремонный комментарий, что он «не походит на обычных латиносов».

Когда они были где-то в миле от Южного предела, Чейни заметил — слишком уж мимоходом:

— Знаете ли, ходят слухи насчет бывшей директрисы и границы.

— Да?

Ну вот, началось. Вот как утеха ведет к выходу за рамки или некоему полуоткровению о том, что следовало держать под спудом.

— Что однажды она пересекла границу в одиночку, — проронил Чейни, устремив взгляд вдаль. Даже Уитби будто бы хотел дистанцироваться от этого заявления, подавшись на сиденье вперед, продолжая вести машину. — Только слухи, — добавил Чейни. — Понятия не имею, правда ли это.

Но Контролю не было до того дела, несмотря на лицемерную оговорку. Правда Чейни явно не волновала, или он уже знал, что это правда, и хотел пустить Контроля по следу.

— А этот слух не уточняет, когда это могло произойти? — осведомился Контроль.

— Прямо перед последней одиннадцатой экспедицией.

Часть его сознания хотела выложить это заместительнице директора и поглядеть, что ей может или не может быть известно. Другая же считала, что это непродуманная идея. Так что он принялся обдумывать сведения, гадая, почему Чейни скормил их ему, тем

паче в присутствии Уитби. Означает ли это, что Уитби хватит духу, несмотря на доказательства обратного, умолчать об этом, даже когда Грейс захочет, чтобы он выложил все как на духу?

— А вы когда-нибудь бывали за границей, Чейни?

Фырканье, как взрыв:

— Нет. Вы с ума сошли? Нет.

На стоянке в конце дня Контроль сидел за рулем с ключами в зажигании, посвятив минутку декомпрессии. Дождь прошел, оставив маслянистые лужи и подобие зеленого лоска на траве и деревьях. Остался только лиловый электромобиль Уитби, под углом расположившийся на двух парковочных местах, словно заброшенный туда прибоем.

Пора звонить Голосу, чтобы подать рапорт. Лучше покончить с этим сразу, чем позволить работе перетечь на вечер.

Телефон звонил и звонил.

Наконец Голос ответил:

— Да, что? — словно Контроль позвонил в неподходящий момент.

Он намеревался поинтересоваться тайным пересечением границы директрисой, но интонации Голоса выбили его из колеи. И вместо того Контроль начал с растения и мыши.

Моргнул раз, другой, третий. Пока они говорили, он кое-что заметил. Мелочь, но она все же вывела его из равновесия. С внутренней стороны ветрового стекла обнаружился раздавленный москит, и Контроль понятия не имел, как тот сюда попал, зная, что утром его не было, и не помня, чтобы шлепал москитов. Па-

раноидальная мысль: недогляд со стороны того, кто обыскивал машину... или кто-то хотел, чтобы он знал, что находится под наблюдением?

Не в силах перестать таращиться на москита, распылив внимание, Контроль поймал себя на вихляниях в беседе с Голосом. Почти как восходящие потоки, толкающие самолет вперед-вверх, пока сидящий внутри, пристегнутый к креслу пассажир — он сам — терзается тревогой. Или словно смотришь телепередачу по кабельному, где канал сбоит, перебрасывая его на пять секунд вперед каждые пару минут. И все же беседа возобновилась с того места, где прервалась.

Голос говорил грубее обычного:

— Я раздобуду вам побольше информации — и не тревожьтесь, я все еще работаю над ситуацией чертовой заместительницы директора. Позвоните мне завтра.

Ему в голову закрался нелепый образ заместительницы директора, крадущейся на стоянку, пока он находится на границе, вскрывающей замок, копающейся у него в бардачке и по-садистски расквашивающей москита.

— Не знаю, хорошая ли это мысль на данном этапе насчет Грейс, — заметил Контроль. — Может, было бы лучше...

Но Голос уже дал отбой, оставив Контроля гадать, как это так быстро стемнело.

Контроль созерцал запутанную геометрию крови и деликатных конечностей, не в силах отвести взгляд от москита. Он собирался сказать Голосу что-то еще, но забыл из-за москита, и теперь придется ждать до завтра.

Может, он прихлопнул москита рефлекторно и не помнит об этом? Маловероятно. Что ж, просто на случай, если это не он, надо оставить проклятую букашку на месте вкупе с пятнышком крови. Это может послужить ответным посланием. Со временем.

011: ШЕСТАЯ БРЕШЬ

Дома на ступеньках ждал Чорри. Контроль впустил его внутрь, положил ему кошачьих консервов, купленных в магазине вместе с куриным сэндвичем, поел на кухне, хотя от трапезы Чорри так и разило жирной лососиной. Смотрел, как кот уплетает за обе щеки, но мыслями пребывал где-то далеко, сосредоточившись на том, что считал неудачами дня. Ощущение было такое, будто все пасы подал мимо и тренер старших классов орет на него. Стена за дверью его отбросила. Стена и совещание отняли слишком много времени. Даже поездка к границе ситуацию не наладила, а просто стабилизировала, в то же время открыв новые направления расследования. По возвращении идея, что директриса побывала за границей до двенадцатой экспедиции, принялась изводить его. Чейни, во время поездки к границе: «Я и понятия не имел, что директриса была настолько с нами согласна, знаете? Или у нее был собственный советник, или какой-то другой совет вкупе с Грейс. Или я совсем не разбираюсь в людях. Что, пожалуй, возможно».

Контроль полез в сумку за своими заметками о поездке к границе и был шокирован, обнаружив там три мобильника вместо двух: элегантный, для общения с Голосом, другой для обычного рабочего пользования и третий, более громоздкий. Нахмутившись, Кон-

троль извлек все три. Третий оказался старым, неработоспособным телефоном из директорского стола. Контроль воззрился на него. Как он туда попал? Не Грейс ли его туда положила? Аппарат выглядел как старый черный жук — твердый, побитый пластиковый корпус немного смахивал на панцирь. Грейс не могла этого сделать. Должно быть, все-таки оставила его в кабинете, а Контроль по рассеянности прихватил. Но тогда почему он не заметил его на стоянке, закончив разговор с Голосом?

Он положил телефон на кухонную стойку, бросив на него настороженный взгляд-другой, прежде чем устроиться в гостиной. Что же он упустил?

Не в силах сподвигнуть себя на пробежку, включил телевизор. И вскоре на него обрушилась вереница реалити-шоу, новостей об очередной школьной бойне, а какой-то комментатор надрывался на отборочном матче Лиги современных боевых искусств. Поколебался между кулинарным шоу и детективом, двумя из своих любимых жанров, потому что позволяют не думать, прежде чем остановиться на детективе, а кот мурлыкал на коленях, как разогревающийся двигатель.

Глядя в экран, он вспомнил лекцию профессора энvironики на втором курсе колледжа. Суть сводилась к тому, что учреждения, даже отдельные департаменты в правительствах, — железобетонные воплощения не просто идей или мнений, но еще и позиций и эмоций. Броде ненависти или сочувствия, утверждений типа «иммигранты должны выучить английский или никакие они не граждане» или «все душевнобольные пациенты заслуживают нашего уважения». Что в механизме, к примеру, агентства, можно не без уси-

лия открыть не только стоящую за ним абстрактную мысль, но и конкретные эмоции. Южный предел был основан, чтобы исследовать (и сдерживать) Зону Икс, и все же, несмотря на все признаки и символы этой миссии — все беседы, досье, сводки и анализы, — в агентстве существовали и некоторые другие эмоции или позиции. Контроля огорчало, что он никак не может уяснить суть, словно ему недостает еще одного чувства — или чувствительности. И однако, как сказала Грейс, как только он слишком обживется в Южном пределе, как только закуклится в его пенатах, то из-за чрезмерного погружения в тему тоже не сможет этого постичь.

В ту ночь он спал без сновидений. Помнил, как задолго до рассвета его разбудило что-то мелкое, пробирающееся по крыше конвульсивными рывками, но вскоре оно двигаться перестало. Чтобы разбудить кота, этого оказалось недостаточно.

012: РАЗБОРКА ЗАВАЛОВ

Утром, вернувшись на работу, он обнаружил, что одна люминесцентная трубка в кабинете перегорела, побравив света. В частности, кресло и стол Контроля окутывало подобие полумрака. Он переставил лампу из книжных шкафов, установив ее на полке так, чтобы она была нацелена на стол слева. Чтобы яснее увидеть, что Уитби исполнил свою угрозу, оставил на столе толстый, несколько потрепанный документ, озаглавленный «Терруар и Зона Икс: Всесторонний подход». Что-то в ржавчине на массивной скрепке, впившейся в титульную страницу, желтизне машинописных страниц, рукописных пометках разноцвет-

ными чернилами, а может, вырванных и вклеенных скотчем иллюстрациях отбивало у него желание лезть в эту конкретную кроличью нору. Обождет своей очереди, что в данной ситуации может означать «на следующей неделе». Ему предстоял очередной сеанс с биологом, а также встреча с Грейс по поводу его рекомендаций касательно агентства, а затем, в пятницу, назначен просмотр видео из первой экспедиции. Среди прочих насущных дел...

Контроль открыл дверь со спрятанными за ней словами. Сделал ряд фотографий. А затем с помощью белой краски и кисти, позаимствованных в хозблоке, тщательно закрасил все до последнего слова, до мельчайшей детали карты. Грейс и остальные обойдутся без мемориала, потому что он не смог бы жить, чувствуя неослабное давление этих слов, пульсирующих за дверью. То же и с отметками роста — если это рост. Два слоя, три, пока не осталась лишь тень, хотя отметки роста, сделанные другим маркером, по-прежнему проглядывали сквозь краску. Если это отметки роста, то между замерами директриса выросла на четверть дюйма, если только во второй раз она не была на каблуках.

Покончив с побелкой, Контроль выставил две фигуки из шахмат, вырезанных отцом, чтобы заменить ими устранные талисманы — растение и мышь. Крохотный красный петух и лунно-голубая коза из серии, озаглавленной просто «*Mi Familia*»¹. Петух носил имя одного из дядьев Контроля, а коза — матери. У папы были фотографии времен его юности, как он играет на заднем дворе с друзьями и кузенами в окружении кур и коз, а сад простирается за пределы видимости

¹ *Mi Familia* (*исп.*) — Моя семья.

вдоль деревянного забора. Но Контроль помнил лишь отцовских кур — то ли традиционных, то ли наследственных. Отец содержал их в роскоши, каждую наделив именем, и никогда их не резал. «Вассальные куры», как Контроль поддразнивал отца.

Шахматы стали для него коньком, потому что это хобби он мог разделить с отцом во время сеансов химиотерапии и потому что отец погружался в раздумья и тревожился, когда Контроля с ним в палате не было. Они оба заболели этой игрой, пока рак не взял свое, и хотя играли оба посредственно, зато с наслаждением. Но телесные недомогания отца подстегивали его интеллектуальную деградацию, так что и этого варианта не осталось. Книги как спасение от скуки телевизора? Нет, потому что закладка стала разделителем между двумя морями непрочитанных слов. Но с напоминанием, чей сейчас ход, шахматы остались неким напоминанием о своем прошлом, когда под конец мысли у отца уже путались.

Контроль насиливо превратил папины резные поделки в шахматные фигуры: они представляли собой пеструю — и в переносном, и в буквальном смысле — компанию, не очень-то соотносившуюся со своим предназначением, потому что были переинтерпретированы дважды — в первый раз из людей в животных, а затем в шахматные фигуры. Но Контроль заиграл лучше, его интерес к игре усилился, потому что абстракции сменились чем-то реальным, и результаты, хоть и комичные, казались более существенными. Ход «Абуэла¹ съедает слона» заставлял хихикать обоих. «Кузен Умберто берет Ла Собрину² Мерседес».

¹ Abuela (*исп.*) — бабушка.

² La Sobrina (*исп.*) — племянница.

Теперь эти резные фигурки помогут ему. Контроль поставил петуха на дальний левый угол стола, а козу — на правый, причем петух обращен прочь, а коза смотрит на Контроля. К каждой он приkleил почти невидимую нано-видеокамеру, ведущую беспроводную трансляцию ему на телефон и ноутбук. Так он обезопасит по крайней мере хоть кабинет, сделает его своим бастионом, устранив все неизвестные и заместив их тем, с чем ему будет комфортно. Кто знает, что еще может обнаружиться?

И наконец развязывает себе руки, чтобы вникнуть в записки директрисы.

* * *

Преамбула к чтению записок директрисы в изрядной степени напоминала ритуал весенней генеральной уборки. Он убрал из кабинета все кресла и стулья, кроме собственного, выставив их в коридор, где они очень кстати взяли на себя роль баррикады, ограждающей от донимавших его людей. Затем начал громоздить стопки посреди пола, стараясь игнорировать сомнительные пятна на ковре. Кофе? Кровь? Соус? Кошачья блевотина? Ясное дело, уборщику со товарищи доступ в кабинет директора возбранялся уже давненько. Ему представилось, как Грейс приказывает оставить кабинет как есть, почти так же, как родители убитых детей в сериалах про копов не позволяют проникнуть в священные пределы спален своих усопших чад даже пылинке. Грейс держала кабинет под замком до самого его прибытия, цепляясь за запасной ключ, и все же Контроль сомневался, что она покажется в объективах его камер наблюдения.

Так что он уселся на табурет и запустил на ноутбуке воспроизведение музыки своего любимого неоклассического композитора, позволив ей заполнить комнату, создавая из хаоса некое подобие порядка. Не проскочу ни шага, дедушка, хоть и подскакиваю на каждом шагу. Он уже получил нынче утром документы от Грейс — доставленные сторонней секретаршей во избежание их общения между собой. В папке содержался подробнейший перечень всех докладных записок и отчетов директрисы — с которыми он сравнил все каракули и фрагменты до единого. «Инвентарный список», как назвал его Контроль про себя. Подумывал, не попросить ли Уитби рассортировать записки, но по каждой позиции уровень допуска колебался от «Секретно» через «Совершенно секретно» до «Хер знает, что за секрет», как волатильный фондовый рынок фьючерсов.

Название, присвоенное папке Грейс, было чересчур функционально: ДОКУМЕНТЫ ДИРЕКТОРА — DMP ПРИКАЗОВ, ДОКЛАДНЫХ ЗАПИСОК И ОТЧЕТОВ. Под «DMP» подразумевалась проприетарная система формирования и обработки изображений, которую Южный предел оплатил и установил в девяностых. Контроль выдал бы что-нибудь полаконичнее, вроде ДОКУМЕНТЫ ДИРЕКТРИСЫ, или повыразительнее, наподобие ПРЕДАНИЯ ЗАБЫТОГО АГЕНТСТВА или ДОСЬЕ ЗОНЫ ИКС.

Стопки надо упорядочить по темам, чтобы они хоть приблизительно соответствовали DMP Грейс: граница, маяк, башня, остров, базовый лагерь, естественная история, неестественная история, общая история, неизвестное. Он также решил сделать стопку «несущественное», хотя то, что показалось несущественным

ему, может для кого-то еще оказаться Розеттским камнем – буде таковой камень, пусть даже в виде гальки, когда-либо существовал среди всего этого хлама.

Он нашел себе комфортное место, комфортную задачу, знакомую, как епитимья в периоды позора и понижения, и мог погрузиться в нее почти так же самоизбранно и бездумно, как в мытье посуды после обеда или застилание постели по утрам.

С той только принципиальной разницей, что эти штабеля отчасти смахивали на наслоения грязи, принесенной на ботинках с улицы. Бывшая директриса превратила его в городского земледельца нового типа, возводящего компостные кучи из засекреченных материалов, побывавших в широком свете, где они приобрели богатую предысторию. Часть сырья предоставили дубы и магнолии в виде листьев, образовавших толстый слой мульчи.

Закусочная, где Контроль завтракал, предоставила несколько писчих чеков, как и круглосуточный магазин, где она, очевидно, закупалась в самое разное время суток. Предметы в чеках значились вразнобой, не очень напоминая форменный поход за продуктами. То рулон бумажных полотенец, то фруктовый сок и хлопья для завтрака, то хот-доги, кварта обезжиренного молока и поздравительная открытка. Салфетки, чеки и рекламные буклеты из барбекю-бара в ее городке Бликерсвилле фигурировали в изрядном числе, раздразнив у Контроля аппетит к ребрышкам. Бликерсвилль всего в четверти часа езды от Южного предела, пряником рядом с шоссе, ведущим в Хедли. По словам Грейс, из ее тамошнего дома начисто выгребли все мало-мальски касающееся Южного предела, а каталогизированные результаты были приведены в специальном разделе ДОМ ДИРЕКТОРА папки DMP.

Паническая мысль примерно через час: а что, если с виду случайные поверхности, на которых директриса делала свои записи, имеют значение? Что, если слова несут не все послание, точь-в-точь как полоумная проповедь смотрителя маяка — отнюдь не вся история? На ум тут же пришло соборохранилище, и, хотя это казалось неправдоподобным, он в приступе паранойи задумался, не происходят ли некоторые листья из Зоны Икс, но потом отверг эту мысль как спекулятивную и контрпродуктивную.

Нет, обширный ассортимент текстур директрисы показал «лишь», что она была поглощена своей задачей, словно сгорала от нетерпения записать наблюдения в ту же секунду, не желая ни забыть их, ни позволить внутреннему редактору прервать поиски понимания. Или чтобы никакой хакер не подглядел внутренние механизмы ее рассудка, дистиллированные до DMP или еще как-нибудь.

В результате ему пришлось не только сортировать груды первичных «документов», но и бессистемную хронику жизни директрисы и ее скитания по миру за пределами зданий Южного предела. Это помогло, потому из официальных документов он добыл лишь ключья и ошметки — либо в силу вмешательства Грейс, либо потому, что сама директриса ухитрилась отсеять их до лапидарности. Он знал, что ее родители развелись, что она росла с отцом на Среднем Западе, что мать ее умерла. Что директриса прошла изнурительную программу в Центре, а затем добровольцем вызвалась на Южный предел, должно быть, тогда казавшийся более привлекательным. Если бы Контроль пытался выстроить истинный Терруарный Образ директрисы — ее мотивы и арсенал знаний, — ему бы

пришлось сделать копии всего подряд и воссоздать все наслоения прочих категорий.

Она была подписана на кабельный телегид, а также на ряд журналов по культуре и искусству, судя не только по выданным из них страницам, но и по бланкам подписки. В какой-то момент она задолжала стоматологу 72 доллара 12 центов за гигиеническую чистку, не покрываемую ее страховкой, ничуть не волнуясь, кто об этом может узнать. Получала открытки на день рождения от тети, но то ли не испытывала по их поводу сантиментов, то ли была не так уж близка с этой женщиной. Любила свиные отбивные и креветки с кукурузной кашей. Любила обедать в одиночестве, но в один счет из барбекю-бара были внесены заказы двоих обедающих. Компания? Возможно, как и он, она время от времени заказывала еду на вынос, чтобы запастись ленчем на завтра.

О границе в ее записках почти ничего не говорилось, но эта белая спираль, это грандиозное пространство никак не выходили у него из головы. И пока он работал, возникла странная синхрония, буквально и метафорически увязывающая воедино спираль и просверк света по небу на пространствах времени и контекста столь обширных, что пересечь их под силу лишь мысли.

Осадочные породы, скопившиеся под растением и мышью, разделить оказалось труднее всего. Некоторые страницы истончились и стали хрупкими, а обрывки бумаги и обтрепанные коллажи из листьев норовили слипнуться, еще крепче связанные прошившими их остатками прозрачных корней с малиновыми прожилками, оставленными растением. Когда Контроль кропотливо отделял страничку от странич-

ки, запах плесени, до той поры таившийся, растекся в воздухе, стал сильным и резким. Контроль старался не сравнивать его со смрадом грязных носков.

Наслоения продолжали подтверждать, что директриса любила и природу, и холодные завтраки. Освобождая картонное подтверждение покупки, вырезанное из боковины коробки хлопьев из отрубей, от дубового листка с синими разводами слов, расплывшихся до почти нечитаемых клякс, Контроль понял, что картонка никогда прежде не расторгала помолвку со своим дубовым женихом. «Просмотреть стенограммы с Х.10.С, ос. антру на площадке М», — гласила карточка. «Рекомендовать прекратить использовать черные ящики в целях психобработки», — гласил листок. Контроль поместил дубовый лист на стопку неизвестного в качестве «ценность неизвестна».

Всплыли и другие интригующие фрагменты — некоторые были запрятаны между книгами в стопках или просто впихнуты между страниц не как закладки, а скорее как будто вывели ее из себя и были наказаны уже самими словами, которые она на них нацарала. Между страницами учебника общей биологии для колледжей, достаточно потрепанного, чтобы принадлежать самой директрисе, Контроль обнаружил докладную записку о двенадцатой экспедиции, напечатанную на настоящей бумаге, как ни странно, на матричном принтере, хотя датированную всего восемнадцатью месяцами назад.

В записке, не попавшей в DMP-досье Грейс, директриса называла топографа «человеком с сильным чувством реальности, хорошим пасующим игроком для других». Лингвистку, отсеянную в зоне предпограничной подготовки, она охарактеризовала «полезной, но не требующейся; возможно, опасным добавлением,

сочувствующей, но ограниченной личностью, способной отвлекать внимание». Сочувствующей кому? Отвлякающей внимание от чего? И желательное это отвлечение или?.. Антрополога директриса упоминала по имени, поначалу поставившему Контроля в тупик, пока он наконец не узнал его. «Хильди будет на слушании, поймет». Он какое-то время таращился на эту запись. На слушании чего? Поймет что?

Помимо досадного отсутствия контекста, записи создавали впечатление, будто директриса делает пробы для пьесы или фильма. Заметки по актерам. Команда должна быть сплоченной, но директриса была озабочена нравственным настроем и групповой динамикой куда меньше, чем... каким-то другим качеством.

Пометка касательно биолога была более пространной и заставила Контроля прямо завибрировать от дополнительных вопросов.

Не очень хороший биолог. В традиционном смысле. Больше сопереживает среде, чем людям. Забывает причины, почему пошла, кто платит ей зарплату. Но включается до чрезвычайной степени. Будет знать Зону Икс лучше меня чуть ли не с первой секунды, как туда ступит. Опыт в сходной обстановке. Самодостаточна. Не обременена. Связь через мужа. Чем она будет в Зоне Икс? Сигналом? Фальшфейром? Или невидимкой? Использовать.

Тут же вспомнилась еще одна записка, найденная поблизости, во второй из брошюрок тоненькой трилогии по ксенобиологии: «био: подв зараж ТА?» Наилучшая догадка — почти навскидку: биолог подвергалась заражению топографической аномалией. Но

без даты он даже не мог питать уверенности, что это относится к той же самой экспедиции. Аналогично, когда «Утаить от Л» и «Л сказал нет — неудивительно» было написано на двух отдельных обрывках, и означает ли «Л» Лаури или каким-то эзотерическим и невероятным образом означает «смотритель маяка»?

Он решил дать всему этому устояться, зная, что надо проявлять терпение. Записок было много, уйма страниц в DMP-досье Грейс, однако пока ничего о предварительном путешествии директрисы через границу. Но он уже начал улавливать подспудные тенденции, находя теперь в терраурной теории Уитби кое-что, относящееся скорее к Южному пределу, чем к Зоне Икс, быть может, вылепленное одним-единственным рассудком. Идею, что дисфункциональная мысль может укорениться в вакууме — индивидуальная, анонимная и бесплотная, как дух, непостижимая, потому что, особенно поначалу, не взаимодействует с другими людьми. Потому что все более и более в современную интернет-эпоху натыкаешься на изолированные проявления умственного вируса или червя: самопромытые мозги, купающиеся в полученных идеологиях, сизошедших свыше, и эти идеологии могут пребывать в спячке годами, безмолвные, как смерть, пока не нанесут удар. Теперь может случиться практически что угодно, и случилось. Правительство не в состоянии расследовать каждую покупку фермером удобрений или фейерверков — оно не в состоянии даже из собственных рядов вычистить все отклоняющиеся мозги.

Во время сортировки обрывков возникла мысль, что если ты заправляешь агентством, посвященным постижению и преодолению силы, олицетворяющей

смуту, и веришь, что граница надвигается, хотя бы в каком-то смысле, то можешь и отклониться от официальных протоколов. Что, если твоё начальство и коллеги не согласны с твоей оценкой, ты вполне можешь измыслить альтернативный план и приступить к действиям сам по себе. Что тогда, и только тогда, ты можешь осторожно и аккуратно приняться вербовать для осуществления этого плана других, которые тебе верят или хотя бы не проявляют враждебности. Посвящая их в детали или нет. И вполне возможно, ты начнешь разрабатывать этот план на обороте товарного чека, глядя телевизор или читая журнал.

Когда пришло время отправляться на встречу с Грейс, Контроль, подняв голову, обнаружил, что совсем замуровал себя грудами бумаг и штабелями папок. Пробившись сквозь эту преграду, он потратил столько усилий, чтобы преодолеть загроможденный стульями и складным столиком дверной проем, что даже задумался, не пытался ли подсознательно оградиться от чего-то.

013: РЕКОМЕНДАЦИИ

Контролю хотелось вторгнуться на территорию Грейс, показать ей, что ему там комфортно, но в результате, когда он явился, она была как раз посреди нелепо оживленной беседы с Генри Сомерсон, ее секретарем-референтом на протяжении последних пяти лет.

В ожидании он пересматривал азы, ибо азы — единственное, что ему предоставили по какой бы то ни было причине. Грейс Стивенсон. Homo sapiens. Пол женский. Семья изначально из Вест-Индии. Она

представитель третьего поколения в стране и старшая из трех дочерей. Родители трудились не покладая рук, чтобы все три окончили колледж, и Грейс завоевала право произнести прощальную речь на выпускном, став лучшей на курсе с двумя дипломами — по политологии и истории, за чем последовало обучение в Центре. Затем во время спецоперации повредила ногу — никаких сведений, как именно, — и течение вынесло ее на берега Южного предела. Нет, неправильно. Директриса вытащила ее имя из шляпы? Чей-ни что-то вякал на эту тему в какой-то момент поездки к границе.

Но когда-то она питала более возвышенные амбиции, так что ж ее здесь удержало — только директриса? Потому что с самого начала своих трудов в Южном пределе Грейс Стивенсон впала в своего рода топтание на месте, а то и вообще сползание в стагнацию — персональную трясину, пожалуй, достигшую дна в облике тяжелого, затяжного развода почти восемь лет назад, с точностью до месяца совпавшего с окончанием колледжа ее сыновьями-близнецами. Год спустя она уведомила Центр о своей связи с гражданкой Панамы, дабы ее подвергли повторной проверке на предмет благонадежности, и оказалась вполне благонадежной. То есть неприятности плановые, но все равно травмирующие. Теперь ее мальчики стали врачами, а еще увековечены на фото в настольной рамке во время игры в европейский футбол. На другом фото она рука об руку с директрисой — крупная женщина такого телосложения, что не поймешь, обросла ли она жиром или мускулами. Дело было на каком-то корпоративном пикнике Южного предела — слева в кадре виднелась жаровня для барбекю, а справа на заднем

плане — белая парочка в цветочных рубашках. Идея культурно-развлекательных мероприятий агентства почему-то показалась Контролю абсурдной. Оба фото уже были ему знакомы.

После развода судьба заместительницы директора стала еще теснее связана с участью директрисы, которую ей пришлось несколько раз прикрывать, если он правильно прочел между строк. Эта история закончилась с исчезновением директрисы, а Грейс достался утешительный приз — должность Пожизненного Заместителя Директора.

В результате этого и кое-чего еще Грейс Стивенсон выпестовала в душе ошеломительную враждебность по отношению к нему. В этом он ей даже сопереживал, пусть лишь отчасти — наверное, совершая ошибку. «Сопереживание — дело дохлое», — любил говаривать отец, порой осерчав от очередного столкновения с неумышленным расизмом. Если задумываешься о своих действиях — значит, что-то делаешь не так.

Когда Сомерс наконец удалился, Контроль уселся напротив Грейс, державшей распечатку списка его первых рекомендаций на вытянутой руке — не потому, что тот вонял или был неприятен чем-либо еще, а из-за своего упорного нежелания перейти на прогресивные линзы.

Не воспримет ли она рекомендации как личный вызов? Они умышленно преждевременны, но Контроль так и задумал. Хотя лежащий перед ним шелестящий микрокассетный диктофон определенно не сулил ничего хорошего, знаменуя ее реакцию на его вторжение в ее пространство. Но Контроль отреpetировал свои ужимки и телодвижения утром перед зер-

калом, только чтобы поглядеть, насколько невербальным он может быть.

Правду говоря, большинство его административно-хозяйственных рекомендаций запросто применимы к любой организации, пару лет носившейся по волнам без руля и без ветрил — или, будем великодушны, с рулем, но все-таки без ветрил. Остальное же представляло собой выстрелы наугад, вот только каждый мог угодить и в красного зверя, и в кого-то из своих. Ему хотелось, чтобы поток информации растекался во все стороны, чтобы, к примеру, лингвист Сю имела доступ к секретным сведениям прочих отделов агентства. Еще он хотел разрешить давно запрещенные сверхурочные и работу в вечерние иочные часы, раз уж электричество в здании все равно приходится держать включенным двадцать четыре часа в сутки. Он заметил, что большинство сотрудников норовят улизнуть пораньше.

Некоторые другие вещи были и вовсе ненужными, но, если повезет, Грейс потратит и время, и силы, чтобы оспорить их у него.

— Проворно, — наконец заявила она, отшвыривая листок к нему через стол. Тот скользнул ему на колени, прежде чем Контроль успел его поймать.

— Я сделал свое домашнее задание, — ответствовал Контроль. Что бы это ни означало.

— Примерный школьник. Круглый отличник.

— Первое, — наполовину согласился Контроль, не питая уверенности, что ему по нраву ее интонации.

Грейс изобразила блеклую улыбку:

— Позвольте перейти к сути. Некто встриял на этой неделе в мой доступ к Центру — вынюхивая и прощупывая. Но тот, кто этим занимался, напортачил — или

клика, стоявшая за этим, не обладает достаточным влиянием.

— Не пойму, о чём это вы, — изрек Контроль, но его невербальные ужимки изумленно ужались вместе с ним, несмотря ни на какие усилия.

Фракция. Несмотря на его мечту о том, что Голос причастен к тайным операциям, ему и в голову не приходило, что мать может возглавлять фракцию, что автоматически подвело его к мысли об истинных теневых операциях — вкупе с оппозицией. Его малость оглушило понимание, что Центр может быть настолько фрагментирован. Так насколько же слоновыми, носорожьими плясками оказались старания Голоса в ответ на запрос Контроля? И для чего Грейс использует свои контакты, когда не обращает их против него?

Отвращение во взгляде Грейс поведало ему, что она думает о его ответе.

— Тогда в данном случае, Джон Родригес, у меня нет комментариев по поводу ваших рекомендаций, не считая того, что я начну проводить их в жизнь с самой мучительной медлительностью, на какую только сподоблюсь. Вы увидите воплощение пары-тройки из них... скажем, «купить новое средство для мытья полов» уже в следующем квартале. Может быть.

И снова ему привиделось, как Грейс умыкает биолога прочь. Ему привиделось множество покушений на обоюдное уничтожение, пока много лет спустя они не продолжат сражение где-то в заоблачных высях, оседлав два окровавленных обширных эскалатора.

Одеревенелый кивок Контроля — угрюмое признание поражения — был вовсе не той ужимкой, которую он надеялся пустить в ход.

Но она еще не закончила. Со сверкающим взором открыла ящик стола и извлекла перламутровую шкатулку.

— Вы знаете, что это такое?

— Шкатулка для драгоценностей? — озадаченно отозвался Контроль, окончательно перейдя в оборону.

— Это ларчик, полный обвинений, — ответила Грейс, протягивая ему, как дар. Сей шкатулкой низвожу тебя в ничто.

— Что еще за ларчик обвинений? — хотя знать ему этого и не хотелось.

Бархатная утроба разверзлась, с лязгом и серебряным перезвоном горсть жучков, слишком уж знакомых Контролю, заскакала по столу в его сторону. Большинство остановилось, не докатившись до края, но парочка вслед за листком слетела ему на колени. Аромат тухлого меда снова усилился.

— Это ларчик обвинений.

Он попытался парировать, хоть и понимая, сколь немощно:

— Я вижу тут лишь одно обвинение, повторенное много раз.

— Я его еще не опорожнила.

— А не хотите ли опорожнить теперь?

— Пока нет, — покачала она головой. — Но опорожню, если вы и дальше будете встревать между мной и Центром. И можете забрать своих шпионов с собой.

Стоит ли соврать? Это поставило бы крест на задаче донести весть.

— С чего бы мне вас прослушивать? — всем видом ставя крест на своей невинности, хотя негодование всколыхнулось в нем столь же пылко, как если бы он действительно был невинен.

Потому что в каком-то смысле так оно и было: действие порождает противодействие. Потеряешь парочку членов экспедиции — приобретешь парочку жучков. Может, она даже узнала некоторые из них.

Но Грейс упорствовала:

— Прослушивали. А заодно пролистали все мои бумаги, заглянули во все ящики стола.

— Вовсе нет, — на сей раз его гнев был подкреплен реальным чувством. Он вовсе не общаривал ее кабинет, только рассовал там жучки, но теперь задним числом даже этот акт беспокоил его все больше и больше. Он и не в характере, и не служит никакой реальной цели, являясь контрпродуктивным.

Грейс же терпеливо, словно продолжая беседу со студентом, продолжала:

— Если вы сделаете это снова, я подам официальную жалобу. Я уже поменяла код ключа доступа на двери. Если вам потребуется что-то узнать, можете просто спросить у меня.

Сказано мягко, но Контроль сомневался, что это правда, так что забросил удочку:

— Это вы подложили мобильник директрисы в мою сумку? — не в силах сподвигнуть себя на вопрос: «Это вы прихлопнули москита в моей машине?» или о директрисе и границе.

— Ну с чего бы мне это делать? — спросила она, эхом повторив его слова, но выглядела при этом искренне озадаченной. — О чем это вы говорите?

— Оставьте жучков себе в качестве сувенира, — сказал он. — Поместите их в «Лавку древностей Южного предела» и продавайте туристам.

— Нет, я серьезно, о чем это вы говорите?

Вместо ответа Контроль встал, ретировался в коридор, не понимая толком, расслышал ли за спиной смех или какое-то искаженное эхо из вентиляции над головой. Если он не обыскивал кабинет Грейс, то кто же?

014: ГЕРОИЧЕСКИЕ ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ

Позже, когда он с головой ушел в записки — заткнул ими себе глаза и уши, чтобы забыть о Грейс, — экспедиционное крыло позвонило ему, и возбужденный мужской голос сообщил, что биолог «чувствует себя совсем нехорошо, она говорит, что не настроена сегодня на беседу». Когда же он поинтересовался, в чем проблема, голос сообщил: «Жалуется на судороги и жар. Доктор говорит, это простуда». Простуда? Простуда — ерунда.

«Бери с места в карьер». Записки и эти сеансы по-прежнему находились прочно в сфере его обязанностей. Откладывать в долгий ящик он не желает, так что отправится к ней. Если повезет, удастся разминуться с Грейс. Помощь Уитби ему бы не помешала, но когда Контроль ему позвонил, тот испарился.

Говоря неведомому собеседнику, что скоро заглянет, Контроль сообразил, что это может быть какая-то уловка — очевидно, не рассчитанная на успех, но при этом, отправившись туда, он может упустить какое-то преимущество или подтвердить, что она располагает некой властью над ним. Но голова его была полна обрывков записок, загадкой возможной тайной вылазки директрисы через границу и летальным эхом приглушенного бряцания шкатулок. Ему хотелось разгрести все это или хоть на время заполнить голову чем-нибудь другим.

Покинув кабинет, он направился налево по коридору. На сей раз для разнообразия все сотрудники, изредка попадавшиеся в коридоре, были в лабораторных халатах, кроме некоторых. Ради него?

— Надоело? — пробормотал бледный сухопарый мужчина, казавшийся смутно знакомым, чернокожей женщине, проходя мимо.

— Хочу поскорей с этим покончить, — прозвучало в ответ.

— Ты предпочитаешь это место в самом деле, правда ведь?

Следует ли ему и дальше играть по правилам? Возможно. Нельзя отрицать, что биолог прочно засела у него в голове: едва уловимое давление, сделавшее дорогу, ведущую в экспедиционное крыло, уже, потолок ниже, а постоянно нащупывающий язык грубого зеленого ковролина вздыбился вокруг. Они начали существовать в некоем переходном пространстве между допросом и беседой, в чем-то, чему он пока не мог подобрать точного названия.

— Добрый день, директор, — сказала Сю, неожиданно поднимая голову от питьевого фонтанчика слева, словно ожившая марионетка или художественная инсталляция. — У вас все в порядке?

Все было прекрасно всего секунду назад. Почему же что-то должно перемениться именно теперь?

— Вы просто выглядите очень серьезным.

Может, это *вы* сегодня не слишком серьезны — может, в этом дело? Но говорить он этого не стал, просто улыбнулся и двинул дальше по коридору, уже покидая лилипутское королевство лингвистического подотдела.

Всякий раз, когда биолог высказывалась, что-то в его мире менялось, что он находил в какой-то степени подозрительным, отмахивался от этого, как от помехи вниманию. Но это не флирт, нет, даже не обычные эмоциональные узы. Он с абсолютнейшей уверенностью понимал, что *не* зациклится, не проникнется одержимостью, не войдет в штопор, если продолжит беседовать, пребывать с ней в общем пространстве. Этому в его планах места нет, это не вписывается в его характер.

Экспедиционное крыло демонстрирует четыре кордона явной безопасности, и переговорная, которой они обычно пользуются, находится на краю наружного — сразу после идут зоны санобработки, где тебя сканируют на все что угодно — от бактерий до призрака ржавого гвоздя, вонзившегося тебе в подошву на каменистом пляже, когда тебе было десять. Учитывая, что перед прибытием биолог не один часостояла на вонючей пустынной стоянке, забитой сорняками, ржавыми железками, потрескавшимся бетоном и собачьим дерьямом, это представлялось бессмысленным. Но процедуру все равно провели с неулыбчивой и спокойной сноровкой. Кроме того, все здесь сияло почти ослепительной белизной, контрастируя с линялыми серо-голубыми и медными фактурами комнат вокруг коридора. Между остальным Южным пределом и «номерами», сиречь зоной содержания, встали еще три запертых двери. Фактуры и тона, некогда считавшиеся футуристическими, а теперь отдающие ретрофутуризмом, доминируют в черно-белой мебели абстрактно-модернистского характера. Вот как бы стул. Вот аппроксимация стола, стойки. Перегородки из «закитированного» стекла, как пошутил бы папа,

были покрыты резными и матовыми стилизованными пейзажными сценками, включая ряд камышей и аппроксимацию полевого луна, парящего в высоте. Как и большинство подобных потуг, все это выглядело дикими анахронизмами и вполне могло представлять собой декорации низкобюджетного научно-фантастического фильма времен 1970-х. Да притом во всем этом не было и намека на текучесть, ощущение застывшего движения, которые отец старался вложить в свои абстрактные скульптуры.

В минималистическом фойе и приемных, служащих предбанником номерам, разместились подборка фотографий и портретов на добрый роман, не имеющих к действительности ни малейшего отношения. Фотографии были тщательно подобраны так, чтобы создавать впечатление триумфального завершения миссии, вкупе с ухмылками и ликованием, хотя на самом деле они изображали подготовку к миссии, зачастую экспедиций, окончившихся катастрофическим провалом, или фотосессии с актерами. Портреты, длинная вереница которых оканчивается в номерах, по оценке Контроля, куда хуже. На них изображены все двадцать пять возвращающихся членов первой экспедиции, победоносные пионеры, столкнувшиеся с «первозданными пустошами» и погибшие поголовно, кроме Лаури. Это альтернативная реальность, поддерживать которую должен весь персонал, входящий в контакт с членами экспедиции. Эта фикция, идущая в комплекте с собственными вымышленными или сфабрикованными историями героизма и выдержки, призвана возбудить те же качества в текущей экспедиции. Как прославленные герои революции какой-нибудь социалистической диктатуры.

Что это означает? Ничего. Верила ли биолог во все это? Возможно. Байка хочет, чтобы ей верили, умоляет, чтобы ей верили — история о добром старом национальном гордом духе предпринимательства. Закатай рукава и берись за дело, и если будешь очень стараться, то вернешься живым и здоровым, а не сломленным зомби с отсутствующим взором и раком вместо личности и неприкосновенной краткосрочной памяти.

Он нашел Кукушку в ее комнате, на ее койке — или, как мог бы рапортовать кто-нибудь другой, а не он, ее кровати. Помещение совместило в себе атмосферу побеленного барака, летнего лагеря и отстойной гостиницы. Те же блеклые стены — хотя и можно разглядеть закрашенные граффити, в точности, как в тюремной камере. В высоком потолке есть окно, а в стене другое, узенькое, окошко, прорезанное слишком высоко, чтобы биолог могла из него выглянуть. Кровать встроена в дальнюю стену, а напротив телевизор с DVD-плеером — только одобренные фильмы и пара одобренных каналов. Ничего слишком реалистичного. Ничего такого, что могло бы заполнить лакуны амнезии. По большей части древние научно-фантастические и фэнтезийные кино или мелодрамы. Документалистика и новостные программы в черном списке. Передачи о животных попадают в обе категории.

— Я решил на сей раз навестить вас, поскольку вам нездоровится, — проговорил он через свою хирургическую маску. Смотритель уже сообщил, что она дала разрешение.

— Думали завалиться на мою постельную вечеринку, чтобы к своей выгоде воспользоваться моим слабо-силием, — проронила она. Под глазами у нее залегли

черные круги, белки налились кровью, щеки ввалились. На ней по-прежнему было то же странное уборщицко-военное одеяние, на сей раз с красными носками. Даже больная, она выглядела сильной. Должно быть, делает отжимания и подтягивания в диком темпе, только и пришло ему в голову.

— Нет, — ответил он, разворачивая пластиковое яйцевидное кресло, чтобы опереться на спинку, неуклюже выставив ноги по бокам, прежде чем сообразил, как это будет выглядеть. Сюда что, нормальные стулья не допускают по той же причине, по какой в аэропортах держат только пластиковые ножи? — Нет, я был обеспокоен. Я не хотел тащить вас в переговорную. — Одновременно задумавшись, не затуманили ли ей лекарства сознание, не следует ли вернуться попозже. А может, вообще не возвращаться. Он мучительно ощутил дисбаланс сил между собой и этим окружением.

— Конечно. Ксенофоры славятся своей любезностью.

— Если бы вы прочитали свой учебник биологии дальше, то обнаружили бы, что это правда.

Этим он заслужил полусмешок, но притом она еще и отвернулась от него на своей койко-кровати, обхватив руками дополнительную желтую подушку и обратив к нему треугольник спины. Ткань ее сорочки натянулась, тоненькие волоски на гладкой коже ее шеи простиупили с почти микроскопической резкостью.

— Если хотите, мы могли бы перейти в общую зону.

— Нет, вы должны увидеть меня в моей неестественной среде.

— Она выглядит достаточно симпатично, — ляпнул Контроль и тут же пожалел об этом.

— Кукушка обычно в день облетает от десяти до двадцати квадратных миль, а не сидит в клетушке, где можно лишь ходить из угла в угол, скажем, футов сорока.

Поморщившись, он кивнул в знак понимания и сменил тему:

— Я думал, может, сегодня мы могли бы поговорить о вашем муже, а также о директоре.

— Мы не будем говорить о моем муже. А директор — *вы*.

— Извините. Я имел в виду психолога. Оговорился, — кляня и прощая себя в одно и то же время.

Она обернулась — достаточно, чтобы продемонстрировать ему приподнятую бровь, пряча правый глаз за подушкой, а затем снова вернулась к созерцанию стены.

— Оговорились?

— Я имел в виду психолога.

— Нет, по-моему, вы имели в виду директора.

— Психолога, — упрямо повторил он. Быть может, чересчур раздраженно. Что-то в фамильярности этой ситуации его беспокоило. Ему не следовало на пушечный выстрел подходить к ее личным покоям.

— Как скажете. — А затем, словно играя на его дискомфорте, она снова повернулась на бок лицом к нему, по-прежнему обнимая подушку. И, воззрившись на него, сказала с таким сонным бесстыдством: — Что, если мы обменяемся информацией?

— Что вы имеете в виду? — Он прекрасно понимал, что она имеет в виду.

— Вы отвечаете на вопрос, и я отвечаю на вопрос.

Он помолчал, мысленно положив на одну чашу весов риск, а на другую — вознаграждение. Можно ей

соврать. Можно ей врать день-деньской, а она даже не догадается.

— Ладно, — промолвил Контроль.

— Хорошо. Я начинаю. Вы женаты или были ли когда-либо женаты?

— Нет и нет.

— Ноль-два. Вы гей?

— Это еще один вопрос — и нет.

— Что ж, справедливо. Теперь спрашивайте.

— Что случилось на маяке?

— Чересчур обще. Будьте поконкретнее.

— Когда вы зашли внутрь маяка, поднимались ли вы наверх? Что вы нашли?

Она села, опервшись спиной о стену:

— Это два вопроса. Почему вы так на меня смотрите?

— Я не смотрю на вас ни так, ни эдак. — Он только что обратил внимание на ее груди, и теперь силился снова их не замечать.

— Но это два вопроса. — Очевидно, он отреагировал правильно.

— Да, на этот счет вы правы.

— На какой же вам нужен ответ?

— Что вы нашли?

— Кто сказал, что я помню об этом хоть что-то?

— Вы только что. Так что говорите.

— Дневники. Уйму дневников. Засохшую кровь на ступенях. Фотографию смотрителя маяка.

— Фотографию?

— Да.

— Можете ее описать?

— Двое мужчин за пятьдесят перед маяком, рядом-девочка. Смотритель маяка посередине. Вы знаете его имя?

— Саул Эванс, — сказал он, не подумав. Но не увидел в том вреда, уже погрузившись в раздумья над значением того, что фотография, висящая в кабинете директрисы, имеется и на маяке. — Это ваш вопрос.

Он увидел, что она расстроена. Нахмурилась, ссутулила плечи. Сразу видно, что имя «Саул Эванс» ровным счетом ничего ей не говорит.

— Что еще вы можете мне сказать о фото?

— Оно было в рамке, висело на стене средней площадки, и лицо смотрителя маяка было обведено кружком.

— Обведено? Кто его обвел и почему?

— Это еще вопрос.

— Да.

— Теперь расскажите мне о своих увлечениях.

— Что? Зачем? — Такой вопрос скорее уместен в большом мире, а не Южном пределе.

— Что вы делаете, когда вы не здесь.

Контроль поразмыслил об этом.

— Кормлю кота.

Она рассмеялась — вернее, фыркнула, закончив коротким приступом кашля.

— Это не хобби.

— Скорее призвание, — признал он. — Нет, но... бегаю. Люблю классическую музыку. Иногда играю в шахматы. Иногда смотрю телевизор. Читаю книги — романы.

— Тут ничего выдающегося, — отметила она.

— Я никогда и не претендовал на уникальность. Что еще вы помните из экспедиции?

Она нахмурилась, словно бремя бровей, навалившееся на остальные черты лица, поможет памяти.

— Это очень широкий вопрос, мистер директор. Очень широкий.

— Можете отвечать на него, как захочется.

— О, спасибо вам.

— Я просто имел в виду...

— Я знаю, что вы имели в виду, — отрезала она. — Я почти всегда знаю, что вы имеете в виду.

— Тогда ответьте на вопрос.

— Это добровольная игра, — пояснила она. — Мы можем прерваться в любой момент. Может, мне хочется остановиться сейчас. — Снова бесшабашность или нечто иное?

Она вздохнула, скрестив руки:

— Наверху случилось что-то плохое. Я видела что-то плохое. Но не вполне уверена, что именно. Зеленое пламя. Туфля. Все спутано, будто в калейдоскопе. Приходит и уходит. Чувство такое, будто я принимаю чьи-то чужие воспоминания. Со дна колодца. Во сне.

— Чьи-то чужие воспоминания?

— Моя очередь, — она взглядом предостерегла Контроля. — Что делает ваша мать?

— Это секрет.

— Еще бы, — окинула она его оценивающим взором.

Закончил он сеанс вскоре после того. Усталая, да в своей комнате, она стала, по его мнению, не столько менее щетинистой, сколько почти чересчур расслабленной. Да и что такое, кстати, истинное сопереживание, как не умение порой отвернуться, оставив человека в покое?

Она озадачивала его, открывая себя все с новых сторон, о существовании которых Контроль и не по-

дозревал, которых и не существовало в биологе, известной ему по досье и стенограммам. Словно сегодня он говорил с кем-то более юным, более беззаботным, а еще — более уязвимым, если бы он надумал этим воспользоваться. Может, потому что он вторгся на ее территорию, когда она была больна — а может, зачем-то примеряла характеры. Отчасти ему недоставало более дерзкой и задиристой Кукушки.

Следуя обратно через кордоны безопасности, ми-нуя сфабрикованные портреты и фотографии, он отметил, что она хотя бы призналась, что часть ее воспоминаний об экспедиции осталась неприкосновенной. Это уже своего рода прогресс. Но все равно это кажется слишком медленным, то и дело возникает ощущение, что все происходит чересчур неспешно, а он тратит чересчур много времени, чтобы понять. Тикающие часы, которых ему не видно, и увидеть по-настоящему попросту не в его власти.

Однажды ее портрет украсит стену. Когда субъект еще жив — приходится ли ему для этого позировать, или их репродуцируют с фотографий? Придется ли ей рассказывать какие-нибудь домыслы о своих похождениях в Зоне Икс, даже не располагая полными воспоминаниями о случившемся на самом деле?

015: СЕДЬМАЯ БРЕШЬ

В осадочных наслоениях были погребены и фотографии. Множество снимков маяка под разными углами, несколько фото из разных экспедиций, но еще и репродукции старинных дагеротипов, сделанных, когда маяк только-только построили, вкупе с гравюрами и картами. Топографической аномалии тоже,

хотя и в меньшем количестве. Среди них был и второй экземпляр одной из фотографий, висевших на стене напротив стола, — почти наверняка фотографии, виденной биологом. Черно-белый портрет последнего смотрителя маяка Саула Эванса с помощником слева, а справа, в тени, пригнувшись, перебирается через попавшие в кадр валуны худенькая загорелая девочка, чье лицо наполовину скрыто капюшоном куртки. Какие у нее волосы — черные, каштановые или белокурые? По некоторым видимым прядкам не скажешь. Одета в практичную фланелевую рубашку и джинсы. От фото веет зимой, трава на заднем плане пожухлая и редкая, волны, виднеющиеся за песчаным пляжем, усеянным валунами, увенчаны холодными гребешками. Местная девочка? Одна из множества. Может быть, никогда не удастся узнать, кто это. Забытый берег — не лучшее место для жизни, если тебе хочется попасть в данные переписи населения. Было довольно трудно хоть вчерне установить, кто пропал без вести из-за Зоны Икс.

Смотрителю маяка было под пятьдесят или чуть за пятьдесят, но служить на этом посту разрешается только до пятидесяти — значит, меньше. Обветренное лицо, как и следует ожидать, бородатое. Капитанская фуражка, которую он носил пару лет службы в морском торговом флоте. Сколько Контроль ни разглядывал этого человека, интуиция почти ничего не могла подсказать. Броде бы любил ходить, говорить банальности, словно годами из кожи вон лез, разыгрывая из себя сперва твердокаменного священника, чьи проповеди жгли геенной огненной, а потом смотрителя маяка — как раз такого, какого все и ожидают увидеть. Таким образом можно стать невидимкой,

знал Контроль по опыту своих немногочисленных полевых операций. Стань типажом, и никто тебя не увидит. Параноидальная мысль: маскировка — лучше и быть не может. Но маскировка для чего?

Фото сделал член «Бригады познания и прозрения» месяцев за шесть до Явления, породившего Зону Икс. Оно стало единственным фото Саула Эванса, имеющимся у них в распоряжении, не считая снимков, сделанных лет за двадцать до того, прежде чем он сошел на берег. Когда граница снизошла, фотограф пропал без вести.

Под вечер у Контроля сложилось впечатление, что он не сдвинулся почти ни на шаг — просто дал себе передышку от владычества Южного предела, хотя даже она была прервана (снова) звуком столкновения его восстановленной баррикады из стульев с кем-то, оказавшимся на поверху Чейни — целеустремленно перегнувшимся через нагромождение мебели, чтобы заглянуть за угол.

— ...Привет, Чейни.

— Привет... Контроль.

Быть может, из-за неустойчивого положения Чейни казался растерянным, хотя явился незваным как раз он. Или он думал, что кабинет пуст, а стулья предвещают некие иерархические передвижки.

— Да? — сказал Контроль, не желая приглашать Чейни внутрь.

Линии икса лица того натужились, безуспешно пытаясь обрести свободу и либо стать параллельными, либо слиться воедино.

— О, да, ну... Пожалуй, я просто гадал, выяснили ли вы насчет, ну, знаете... *вылазки* директрисы, — по-

следние слова он произнес, понизив голос и бросив торопливый взгляд вдоль коридора. Нет ли и у Чейни своей фракции? Подобное было бы утомительно. Но, несомненно, есть: он — единственная реальная надежда ученых, ютящихся в подвале и ожидающих сокращения, выхватываемых из своих кабинетов и кабинок один за другим циклопической невидимой рукой Центра.

Контроль предпочел проигнорировать Чейни.

— Раз уж вы здесь, Чейни, вот вам вопрос: было ли что-нибудь из ряда вон связано со второй с конца одиннадцатой экспедицией? — Что еще бесит Контроля в итерациях, так это полон рот неудобопроизносимых метрик, еще более осложняющих запоминание фактического номера. — X.11.H, что ли, правильно?

Чейни, кое-как перекомпоновавший стулья и обретший устойчивость, явился на пороге во всей красе, с косухой и всем прочим.

— X.11.J. Не думаю. У вас есть материалы.

Но и только. У Контроля есть довольно схематичный отчет, всего лишь сведения, что директриса проводила собеседования перед отправкой... ошеломительно туманные в своей веселой-превеселой ничего-дурного-не-случилось фабуле.

— Что ж, это была экспедиция до *специальной* вылазки директрисы. Я думал, у вас могут быть какие-то догадки.

Чейни тряхнул головой, словно горько сожалея о своем вторжении.

— Нет, ничего особенного. В голову ничего не приходит. — Может, в кабинете директрисы ему как-то не по себе? Взгляд его буквально не мог сосредоточиться на чем-то одном, рикошетируя от дальней стены к потолку, потом мельком, будто крыло бабочки, коснулся

груд непрофессиональных улик, окруживших Контроля. Чтобы тотчас отправиться в дальнейшее странствие.

— Тогда позвольте спросить вас о Лаури, — сказал Контроль, думая о недавно найденных двусмысленных записках на «Л» и видео, которое он посмотрит слишком уж скоро. — Как ладили Лаури с директрисой?

Казалось, этот вопрос Чейни пришелся больше по душе.

— А вообще-то, как все ладят, если вдуматься? Лично я Лаури не нравился, но на профессиональном уровне мы прекрасно ладили. Он ценил нашу роль. Он знал цену работе на хорошем оборудовании. — Вероятно, сие означает, что Лаури одобрил все заказы на оборудование, когда-либо выписанные Чейни.

— Но как насчет него и директрисы? — спросил Контроль. Еще раз.

— Откровенно? Лаури восхищался ею, пытался ей протежировать, но ее роль протеже не устраивала. Она была весьма автокефальной личностью. И, полагаю, считала, что ему досталось чересчур уж много почестей за то, что он всего-навсего остался в живых.

— Так он не герой? — Славный герой революции, налепленный на стену и переиначеный в образ, созданный объективом фотоаппарата и сфабрикованными документами. Реабилитированный после пережитой жути. Сделанный продуктивным. А через какое-то время выпихнутый в Центр.

— Конечно, конечно, — отзвался Чейни. — Разумеется. Но, знаете ли, возможно, перехваленный. Он любил выпить. Любил давить своим авторитетом. Помню, однажды директриса высказала неодобрительное, сравнив его с военнопленным, считаю-

щим, что раз пострадал, то много всякого знает. Вот, были трения. Однако они все же работали вместе. Делали вместе дело. Уважение в противостоянии. — Промельк улыбки, словно говорящей: «Мы все здесь товарищи».

— Любопытно. — Хотя на самом деле нет. Очередное тактическое открытие: свидетельство распрай в Южном пределе, поломка в организационной гармонии, потому что люди — не роботы, их нельзя заставить действовать как роботы. Или можно?

— Да, раз вы так считаете, — проронил Чейни упавшим голосом.

— Еще что-нибудь? — поинтересовался Контроль, взглядом в упор и ледяной улыбкой вызывая Чейни набраться наглости снова спросить о расследовании вылазки директрисы.

— Нет, пожалуй, нет. Не-а. Ничего в голову не приходит, — выговорил Чейни, за чем последовали дальнейшие прощальные слова в классическом витиеватом чейнистском стиле, прежде чем он проделал свой брык-скок через стулья и скрылся с глаз в коридоре.

После этого Контроль сосредоточился исключительно на черновой сортировке, пока все клочки бумаги не оказались на своих местах и груды надежно не упокоились в отдельных картотечных ящиках для дальнейшей категоризации. Хотя Контроль и заметил многочисленные упоминания «Бригады познания и прозрения», в дополнение к фото он отыскал лишь три мимолетных упоминания о Сауле Эвансе. Словно интерес директрисы был нацелен на нечто иное.

Впрочем, он откопал и отложил в сторонку лист, исписанный директрисой от руки с виду случайными

словами и фразами, которые, как он в конце концов понял, подглядывая за перекрестными ссылками в DMP-досье Грейс, использовались как гипнотические команды в двенадцатой экспедиции.

В четверть седьмого Контроль ощутил порыв сделать перерыв и выбрался в коридор, чтобы хорошоенько размяться. Все как-то притихло, и даже отдаленное радио звучало как колыбельная. Забредя подальше от своих пределов, он уже пересекал край ныне пустующего рубикона кафетерия, когда вдруг услышал звуки, доносившиеся из кладовой поблизости от коридора, ведущего в научный отдел. Почти все уже ушли, и он собирался и сам закруглиться в ближайшее время, но эти звуки отвлекли его. Кто это там? Хочется надеяться, неуловимый уборщик. Ужасающее моющее средство надо вывести из игры. Контроль не сомневался, что оно представляет угрозу здоровью.

И потому взялся за ручку двери, получив легкий удар током, когда ее поворачивал, а затем рванул дверь изо всех сил.

Дверь стремительно распахнулась, отшвырнув Контроля назад.

У стеллажей с припасами скорчилось бледное существо, выхваченное резким светом единственной низкой электролампочки.

Черты его исказила невыносимая, но блаженная мука.

Уитби.

Тяжело дыша, Уитби воззрился на Контроля снизу вверх. Мучительная гримаса начала рассасываться, уступая место выражению коварства вперемешку с настороженностью.

Уитби явно только что перенес какую-то травму. Уитби явно только что услыхал о кончине члена семьи или близкого друга. Хотя шок испытал как раз Контроль.

— Я зайду попозже, — одурело проронил Контроль, будто у них была назначена встреча в кладовке.

Уитби подскочил, словно паук-каменщик, и Контроль, шарахнувшись, попятился на шаг в полной уверенности, что Уитби его атакует. Но Уитби вместо того втащил его в кладовку и закрыл за ним дверь. Хватка Уитби оказалась на диво крепкой для столь субтильного человечка.

— Нет-нет, входите, пожалуйста, — твердил он Контролю, словно не мог говорить и направлять своего начальника внутрь одновременно, и потом работал под фонограмму.

— Я и правда мог бы зайти попозже, — пробормотал Контроль, еще не оправившись от потрясения, поддерживаая иллюзию, будто только что не видел Уитби в состоянии крайнего аффекта... а еще иллюзию, что это кабинет Уитби, а вовсе не кладовая.

Уитби таращился на него в тусклом свете единственной низкой лампочки, стоя впритык, потому что вдвоем им было тесно в узком помещении с высоким потолком, невидимым во тьме над лампочкой, абажур которой отбрасывал свет только вниз. На стеллажах по обе стороны от центрального прохода выстроились в несколько рядов бутылки моющего средства с ароматом лимонной цедры вкупе со штабелями банок консервированного супа, запасных насадок для швабр, мешков для мусора и парой цифровых часов, обросших толстым слоем пыли. И длинная серебристая лестница, уходившая во тьму.

Уитби *до сих пор* выстраивает выражение лица, осознал вдруг Контроль, сознательно перекручивая хмурый вид в улыбку, выжимая из черт последние капли цепкого страха.

— Я просто наслаждался миром и покоем, — сообщил Уитби. — Их порой так трудно отыскать.

— Честно говоря, вид у вас был такой, будто вас хватил удар, — отозвался Контроль, не горя желанием притворяться и дальше. — Вы себя нормально чувствуете? — сказать это сейчас было куда проще, когда стало очевидно, что психический срыв Уитби не грозит. Но притом он еще и чувствовал смущение, оттого что Уитби удалось настолько легко его тут подловить.

— Вовсе нет, — улыбка Уитби наконец вписалась на свое место, и Контроль понадеялся, что тот ответил на первую часть его реплики. — Чем я могу вам помочь?

Контроль пошел на поводу у фикции, которую Уитби продолжал упорно подсовывать ему, хотя бы потому, что заметил, что Уитби каким-то тупым инструментом вывел из строя внутреннюю щеколду двери. Похоже, не обошлось без насилия. То есть Уитби хотел уединения, но притом крайне боялся оказаться здесь взаперти. В штате есть психиатр, услуги которого для сотрудников Южного предела совершенно бесплатны. Контроль не припоминал, чтобы в личном деле Уитби говорилось хоть об одном его посещении.

Контролю потребовалось на миг больше времени, чем это выглядело бы естественно, но он нашел резон. Нечто, что пошло бы своим ходом и позволило бы ему

удалиться на правильной ноте. Сохранив достоинство Уитби. Возможно.

— Вообще-то то сущий пустяк, — произнес Контроль. — Насчет некоторых из гипотез о Зоне Икс.

— К примеру, вопрос о параллельных вселенных, — кивнул Уитби, словно они попросту возобновили беседу, начатую ранее, которую Контроль позабыл на-прочь.

— Может быть, Зона Икс появилась как раз оттуда, — подхватил Контроль, декларируя то, во что не верил, и никак не комментируя сужение темы.

— Оно так, — заявил Уитби, — но я больше думаю о том, как каждое принятное нами решение теоретически отщепляется от следующего, так что там бесконечное число прочих вселенных.

— Любопытно, — заметил Контроль. Если уступить бразды Уитби, стоит надеяться, пляска закончится раньше.

— И в некоторых из них, — пояснил Уитби, — мы решили загадку, а в некоторых ее никогда и не было, и *никогда не было* Зоны Икс, — проговорил он с нарастающим напором. — И мы можем черпать в этом утешение. Вероятно, мы могли бы даже *порадоваться* этому. — С упавшим видом он продолжал: — Если бы не дальнейшие соображения. Некоторые из тех вселенных, где мы решили загадку, может отделять от нашей тончайшая из мембран, ничтожнейшая из вариаций. Вот что не выходит у меня из головы. Какую заурядную деталь мы не видим или какие вещи делаем, что уводит нас прочь от ответа.

Контролю не понравился исповедальный тон Уитби из-за впечатления, что Уитби откровенничает в одном, чтобы скрыть другое, как было с объяснением

биолога об ощущении утопления. И это одновременно с параллельными вселенными восприятия, разверзшимися между ним и Уитби, пока тот говорил, потому что Контроль начало казаться, что Уитби толкует о *брешах*, тех самых прорывах, занимающих его собственный рассудок изо дня в день. Уитби, толкующий о брешах, возмутил его, как вторжение на его собственную территорию, вызвав чувство, хоть и напрочь лишенное логики, будто Уитби комментирует прошлое Контроля.

— Быть может, это ваше присутствие, Уитби, — вставил Контроль. Шутка, но жестокая, призванная оттолкнуть того, подвести под разговором черту. — Может, без вас мы бы давно уже все решили.

Выражение лица Уитби было просто чудовищным, захваченным между пониманием, что Контроль высказал идею с юморком, и уверенностью, что совершенно неважно, в шутку это или всерьез. Все это отпечаталось настолько ярко, что Контроль сообразил: мысль его не оригинальна и приходила в голову Уитби не раз и не два. Было бы слишком неискренне сказать следом: «Я вовсе не имел этого в виду», так что какая-то из версий Контроля просто удрала, ринувшись по коридору прочь что есть духу, осознавая, что его способ самоустраниния неортодоксен, но и не в силах остановиться. Драпала по зеленому ковру, пока сам он стоял на месте, извиняясь, отделяясь смешком, меняя тему, отвечая на выдуманный телефонный звонок... или, как он поступил на самом деле, вовсе ничего не говоря и позволяя неловкому молчанию усугубляться.

Будто в отместку, хоть Контроль тогда этого и не понял, Уитби сказал:

— Вы уже смотрели видео, не так ли? Из первой экспедиции?

— Еще нет, — словно признавая, что еще девственник. Это запланировано на завтра.

Посреди высказывания собственного вопроса Уитби сотрясла какая-то безмолвная дрожь, подобие спазматической попытки отшвырнуть или отвергнуть... нечто... но Контролью пришлось переложить труд спросить Уитби, почему, на какую-то другую, будущую версию себя.

Существует ли реальность, в которой Уитби решил загадку и выкладывает ему решение прямо сейчас? Или реальность, в которой он душит Уитби просто за то, что он Уитби? Быть может, в каком-то времени, в этот миг, он встречается с Уитби в пещере после ядерного холокоста, или в магазине, покупающим мороженое для беременной жены, или, уходя еще дальше за рамки, может статься, в каких-то из сценариев они встретились куда раньше, и Уитби — занудливый учитель английского, на недельку подменивший штатного преподавателя в старших классах. Быть может, сейчас он в общих чертах представляет, почему Уитби не пошел дальше, почему то и дело прерывает исследования, чтобы сделать грязную работу за других. Он не отказался от желания причинить Уитби локализованную травму, чтобы растолковать свои действия, продолжая гадать, достаточно ли слоев он пробил, чтобы достичь сердцевины Уитби, а если сердцевины нет, то хотя бы до слоев, определяющих личность.

— Не это ли комната, которую вы хотели мне показать? — спросил Контроль, чтобы переменить предмет.

— Нет. А с чего вы так решили? — глубоко посаженные глаза и вид скрежетанного недоумения придали Уитби сходство с истощенной совой.

Минуту-другую спустя Контроль исхитрился оторваться от Уитби.

Но не мог отделаться от застрявшего в голове образа искаженного мукой лица Уитби. И по-прежнему не представлял, зачем Уитби прятался в кладовке.

Голос позвонил пару минут спустя, когда Контроль отчаянно пытался закруглиться на сегодня. Контроль был готов, несмотря на Уитби. А может, как раз благодаря Уитби. Убедился, что дверь кабинета заперта. Взял листок, на котором набросал для себя кое-какие пометки. А потом аккуратно перевел Голос на динамик на средней громкости, заранее проделав пробы и убедившись в отсутствии эха и ощущения, будто что-то отклоняется от рутины.

И сказал «Алло».

Беседа пошла.

Они какое-то время поговорили. Потом Голос сказал:

— Хорошо, — пока Контроль продолжал время от времени поглядывать на свой листок. — Просто стабилизируйтесь и делайте свое дело. Без движения нет размышления. Сегодня вы будете спать хорошо.

Стабилизируйтесь. Без движения. Размышление. Вешая трубку, он вдруг встревожился, осознав, что *действительно* чувствует себя стабилизировавшимся. Что теперь столкновение с Уитби кажется всего лишь выбросом — несущественным, если взглянуть на него в контексте всей миссии.

016: ТЕРРУАРЫ

Назавтра утром у стойки закусочной кассирша, полная седовласая женщина, спросила у него:

— Вы не из тех, кто работает в этом правительственном агентстве на военной базе?

Настороженно, чувствуя, как еще потряхивает со сна и легкого похмелья:

— А почему вы спрашиваете?

— О, — любезно отозвалась она, — просто у них точно такой же вид, вот и все.

Она хотела, чтобы он спросил: «И какой же это вид?» Но Контроль вместо того лишь загадочно улыбнулся и продиктовал ей свой заказ. Ему не хотелось знать, что общего у него в облике с остальными, в какое тайное общество он вступил без собственного ведома. У нее что, где-то лежит схема для выявления общих черт?

По возвращении в машину дохлый москит с засохшей капелькой крови на ветровом стекле вдруг оскорбил его чувство порядка, так что Контроль стер его салфеткой, сказав себе, что никого в машине не было.

Первым пунктом в его повестке дня числился давно ожидавшийся просмотр видеоматериала, отнятого первой экспедицией. Эти видеозаписи существовали в специальной просмотровой в зоне здания, примыкающей к помещениям для членов экспедиции. У дальней стены этой тесной клетушки громоздилась массивная белая консоль. Сверху она выпирала больше, чем снизу, бессознательно имитируя охватывающую форму здания Южного предела. В эту консоль — тусклой серой головой, упрятавшейся в жестоко кубистский клубок, — встроили телевизор, обеспечи-

вающий доступ к видео, и больше ни к чему. Телевизор устаревшей модели, восходящий еще ко времени первой экспедиции, так что его громоздкую заднюю часть пришлось упрятать в альков стены. Спина Контроля и сейчас кряхтела при воспоминании о подобном неуклюжем грузе с того дня, когда он, будучи студентом колледжа надрывался, затаскивая телевизор в свою комнату общежития.

Перед телевизором — низкий черный пластиковый столик под мрамор со старомодными кнопками и джойстиками, позволяющими манипулировать видеоматериалом. Почти как антикварный музейный экспонат или кормящаяся четвертаками гадательная машина из луна-парка. Под стол впихнута фаланга из четырех черных кожаных офисных стульев. Если их вытащить, в комнатушке будет яблоку негде упасть, хотя потолок возносится на добрых двадцать футов над головой. Должно быть, это умерило его незначительную клаустрофобию, зато вкупе с наклоном консоли лишь усугубило легкое головокружение. Контроль обратил внимание, что вентиляционные решетки наверху забиты пылью. Резкий запах пластикового торпедо автомобиля боролся с душком ржавой плесени.

Имена двадцати четырех из двадцати пяти членов первой экспедиции были выгравированы на больших золотых плакетках, развешанных по боковым стенам.

Пусть Грейс и не желает признавать, что стена словес смотрителя маяка — мемориал бывшей директрисы, но уж она никак не сможет отрицать ни что эта комната *действительно* служит мемориалом той экспедиции, ни что сама она служит его опекуном и куратором. Уровень допуска к видеоматериалам столь

высок, что из нынешних работников Южного предела доступ к ним имелся лишь у бывшей директрисы, Грейс и Чейни. Все остальные могли смотреть фотоснимки или читать стенограммы, да и то лишь в строго контролируемых условиях.

Так что его провожатым оказалась Грейс, потому что больше никто не мог этого сделать, и пока она бессловесно выдвигала стол и с помощью ряда мистических манипуляций готовила видеоматериал, Контроль заметил происшедшую в ней перемену. Она готовила материал не с кровожадным предвкушением, как он ожидал, но с любовным пиететом и намеренно в темпе, более присущем кладбищу, нежели видеомонтажной. Словно это нейтральная полоса и без его ведома между ними установилось некое соглашение о прекращении огня.

Видео покажет ему погибших, ставших сумрачной легендой Южного предела, и Контроль видел, что Грейс воспринимает свою работу распорядительницы всерьез. Вероятно, отчасти потому, что так к ней относились и директриса — а директриса была знакома с этими людьми, когда ее предшественник отправил их судьбе навстречу. Спустя два года после опускания границы. После года подготовки. С самым лучшим высокотехнологичным снаряжением, какое Южный предел мог приобрести или создать, обрекая их на гибель.

Контроль осознал, что частота пульса у него подскочила, во рту пересохло, а ладони взмокли. Словно он готовится пройти очень важное испытание, которое без последствий не останется.

— Все самоочевидно, — сообщила Грейс. — Видео привязано к началу и продолжается с перерывами

в хронологическом порядке. Можно переходить от одного монтажного куска к другому. Можно просматривать в произвольном порядке — как предпочтете. Если к исходу часа вы не закруглитесь, я приду сюда, и ваш сеанс закончится.

Удалось вернуть свыше ста пятидесяти фрагментов, большинство уцелевших эпизодов продолжаются от десяти секунд до двух минут. Некоторые доставлены Лаури, остальные — четвертой экспедицией. Смотреть материал дольше часа зараз не рекомендуется. И очень немногие выдержали столько.

— При этом я буду ждать снаружи. Вы можете постучать в дверь, если закончите раньше.

Контроль кивнул. Означает ли это, что его запрут? Очевидно, да.

Грейс свое место покинула, Контроль его занял, и, уходя, она неожиданно опустила ладонь ему на плечо — пожалуй, вложив в этот жест чуть больше силы, чем требуется. Потом щелчок дверного замка снаружи, и Контроль остался в одиночестве в мраморном склепе, увешанном именами призраков.

Хоть Контроль и сам просил об этом, сейчас он сомневался, что в самом деле хочет через это пройти.

Первые эпизоды показывали нормальные вещи: разбивку лагеря с далеким маяком, время от времени появляющимся в подрагивающем кадре. Силуэты деревьев и палаток проступали из тьмы на заднем плане. По экрану промелькнула синева небес, когда кто-то опустил камеру, забыв отключить запись. Чей-то смех, чье-то подщучивание, но Контроль, как провидец или путешественник во времени, уже проникся подозрениями. Было ли это ожидаемыми, нормальными ве-

щами, банальными товарищескими отношениями человеческих существ или предвестниками секретных коммюнике, подспудных и могущественных? Контролю не хотелось ничьего вмешательства, заражения, чьего-то чужого анализа или мнения, поэтому он прошел в документах не все. Но в этот момент осознал, что все равно уже чересчур вооружен предназнанием и чересчур циничен, чтобы не счесть себя смехотворным. Если не проявлять осторожность, все будет преувеличиваться, толковаться превратно, пока каждый кадр не преисполнится угрозы. Контроль имел в виду пометку другого аналитика, что ни одна другая экспедиция не столкнулась с тем, что предстояло ему вот-вот увидеть, «будто творец внезапно отлучился».

В сумерки последовало несколько эпизодов из видеодневника начальницы экспедиции, видневшейся силуэтом на фоне костра, не рассказавшей ничего из того, что Контроль было бы еще не известно. Затем последовало эпизодов семь, каждый длиной четырепять секунд, показывавших только расплывчатые тени:очные съемки, лишенные контраста. Однако он продолжал напряженно вглядываться во мрак в надежде, что пропустит какая-нибудь форма, какой-нибудь образ. Но в конце концов лишь накликал черных мошек, зароившихся на периферии зрения, будто крохотные круговоротельные паразиты.

Сутки пролетели, экспедиция распространялась от лагеря вовне волнами, а Контроль старался не привязываться ни к кому из них. Не поддаваться на обаяние их частых шуточек. Ни на явную их серьезность и компетентность — здесь собрались одни из лучших умов, каких Южному пределу удалось разыскать. По небу стелились облака. Отрезвляющий момент

наступил, когда они наткнулись на остатки колонны грузовиков и танков, отправленных сюда перед тем, как граница низошла. Техника уже покрылась слоем земли и лианами. Ко времени пятой экспедиции, как знал Контроль, от нее уже не осталось и следа. Зона Икс реквизировала ее для собственных целей. Приоритет победителя. Впрочем, никаких человеческих останков, способных смутить спокойствие первой экспедиции, не оказалось, хотя кое-кто и нахмурился. К тому же времени, если насторожить уши, уже можно было расслышать перебои в связи раций, разданных всем членам экспедиции, все чаще и чаще на запросы «Прием» и «Как слышите?» отвечал треск помех.

Следующий вечер, рассвет следующего дня, и Контролю показалось, что он движется вперед в стремительном темпе, почти способный расслабиться в герметичной капсуле, образованной каждым безопасным мгновением, и жить там в блаженном неведении об остальном. Хотя к этому моменту возмущения распространились настолько, что радиопереговоры превратились в череду недопониманий и недоумений. Слушателя и слышимого мало-помалу захватывала некая внешняя сила, хотя они этого еще не осознали. Или, по крайней мере, не высказывали своей озабоченности под камеру. Контроль предпочел не перематывать подобные инциденты назад. От них у него по затылку побежали мурашки, вызвав легкую дурноту, усугубленную дестабилизирующей комбинацией головокружения и клаустрофобии.

Однако наконец Контроль больше не мог себя обманывать. Подошел знаменитый двадцать второй эпизод, значащийся в досье как снятый Лаури, играв-

шим роль антрополога команды. Сумерки второго дня с приыханием заката. Смутно темнеющая башня маяка на средней дистанции. В своем простодушии они не видели ничего страшного в том, чтобы разделиться, и группа Лаури решила разбить бивак по пути среди развалин вереницы брошенных домов на полдороге к маяку. Их даже не набралось достаточно, чтобы образовать деревню, оставить на старых картах название, но они принадлежали группе иммигрантов, изгнанных из собственной страны и обосновавшихся на этом побережье, чтобы добывать пропитание с помощью болот и моря.

Шорох, ассоциирующийся для Контроля с униольей и ветром с берега, но чуть уловимый. Руины старых стен образовывали на фоне неба более глубокие тени, он едва различал проходящую среди них широкую линию мошеной дорожки. В ролике Лаури чуть трясясь, держа камеру. На переднем плане женщина — начальница экспедиции — кричала: «Заставьте ее остановиться!» Свет от камеры, отbrasывавший суровые тени вокруг глаз и рта, превращал ее лицо в маску. Напротив, по ту сторону грубого садового столика, казавшегося обугленным, женщина, начальница экспедиции, кричала: «Остановите ее!», «Пожалуйста, стой!», «Пожалуйста, стой!». Камера дернулась и крутнулась, потом выровнялась — предположительно, все еще в руках Лаури. Дыхание у человека, державшего камеру, участилось, и Контроль узнал звук, слышанный раньше, наподобие шелестящего дыхания с пробивающимся сквозь него мелким дребезжанием. Вовсе не ветер. А еще слышались взволнованные, резкие голоса за кадром, но разобрать ни слова не удавалось. Затем женщина на экране слева перестала

кричать и уставилась в камеру. Женщина справа тоже перестала кричать, уставившись в камеру. Маски их лиц излучали на него из той дали, через столько лет одинаковый страх, мольбу и замешательство. Контроль не видел между двумя обликами ни малейшей разницы — во всяком случае, в столь тусклом свете.

Но затем, напряженно выпрямившись, даже зная, что вот-вот произойдет, Контроль вдруг понял, что вовсе не сумерки отняли у фона всякий намек на цвет. Скорее нечто будто заступило пейзаж, нечто настолько невероятно громадное, что края его оказались далеко за границами кадра. В последнюю секунду видеоленты обе женщины все смотрели в оцепенении, а фон словно сдвинулся и продолжал перемещаться... а сразу следом ролик, даже более зловещий для Контроля: Лаури, на сей раз перед камерой, плетет вздор на берегу назавтра утром, а женщина за камерой смеется. Ни малейшего упоминания о начальнице экспедиции. Ни слуху ни духу от нее в последующих видеоматериалах, как знал Контроль. Ни малейшего объяснения со стороны Лаури. Ее словно стерли у них из памяти, или все они в ту ночь перенесли за кадром обширную, невообразимую травму.

Но распад продолжался, несмотря на их видимую радость и спокойствие. Потому что Лаури нес полнейшую околосицу, а женщина, державшая камеру, реагировала, словно понимает его, хотя ее собственная речь еще не пострадала.

В черных водах, с солнцем, сияющим в полночь, сей плод вызреет и во тьме того, что суть золото, лопнет, дабы отверзнуть откровение смертоносной мягкости земли.

Резня преследовала его с видеоэкрана, когда он удалялся под эскортом Грейс обратно в свет — или свет иного рода. Резня может преследовать его еще какое-то время. Он не был уверен, испытывая затруднения с переложением понятий в слова, сподобившись лишь на лепет и кивок Грейс, когда та спросила, хорошо ли он себя чувствует, держа его за руку, словно над пропастью. И все же он знал, что сострадание далось ей трудной ценой, и, может быть, Контролю еще придется за него поплатиться. Так что он отделался от нее, наставив, что должен проделать остаток пути обратно в одиночестве.

Впереди был еще целый день. Надо прийти в себя. Дальше идет запланированная встреча с биологом, за ней планерка, а затем... он забыл, что затем. Запнулся, оступился, опустился на одно колено, осознал, что находится в районе кафетерия с его знакомым ковролином с оранжево-зелеными стрелами, указывающими в сторону двора. Пойманый светом, вливающимся из этих широких, почти соборных окон. На улице солнечно, среди белых облаков уже проглядывает хмурая серость, предвещающая ливни после обеда.

Маяк. Башня. Остров. Смотритель маяка. Граница с громадной мерцающей дверью. Директриса, предположительно ходившая в самоволку через границу через эту дверь. Раздавленный москит на ветровом стекле. Страдальческое лицо Уитби. Круговороточный свет границы. Телефон директрисы в его сумке. Демонические видео, обретающиеся в мемориальном катафалке. Детали начали ошеломлять его. Детали начали поглощать его. Пока никакой возможности дать им улечься или разобрать, что важно, а что пустяк. Он взял с места в карьер, как мать и хотела, и это недале-

ко его увело. Входящая информация грозила погрести под собой его подготовительную работу, знания, принесенные с собой. Он растратил так много заученных материалов, обращенных в пепел из тактических суждений. А в ближайшее время предстояло всерьез углубиться в записки директрисы, и это сулило еще больше тайн, тут уж сомневаться не приходилось.

Под конец вопли все тянулись и тянулись нескончаемо. Державший камеру казался не человеком. Очнитесь, умолял Контроль членов первой экспедиции, глядя на экран. Очнитесь и поймите, что с вами происходит. Но они не очнулись. Не могли. Они были за многие мили, да и он запоздал со своим предостережением лет на тридцать с лишком.

Контроль положил ладонь на ковер. Зеленые стрелки вблизи оказались образованными кудреватыми переплетенными нитями, почти как мох. Он ощущал шершавость покрытия, ощущал, как оно истоптано за годы. Не первоначальное ли это ковровое покрытие, еще тридцатилетней давности? Если да, каждый исполнитель роли в этих видео, в этих досье прошел по нему, пересекал его сотни и сотни раз. Быть может, даже Лаури, держа свой камкордер, пошутивая перед экспедицией. Оно истерлось, как поистрепался и сам Южный предел, пока агентство катилось по предназначенной ему колее в этом аттракционе под названием Зона Икс.

Люди глазели на него, пересекая кафетерий. Надо подняться.

Из тускло озаренных залов прочих мест в корчах проступают формы, каковых никогда не было и никогда не будет.

От коленопреклонения Контроль перешел с биологом в комнату для допросов — после краткой интерлюдии в собственном кабинете. Ему требовалось какое-нибудь отпущение, какой-то способ очиститься. Он вызвал сведения по заливу Рок-Бей — самому длительному назначению биолога, прежде чем она вошла в двенадцатую экспедицию. Судя по полевым заметкам и наброскам женщины, это было ее любимое место. Пышные северные дождевые леса с зеленой экосистемой. Она арендовала там коттедж, и в дополнение к фотографиям приливных бассейнов, которые она изучала, у него имелись снимки ее жилых комнат, входящих в обычный комплект тщательных сопутствующих мероприятий Центра. Кровать наподобие койки, комфортабельная кухня и черная плита, попутно играющая роль камина с длинной трубой, уходящей в дымоход. Природа чем-то импонировала ему, умиротворяла его — впрочем, как и простой домашний уют коттеджа.

Усевшись в переговорной, Контроль поместил между ней и собой бутылку с водой и ее личное дело. Этот гамбит ему уже прискучил, но тем не менее... Мать всегда говорит, что повторение ритуала делает указание на вещь, успевшую стать невидимой, особенно драматичным. В один прекрасный день вскорости он может указать на папку и сделать ей предложение.

Люминесцентные трубы пульсировали и мигали, в них начало что-то переливаться и перекатываться. Ему было плевать, смотрит ли Грэйс на них сквозь стекло, или нет. Сегодня Кукушка выглядела ужасно — не настолько больной, но словно заплаканной — в точности как себя чувствовал он. Под глазами у нее

залегли черные круги, и вся она как-то понурилась. Всякая дерзость и веселость то ли выгорели дотла, то ли ушли в потаенные уголки.

Контроль не знал, с чего начать, потому что не хотел начинать вовсе. Чего ему хотелось, так это поговорить о видеоматериалах, но это было невозможно. Слова мешкотно складывались у него в голове, но никак не могли преобразиться в звук, застревая между его необходимостью и его желаниями. Он не сможет поведать этого ни одному человеческому существу. Никогда. Если он даст этому волю, заразит еще чей-то рассудок, он себя не простит. Одна подружка, по крупицам составившая некоторое представление о его работе, однажды спросила: «Зачем ты этим занимаешься?» — имея в виду, зачем служить столь тайным целям, целям, поделиться которыми нельзя, которые нельзя раскрывать. Он отдался стандартным ответом, напустив напыщенный вид, чтобы выставить себя в смешном свете. Чтобы скрыть серьезность. «Чтобы знать. Чтобы проникнуть за завесу». Через границу. И еще говоря это, Контроль осознал, что тем самым говорит ей, что без зазрений совести покинет ее там, оставив в одиночестве по ту сторону.

— О чем вы хотели бы поговорить? — спросил он Кукушку, не потому что исчерпал вопросы, а потому что хотел уступить лидерство ей.

— Ни о чем, — апатично проронила она. Слова скомкались, неряшливо слившись в невнятный клекот.

— Должно же быть хоть что-то, — с мольбой. Пусть будет что угодно, только бы отвлекло от резни в моей голове.

— Я не биолог.

Это вывело Контроля из себя, заставив задуматься, что она имеет в виду.

— Вы не биолог, — эхом повторил он.

— Вам нужна биолог. Я не биолог. Ступайте поговорите с ней, а не со мной.

Это что, какой-то кризис самоопределения, психический срыв или просто метафора?

Как бы то ни было, он понял, что этот сеанс был ошибкой.

— Мы можем попробовать снова после обеда, — заметил он.

— Попробовать что? — огрызнулась она. — Думаете, это *терапия*? Для кого?

Он раскрыл было рот, но она одним яростным движением смела со стола его папки и воду и крепко-накрепко ухватилась за его левую ладонь обеими руками. Неповиновение и страх плескались в ее глазах.

— Чего вы от меня хотите? Чего вы хотите *на самом деле*?

Взмахом свободной руки Контроль отоспал прочно охранников, ринувшихся в комнату. Их отступление, увиденное краешком глаза, отличалось необычайной внезапностью, словно нечто чудовищное всосало их обратно в дверной проем.

— Ничего, — сказал он, чтобы посмотреть, как она отреагирует. Ладони ее были липкими и горячими, не слишком приятными; что-то явно происходит у нее под кожей. Не усугубилась ли ее горячка?

— Я не стану пособничать в построении картины моей собственной патологии, — прошипела она, тяжело дыша, и выкрикнула: — Я не биолог!

Высвободив руку, он оттолкнулся от стола, встал и смотрел, как она снова оседает в собственном кресле.

Уставилась в стол, не подымая глаз на него. Ему мучительно было видеть ее страдания, еще мучительнее оттого, что как раз он их и причинил.

— Кто бы вы ни были, вернемся к этому позже, — проговорил он.

— Мне потакают, — пробормотала она, скрестив руки.

Но к моменту, когда он поднял бутылку с водой, собрал разбросанные документы и направился к двери, что-то в ней опять переменилось.

Голос ее трепетал на грани срыва от какой-то новой эмоции.

— Когда я уходила, в отстойном пруду позади была семейная пара клювачей. Они еще там?

Ему потребовалась секунда-другая, чтобы сообразить, что она имела в виду отправку в экспедицию. Еще секунда, чтобы сообразить, что это почти просьба о прощении.

— Не знаю, — промолвил он. — Выясню.

Что с ней там произошло? Что произошло с ним здесь?

Последний фрагмент видео оставался в собственной категории: «Не классифицировано». К тому моменту все были мертвы, кроме травмированного Лаури, находившегося уже на полпути обратно к границе.

Еще добрых двадцать секунд камера летела над поблескивающими болотными камышами, синими озерами, белой бахромой моря к маяку.

Пикируя и взлетая, снова падая и снова воспаряя.

Словно с каким-то ужасающим энтузиазмом.

Всепоглощающим ликованием.

017: ПЕРСПЕКТИВА

Шаги начали выпадать. Шаги начали выскакивать не в лад. Ленч последовал за планеркой, припомнить которую Контроль не мог, как ни тужился, едва она закончилась. Он здесь, чтобы каким-то образом разгадать головоломку, но впечатление такое, будто это она начала его разгадывать.

Контроль знал, что какое-то время говорил, как хотел бы узнать побольше о маяке и его связи с топографической аномалией. После чего Сю сказала что-то о подструктурах в проповеди смотрителя маяка, в то время как единственный член хозяйственного отдела, согбенный старикашкой по фамилии Дарси, скрипучим жестяным голосом ввернул в ее речь комментарий насчет «исторической точности роли подразделения».

Костер на фоне деревьев, члены экспедиции вокруг костра. Нечто — настолько большое, что не окинешь взглядом, — подползает или бредет тяжкими стопами на заднем плане, похабно вdevшись между деревьями и костром. Ему не понравилась мысль о чем-то столь громадном, но притом столь гибком, чтобы вdevаться подобным образом, наводя на мысль о текучей стене ленточной плоти.

Быть может, он мог бы и дальше кивать и задавать вопросы, но ему все более и более становилась омерзительна ассистентка Сю, Эми-такая-то, жевавшая собственную губу. Медленно. Методично. Бездумно. Делая записи или нашептывая Сю на ухо какую-то порцию сведений. Появлялась сероватая эмаль левых клыков и резца, обнажались розовые десны по мере отступления верхней губы, а затем почти с ритмической точностью она начинала прикусывать и защищать

вать, прикусывать и защипывать левую сторону нижней губы, мало-помалу становившуюся чуть краснее ее помады.

Нечто *пронеслось* или на миг *застало* на экране задний план, когда на среднем присел на корточки мужчина с бородой — не Лаури, а другой, по фамилии О'Коннелл. Сперва Контроль показалось, что О'Коннелл бормочет, говорит что-то на непонятном языке. И, пытаясь отыскать логику, пытаясь постичь, Контроль едва не позвонил Грейс прямо тогда, чтобы поведать о своем открытии. Но еще через пару кадров Контроль уже разобрался, что тот на самом деле жует губу — и продолжал жевать, пока не потекла кровь, и все это время непоколебимо смотрел в камеру, потому что — медленно, мало-помалу уразумел Контроль — уже не было другого достаточно безопасного места для взгляда. Жуя, О'Коннелл говорил, но в словах не было ничего оригинального — теперь, когда Контроль прочел надпись на стене. Первобытнейшее и тем самым банальнейшее из всех вообразимых посланий.

Далее предсказуемый ленч в кафетерии. Стабилизирующий ленч, как думал Контроль, но слово «ленч», повторенное слишком много раз, становится бессмыслицей, трансформируясь в *лечь*, ложащееся лыком в строку, взбрыкивающую скачущим белым кроликом, перекувыркивающегося в биолога за угнетающим столом, перевоплощающимся в членов экспедиции у костра, не ведающих, что им грядет вот-вот выстрадать.

Контроль последовал за версией Уитби, то ли настороживавшей, то ли заботившей его, пробирающейся вокруг да около столиков вместе с Чейни, Сю и Грейс, влекущимися следом. Уитби на планерке не

был, но Грейс увидела, как он шмыгнул в боковой коридор, когда они спускались по лестнице, и заарканила его на ленч вместе с ними. А дальше все попросту пошли на поводу у Уитби в его естественной среде обитания. За еду обожать кафетерий Уитби не мог. Должно быть, дело было в открытости, воздушности пространства, чистоте ракурсов. А быть может, просто потому, что удрать было можно в любом направлении.

Уитби подвел их к круглому столику под деревом. Все его низкие пластиковые сиденья были втиснуты вдоль стен угла, самого дальнего от двора, рядом с лестницей, ведущей в по большей части пустующее пространство, именуемое третьим этажом, который они только что покинули, но на самом деле представляющее собой лишь гипертрофированную лестничную площадку с парой-тройкой конференц-залов. Контроль сообразил, что Уитби выбрал столик так, чтобы иметь возможность втиснуть свое тщедушное тельце в полукруг у самой стены — с оглядкой на невероятную возможность, что на лестнице за спиной объявитяя снайпер, переводя взгляд с кафетерия на двор и туманную зелень болота, расплывающегося за капельками конденсата на стекле.

Контроль сел лицом к лицу с Грейс. Уитби и Сю заняли места справа и слева от нее. Чейни плюхнулся на сиденье сбоку от Контроля, напротив Уитби. Пыхтящий икс лица Чейни заботливо склонился книзу:

— Я подержу оборону, пока вы возьмете себе что-нибудь, и схожу следом.

— Просто захватите мне грушу или яблоко и воды, а я побуду здесь, — отозвался Контроль, чувствуя смутное подташнивание.

Кивнув, Чейни со шлепком оторвал свои мясистые ладони от стола и ушел с остальными, пока Контроль созерцал большую фотографию в рамке на стене. Пыльный снимок, сделанный более двух десятков лет назад, показывал ядро команды Южного предела в то время. Узнавая некоторые лица по многочисленным инструктажам, Контроль отыскал взглядом Лаури, и годы спустя после экспедиции все еще выгляделевшего изможденным. Расплывшийся в улыбке Уитби был там же, у центра. Судя по фото, когда-то Уитби был любознательен, смышлен и оптимистичен. Была на фото и пропавшая директриса — хотя лишь массивной тенью с левого бока. Она просто маячила там, не хмурясь и не улыбаясь.

В то время она была относительно новым работником, подмастерьем штатного психолога. Грейс, наверное, поступила в штат лет на пять позже, как раз когда Лаури уходил. Должно быть, и путь к вершинам иерархии, и удержание своей власти всем им дались нелегко. Это требовало твердости и упорства. Быть может, даже с лихвой. Но она хотя бы разминулась с самыми безумными проявлениями первой поры, единственным уцелевшим пережитком которых стал лишь гипноз. Криптозоологам, чуть ли не некромантам, с привлечением психологов давали голые факты и просили выдать... что? Информацию? Из их шаманства никакой информации не выудишь.

Остальные вернулись из буфета. Чейни нес на тарелке запрошенную грушу и воду. Контролю пришло в голову, что если позже днем стряслася нечто кошмарное и судебные медики попытаются воссоздать события по содержимому их желудков, Чейни будет выглядеть разборчивой птицей, Уитби — свиньей,

Сю — помешанной на здоровье, а Грейс — просто ма-лоежкой. Она уселась обратно на свое место, теперь поглядев на него волком, со своими двумя пачками крекеров и кофе, расставленными перед ней, словно она вознамерилась использовать их в качестве улик против него. Внутренне подбравшись, Контроль попытался прояснить голову глотком воды.

— Планерки каждый четверг или каждый второй четверг? — спросил он — просто чтобы прощупать почву и затеять разговор, подавив рефлекторный импульс воспользоваться этим вопросом, чтобы начать хитроумное зондирование морального духа департа-мента.

Но Грейс не была расположена к беседе.

— Вы хотите услышать историю, — отозвалась она, и это не было вопросом. Вид у нее был такой, словно она на что-то решилась.

— Разумеется, — ответил Контроль. — Почему бы и нет?

Чейни рядом с ним тут же заерзal, а Уитби и Сю одновременно как-то сдулись и съежились, глядя прочь от Грейс, словно стали с ней одноименными полюсами магнита.

Ее взгляд обрушился на Контроля, и у него тут же отпала охота грызть свою грушу.

— Речь об оперативнике из внутреннего террориз-ма. — Ну вот, пошло-поехало.

— Как интересно, — заметил Контроль. — Какое-то время я поработал во внутреннем терроризме.

Она продолжала, словно Контроль и рта не разевал:

— История о заваленном оперативном задании, третьем задании этого оперативника по окончании

учебы. Не первом и не втором, а третьем, так что никаких реальных оправданий тут быть не может. В чем состояла его работа? Он должен был вести наблюдение и докладывать о членах боевых дружин сепаратистов на северо-западном побережье, базирующихся в горах, но сходящих в два ключевых портовых города для вербовки. Центр считал, что у радикальных группировок этих боевиков достаточно воли и ресурсов, чтобы помешать судоходству, взрывать здания — словом, наделать дел. Никаких целостных политических воззрений или далеко идущих целей. Просто по большей части невежественные белые парни студенческого возраста, но в колледж не попавшие. Кучка радикализированных женщин и толика обычных прочих, не догадывающихся, что затевают их невежественные мужчины. Но глупее оперативника — никого.

Контроль боялся шелохнуться. Ему начало казаться, что лицо вот-вот лопнет. Ему становилось все жарче и жарче, покалывающее пламя медленно рас текалось по всему телу. Она что, пытается сокрушить его, сровняв с землей? Изолировать мишень, оборвать ему крыльшки на глазах у горстки людей из Южного предела, с которыми у него уже наладилось подобие хороших взаимоотношений?

Уитби выглядел как чужак, идущий в его сторону из дальнего далека, говоря ему, что происходит, но, как ни жаль, Контроль его еще не слышит. Чейни разразился каким-то пыхтением, выражющим неодобрение по поводу того, куда это все может завести.

— Звучит знакомо, — проронил Контроль, потому что так оно и было, и он даже знал, что будет дальше.

— Этот оперативник внедряется то ли в группировку, то ли в окраины группировки, — вещала Грейс. —

Сводит знакомство с некоторыми друзьями людей из самой ее сердцевины.

Сю, насупившись, сосредоточившись на чем-то интересном на ковре, встала, подхватив свой поднос, ухитрилась жизнерадостно, хоть и внезапно попрощаться и покинула столик.

— Так нечестно, Грейс, ты же знаешь, — прошептал Чейни, подавшись вперед, словно таким образом мог адресовать слова исключительно ей. — Это засада.

Но по счетам самого Контроля, это *как раз* и было честно. Очень честно. Учитывая, что они не оговорили фундаментальных правил заранее.

— Оперативник начинает преследовать этих друзей, и в конце концов они ведут его в бар. Подружка второго человека в команде любит выпивать в этом баре. Она в списке, он запомнил ее фотографию. Но вместо того чтобы просто наблюдать и докладывать наверх, сей премудрый оперативник игнорирует полученные приказы и начинает общаться с ней там, в баре.

— Хотите, я доскажу конец истории? — перебил Контроль. Потому что мог. Он мог — хотел — испытывал неистовый зуд ее рассказать — и чувствовал извращенную благодарность к Грейс, потому что это столь человеческая проблема, столь банальная, человеческая проблема по сравнению со всем остальным.

— Грейс... — взмолился Чейни.

Но Грейс отмахнулась от обоих, обернувшись к Уитби, так что тому не оставалось иного выбора, как поглядеть на нее.

— Он не только заводит разговор с этой женщиной, Уитби, — сопричастность его имени напугала Уитби, как будто она обняла его за плечи, — но и соблазняет ее, твердя себе, что совершает это во имя общего дела.

Потому что он заносчив. Потому что слишком далеко от узды.

Мать типизировала это как кривотолки, как типизировала уйму вещей, но в данном случае была права.

— Раньше у нас в кафетерии были вилки и ложки, — горестно проронил Уитби. — А теперь только вилколожки. — Повернулся налево, потом направо — в поисках то ли альтернативных столовых приборов, то ли кратчайшего пути к бегству.

— Рассказывая эту историю в следующий раз, опустите эпизод насчет соблазнения, какового не было, — заметил Контроль. В голове спиралью взвихрился пепел, в ушах тихонько зазвенело. — Можете также добавить, что этот оперативник не располагал четкими приказами от начальства.

— Вы его слышали. Вы слышали, — пробормотал Чейни, деликатный, как рыгнувший осел.

Грейс продолжала говорить, обращаясь непосредственно к Уитби, а Уитби теперь развернулся к Чейни, выражением лица вопрошая того, что делать, а Чейни не мог или не хотел оделить его наставлением. Будем биться до последнего вздоха. Изопьем чашу до дна. Это окопная война. Она будет тянуться нескончаемо.

— Так что оперативник укладывает подружку в постель, — ни малейшего триумфа в голосе, — хотя и знает, что это опасно, знает, что боевики могут узнать об этом. Его контролер не знает, что он делает. Пока. А в один прекрасный день...

— В один прекрасный день, — перебил Контроль, потому что раз уж она вознамерилась выложить эту историю, то остальное должна представлять правильно, черт подери. — В один прекрасный день он заходит в бар — это всего в третий раз — и его засекают камеры наблюдения, установленные дружком за ночь.

Посетив бар во второй раз, Контроль с ней не разговаривал. А в тот третий и последний — да. Как же он жалел об этом! Он даже не помнил, ни что сам говорил ей, ни что она говорила ему.

— Верно, — подхватила Грейс, и мгновенно промелькнувшее озадаченное выражение придало ее лицу серьезности. — Верно.

Эта рана у Контроля давно зарубцевалась, хотя и казалась свежей каждому стервятнику, норовившему сунуть в нее свой клюв или рыло, чтобы урвать шмат подгнившей плоти. Рутина повествования этой истории преобразила Контроля из личности в лицедея, разыгрывающего древние события из собственной жизни. Всякий раз, когда ему приходилось инсценировать их заново, монолог звучал все гляже, детали все упрощались и все лучше притирались друг к дружке, слова, как фрагменты пазла, которые он набрал в рот и выплевывал один за другим, укладывались в идеальном порядке, образуя целостную картину. И с каждым разом это представление все больше претило ему. Но единственная альтернатива — стать жертвой шантажа, частью прошлого, отдалившегося уже на семнадцать лет и пять месяцев с хвостиком. Хоть оно и увязывается за ним на каждое новое место службы, потому что тогдашний его контролер решил, что Контроль вовеки заслуживает более сугубого наказания, чем полученное на острие удара.

В наихудших версиях, вроде той, что начала излагать Грейс, он спал с той подружкой — Рейчел Маккарти — и сорвал операцию непоправимо. Но достаточно неприглядно выглядит даже правда. Он

пришел из частного колледжа в роли протеже родной матери — отличные отметки, эдакая бездумная развязность и окончание учебы в Центре с высокими оценками. Добился большого успеха в первых двух полевых операциях, вытropив рубах-парней на равнинах и среди пологих холмов в центре страны — пикапы, жевательный табак и уединенные крохотные городские площади, перекусы жареной окрой¹, пока он наблюдал, как парни в бейсболках грузят в фургоны подозрительные ящики.

«Я совершил чудовищную ошибку. Я думаю об этом каждый день. Теперь это руководит мной в моей работе. Это наделяет меня смирением и помогает сосредоточиться». Но он вовсе не думал об этом каждый день. Нельзя думать об этом каждый день, или это взрастет и пожрет тебя. Это просто безымянно бытует где-то там — унылая, сумрачная тварь, тяготящая тебя лишь какое-то время. Когда воспоминания становятся слишком блеклыми, слишком абстрактными, это трансформируется в застарелый тендинит ротаторов плеча: боль настолько тонкая, но настолько острыя, что можно прочертить по ней линию через всю лопатку и дальше вниз по спине.

— И вот тогда, — произнес Контроль. Уитби уже начал сминаться в тисках их двухстороннего внимания, а Чейни скрылся, организовав искусный побег из тюрьмы прямо у Контроля под носом. — И вот тогда дружок видит на пленке, как какой-то чужак тре-

¹ Окра — также бамия, гомбо или дамские пальчики — овощная культура, один из основных ингредиентов гумбо — и неотъемлемый элемент южного колорита.

плется с его девицей, чем, наверное, вполне заслужил побои. Но потом он велит товарищу проследить за этим чужаком до кафе минутах в двадцати ходу оттуда. Оперативник не замечает — он забыл принять меры, чтобы проверить, нет ли за ним хвоста, потому что просто в восторге от себя и уверен в своих способностях. — Потому что он член династии. Потому что знает слишком много. — И угадайте, с кем наш оперативник говорит? Со своим контролером. Вот только боевикам этой группировки уже довелось напороться на контролера за пару лет до того, из-за чего, как выясняется, в первую голову в поле отправился я, а не он. Так что теперь они знают, что субъект, толковавший с его девицей, обменивается сведениями с известным правительственный агентом.

Тут он отклонился от сценария достаточно надолго, чтобы напомнить Грейс о том, что выстрадал только сегодня утром:

— Это было так, будто я парил надо всеми, над каждым, глядя вниз, скользя по воздуху. Способный сотворить все, что захочется.

Увидел, что она уловила связь, но ни малейшего чувства вины.

— Теперь они знают, что член их дружины Рейчел Маккарти поддерживает контакты с правительством — а сверх того, ейный дружок, как уже отмечено — самовластный собственник, ревнивый, despoticnyy samodur. И этот сам-дружок накручивает себя, глядя, как оперативник возвращается назавтра, хоть на сей раз тот и не разговаривает с Маккарти, но пребывая в полной уверенности, что они придумали тайный способ общения. Довольно и того, что оперативник вернулся. Дружок вбивает себе в башку, что

его девица может быть причастна ко всему этому, что, может статься, Маккарти шпионит за ними. И что же, по-вашему, они делают?

Уитби воспользовался возможностью дать ответ на другой вопрос: выскользнул из-за столика и побежал прочь вдоль изгиба стены в направлении научного отдела, не удосужившись даже наспех попрощаться.

Покинув Контроля наедине с Грейс.

— Будете угадывать? — спросил Контроль у Грейс, обрушив всю тяжесть гнева и ненависти к самому себе на заместительницу директора и старательно позабывшись, чтобы на них обратились взгляды всех присутствующих в кафетерии, каковых набралось человек пятнадцать.

А чтобы возродить эмоции почившего в бозе сценария, начал думать о таких вещах, как «топографические аномалии», «видео первой экспедиции» и «гипнотическое воздействие», поставив с ног на голову ритуал, требующий держать в голове слова вроде «чудовищный зоб» и «домашнее задание по математике», чтобы не кончить слишком рано во время секса.

— Будете вы угадывать на хер? — прошипел он этаким театральным шепотом, испытывая желание исповедоваться не кому-либо из присутствующих, а лишь биологу.

— Они застрелили Рейчел Маккарти, — выговорила она.

— Да, правильно! — выкрикнул Контроль, зная, что даже люди, подающие пищу в дальнем-предальнем буфете, услышат его и уставятся на него.

— Они застрелили Рейчел Маккарти, — сказал Контроль. — Хотя ко времени, когда они принялись

искать меня, я уже благополучно был дома. После чего? Двух-трех разговоров? Стандартные штучки наблюдения и внедрения, с моей точки зрения. Меня отзывали для разбора, призвав разбираться с последствиями других, более обстрелянных агентов. Вот только к тому времени боевики избили Маккарти до полусмерти и приволокли ее на верх заброшенной каменоломни. И хотели, чтобы она сказала правду, просто сказала правду про субъекта в баре. Чего она сделать не могла, потому что была невиновна и не знала, что я оперативник. Но это был неправильный ответ — к тому моменту любой ответ был неправильным. — И всегда будет неправильным. И примерно ко времени, когда он ликовал, что помог щелкнуть дело, как орешек, и судья выдавал ордера, дружок выстрелил Маккарти в голову — дважды — и позволил ее трупу рухнуть на мелководье внизу. Чтобы три дня спустя ее нашли местные копы, и вскоре дело перехватила нацбезопасность.

С любым другим было бы покончено, хотя он был еще слишком зелен, чтобы знать об этом. Не знал многие годы, что мать спасла его, к добру оно или к худу. Требовала ответных любезностей. Дергала за ниточки. Давала на лапы. В ход шли все традиционные клише, маскирующие всякую уникальную коллизию. Потому что, — поведала она ему, наконец сознавшись, когда уже было ни горячо, ни холодно, — она верила в него и знала, что он способен на куда большее.

Контроль год провел в подвешенном состоянии, посещая терапию, неспособную заделать брешь, вытерпел программу переподготовки, забросившую широкую сеть, чтобы изловить крохотную ошибочку в его сознании, упорно ускользавшую снова и снова.

Затем ему поручили административную кабинетную работу, от которой он снова проложил путь вверх по служебной лестнице до возвышенной не-позиции «наладчика», отчетливо понимая, что в поле его не отправят уже никогда.

Настолько, что в один прекрасный день его могли призвать возглавить диковинное захолустное агентство. Настолько, что то, в чем он не мог заставить себя сознаться ни перед одной из своих подружек, он посмел прокричать во всю глотку в кафетерии перед женщиной, вроде бы ненавидящей его.

Птичка, что являлась ему раньше темным силуэтом на фоне высоких окон кафетерия, все еще там летала, но теперь ее порхания больше напоминали пластику летучей мыши. Дождевые тучи собирались снова.

Грейс все еще сидела перед ним, оберегаемая с высот когортами из прошлого. Контроль тоже все сидел там, а Грейс теперь начала прохаживаться по его грешкам помельче, одному за другим, без какой-либо определенной системы, хоть уже некому было слушать. Она прочла его личное дело, наложив руку и на другие документы. Талдыча их, она вещала и другие вещи — о его матери, об отце, тянула литанию вихляющегося парада или процессии, как ни странно, больше не ранившую, не достававшую до живого. Вместо того Контроля начало наполнять какое-то блаженное отупение. Она ему что-то говорит — ну и ладно. Она видит его ясно, она видит его прекрасно, от его умений вплоть до его слабостей, от его мимолетных связей до его кочевого образа жизни, вплоть до отцовского рака и двойственного отношения к матери. Лег-

кость, с которой он принял то, что мать заместила работой и семьёй, и религию. И все остальное, все-все, и в интонации ее подмешивалось что-то вроде скрупульного уважения к его отказу махнуть на все рукой с эдаким жалостливым озлоблением.

— А вы никогда не совершали ошибок? — спросил он, но она пропустила вопрос мимо ушей.

И вместо того даровала ему мотив:

— На сей раз ваш контакт пытался отрезать меня от Центра. Напрочь.

Голос, продолжающий помогать ему на манер разбушевавшегося быка.

— Я об этом не просил. — Что ж, если и просил, то больше этого не хочет.

— Вы снова заходили в мой кабинет.

— Нет. — Хотя такой уверенности он и не питал.

— Я пытаюсь сохранить все как есть для директрисы, а не для себя.

— Директриса погибла. Директриса не вернется.

Она отвела взгляд, устремив его за окно на двор и раскинувшееся за ним болото. Свирипый взгляд, заставивший его прикусить язык.

Может, директриса свободно парит над Зоной Икс или скребет сорванными под корень ногтями землю, камыши, пытаясь ускользнуть... от чего-то. Но здесь ее нет.

— Подумайте, насколько хуже все может пойти, Грейс, если меня заменят кем-нибудь еще. Потому что вас директором не сделают никогда. — Правдой за правду. Уж это-то он может сделать.

— Знаете ли, я только что оказала вам любезность, — заметила она.

— Любезность? Еще бы.

Но он понимал, о чем речь. Все, что только было срамящего или нелестного для него, она сейчас выпалила попусту, растратила весь боезапас, шарахнула из пушки в белый свет. Она извлекла на свет все остальные вещички из своей шкатулки порицаний и тем, что не приберегла ничего на потом, поведала ему, что не будет использовать их в будущем.

— Вы очень на нас похожи, — промолвила она. — Человек, наделавший уйму ошибок. Просто пытающийся поступать лучше. Быть лучше.

Подтекст: *ты не можешь решить того, что не было решено за тридцать лет. Я не дам тебе обскакать директрису. И в чем же тут подвох? К чему она его подталкивает или от чего отталкивает?*

Контроль просто кивнул — не потому что был согласен или не согласен, а потому что был выжат как лимон. Потом извинился, заперся в туалете кафетерия и выблевал завтрак, гадая, то ли что-то подцепил, то ли его тело отвергает — со всей возможной липкостью — все, что связано с Южным пределом.

018: ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

Вернувшийся Чейни рыскал у туалета, озабоченно шепча: «Ты как там, мужик, в порядке?» — словно они стали закадычными друзьями. Но в конце концов удалился, а чуть позже зазвонил мобильник Контроля, еще опиравшегося о сиденье унитаза. Он вытащил телефон из кармана. Голос. Туалет представлялся идеальным местом, чтобы принять этот звонок. Когда дверь туалета захлопнулась, холодный фаянс показался утешой. Как и крохотные холодные голубые

плиточки пола. Даже смутный аромат мочи. Все это. Вместе. И по отдельности.

Почему в мужском туалете нет зеркал?

— В следующий раз отвечайте на мой звонок, *когда я звоню*, — предупредил Голос, подразумевая, что он(а) — человек занятой, в тот самый миг, когда Контроль заметил мигающий огонек, означающий, что ему пришло сообщение.

— Я был на совещании. — Я смотрел видеозаписи. Я говорил с биологом. Я жрал собственную печеньку, скормленную мне заместительницей директора по вашей же милости.

— Ваш дом в порядке? — спросил Голос. — Он в порядке?

Две тысячи белых кроликов, загоняемых гуртом к невидимой двери. Растение, не желающее погибать. Невозможный видеоматериал. Гипотез больше, чем рыбы в море. В порядке ли дом? Как-то странно это Голос сформулировал, словно они говорят шифром, ключа к которому у Контроля нет. Однако от этого он ощущал уверенность, хоть это и было контринтуитивно.

— Вы там? — отрывисто спросил Голос.

— Да. Да, мой дом в порядке.

— Тогда что у вас есть для меня?

Контроль дал Голосу краткую сводку.

Голос минутку поразмыслил об этом, а затем спросил:

— Значит, у вас уже есть ответ?

— На что?

— На загадку, стоящую за Зоной Икс, — Голос издал странный жестяной смешок. Хау-хау-хау. Хау.

Довольно этого.

— Хватит пытаться отрезать Грэйс от ее контактов в Центре. Это не работает и осложняет дело, — сказал Контроль. Помня ее бережность при подготовке видео первой экспедиции, чересчур вымотанный ленчем, чтобы успеть переварить это. Двойником отвращения Контроля к явно неадекватной и экстремистской тактике Голоса внезапно вспыхнуло убеждение — надо признать, иррациональное, — что Голос как-то повинен в том, что он застрял посреди Южного предела. Если Голос — на самом деле его мать, то в этом он совершенно прав.

— Послушайте, Джон, — прорычал Голос, — я перед вами не отчитываюсь. Это вы отчитываетесь передо мной, и не забывайте об этом. — Это должно было прозвучать с убеждением, но прошло мимо цели.

— Хватит пытаться, — повторил Контроль. — Вы вредите мне — она знает, что вы пытаетесь. Просто перестаньте.

— Опять-таки я перед вами не отчитываюсь, Контроль. Не говорите мне, что делать. Вы просили меня это уладить, и я пытаюсь это уладить. — Отдача заставила Контроля отвести телефон подальше от уха.

— Вам известно, что я смотрел видео первой экспедиции нынче утром, — произнес он. — Оно меня вставило. — В качестве потуги на извинение. Этому научил его дедушка: переадресовывай, с виду разделяя горести собеседника. С ним самим так поступали невесть сколько раз.

Но почему-то Голос это лишь взбеленило.

— Думаете, это сраное оправдание того, что вы не делаете свое дело. Смотрели видео? Так вытащите голову из собственной жопы и в следующий раз дайте

мне настоящий отчет — и тогда, быть может, у меня будет гораздо больше охоты выполнить ваши пожелания так, как вам взбрэндилось. Усек, долболов?

Матерщина прозвучала с диковинными запинками, словно Голос был порнографом, где в сценариях значились только слова «трахаться», «гребаный», «жопа» и «долболов». Но Контроль усек. Голос — говнюк. У него уже были боссы-говнюки. Если только реальный Голос не взял передышку, а это заместитель, пытающийся импровизировать. Мегалодон в бешенстве. Мегалодон недоволен. Мегалодон во гневе.

Так что он, уступив, испустил какие-то примиреческие звуки. Потом, углубив, поведал байку о своем «прогрессе» — историю, структурированную и состряпанную не как горестное, запинающееся на каждом шагу черт-знает-что, а как аналитическое, нюансированное «путешествие», интерпретировать которое можно как наделенное началом и серединой, неуклонно продвигающими его к удовлетворительному окончанию.

— Хватит! — оборвал Голос в какой-то момент.

Позже:

— Так-то лучше. — Контроль не мог толком угадать, смягчились ли интонации терки-трущейся-о-терку. — Покамест продолжайте собирать данные и допрашивать биолога, но надавите на нее пожестче.

Уже надавил, не проканало. Выуживание информации — зачастую долгосрочный проект, требующий прислушиваться к несущественным пустякам, проскочившим лишь на миг.

После очередной паузы Голос сказал:

— Я располагаю информацией, которую вы запрашивали.

— Какой информацией? — Растение, мышь или?..

— Я могу подтвердить, что директриса пересекала границу.

Контроль резко выпрямился на сиденье унитаза. Кто-то робко постучался в дверь. Придется им обождать.

— Когда? Прямо перед последней одиннадцатой экспедицией?

— Да. Совершенно несанкционированно, не поставив никого в известность и не испросив ничьего позволения.

— И это сошло ей с рук.

— Что вы имеете в виду?

— Ее не уволили.

Пауза, затем Голос сообщил:

— Несомненно, ее *следовало* освободить от должности. Однако нет, ей дали испытательный срок. Ее место на шесть месяцев заняла заместительница директора, — нетерпеливо, словно все это не имело значения.

И что он должен с этим делать? Наверное, попросить связать его с матерью. Потому что кто-то в верхах наверняка должен был знать, что директриса отправляется через границу, а потом кто-то прикрыл ее, когда вернулась.

— Вам известно, сколько она там пробыла? Есть ли рапорт о том, что она обнаружила?

— Три месяца. Никакого рапорта.

Три месяца!

— Ее должны были допрашивать. Рапорт должен быть.

Куда более долгая пауза. Может, Голос консультируется с другим Голосом или Голосами?

Наконец Голос сдал позиции по этому пункту:

— Имеется отчет о разборе. Могу выслать вам копию.

— Известно ли вам, что она считала, будто граница наступает? — осведомился Контроль.

— Я в курсе этой гипотезы, — подтвердил Голос. — Но это не ваша забота.

Как это не его забота? Как это субъект, назвавший его долболовом, перескочил к употреблению фраз вроде «не ваша забота»? Голос — скверный актер, заключил Контроль, или у него скверный сценарий, или это было намеренно.

В конце беседы он — без какой-либо видимой причины — отпустил шутку:

— Что такое: коричневое и липкое?

— Это я знаю, — отзвался Голос. — Липа.

— Дерьмо.

Отбой.

* * *

«Ну-ка, проверь сиденья на мелочь, Джон». Контроль, снова в своем кабинете, изнуренный, захвачен врасплох странными вспышками воспоминаний. Коллега на его последнем посту, придя к нему после презентации, говорит обвиняющим тоном: «Ты мне противоречил». Нет, я *не соглашался* с тобой. Женщина в колледже, брюнетка с широким лицом и красивыми карими глазами, аж больно, в которую он втюрился на элементарной математике, но когда преподнес ей

стихотворение, она сказала: «Да, но танцуешь ли ты?» Нет, я пишу стихи. Я стану каким-нибудь шпионом. Один из профессоров колледжа, преподававший политологию, заставлял их писать стихи, чтобы «разогнать кровь в жилах». Однако изрядную часть времени он учился, ходил на стрельбище, тренировался, используя вечеринки, чтобы наработать опыт мимолетных отношений жизнь напролет.

— Ну-ка, проверь сиденья на мелочь, Джон, — сказал дедушка Джек. Ему было двенадцать, он наведался к матери на север ради редкой побывки, не предусматривавшей вылазку в хижину или на рыбалку. Они только-только подыскивали точку равновесия, под разводом еще не подвели черту.

В выходные днем, в трескучий мороз, Джек выкатил машину, которую называл «прокачанной», выведя ее из спячки, потому что вынашивал секретный план свозить Контроля на показ женского белья в местном универмаге. Контроль имел лишь смутное представление, что это означает, но чувствовал какую-то неловкость. Ехать ему не хотелось прежде всего из-за дочки соседа, его ровесницы, в которую он втрескался по уши еще летом, но отказать дедушке было непросто. Тем более что дедушка еще никуда не брал его без матери.

Так что Контроль обыскивал сиденья на предмет мелочи, пока дедушка прогревал ярко-синюю прокачанную тачку,остоявшую на морозе два часа, пока дедушка разговаривал в доме с его матерью. Но Контроль думал, что заодно дедушка заново знакомится с тайнствами манипуляций с машиной. Печка дышала жаром, и Контроль в пальто вспотел. Он обшаривал

сиденья с энтузиазмом, гадая, не оставил ли дедушка немножко денег намеренно. С деньгами он мог бы купить соседской девчушке мороженое. Он все еще не переключился с летнего режима.

Никаких денег, только катышки ворса, скрепки, клочок-другой бумаги да что-то холодное, гладкое, липкое, в форме крохотного мозга, от которого он шарахнулся — старая жвачка. Разочаровавшись, он распространил поиски с длинного заднего сиденья на темную пещеру под передним пассажирским. Неуклюже просунул туда руку, чтобы можно было вертеть кистью туда-сюда, и наткнулся на что-то объемистое, но мягкое, приkleенное там липкой лентой. Нет, не мягкое — просто завернутое в тряпку. Немного помудрив и подергав, он сумел оторвать эту неуклюжую тяжелую штуковину, с глухим стуком упавшую на пол автомобиля. Повеяло металлом и смазкой. Контроль поднял сверток, размотал тряпку и отпрянул на спинку сиденья, держа ребристый холодный предмет в сложенных чашей ладонях... чтобы наткнуться на пристальный дедушкин взгляд.

— Что это у тебя там? — спросил стариk. — Где ты это нашел? — Тогда Контроль счел оба вопроса глупыми, а позже — еще и ханжескими. На лице Джека, обернувшегося посмотреть, держа руку на руле, было написано чуть ли не вожделение.

— Пистолет, — сказал Контроль, хоть дедушка и сам это видел. Позже ему помнилась в основном вороненая чернота оружия, чернота абриса и недвижность, будто принесенная им с собой.

— Похоже, «колт» сорок пятого калибра. Тяжеленький, правда?

Контроль кивнул, уже немного напуганный. Он совсем взмок от жары. Он уже нашел пистолет, но выражение лица у дедушки было как у человека, ожидающего, когда врученный им подарок развернут и подымут повыше, — а Контроль был слишком юн, чтобы чуять опасность. Но он уже принял неверное решение: не следовало садиться в эту машину вообще.

Какой псих даст подростку пистолет, пусть даже незаряженный? Эта мысль пришла ему в голову сейчас. Быть может, псих, который будет не прочь вернуться с заслуженного отдыха в своей отдаленной хижине, чтобы снова поработать на Центр, заправляя собственным внуком.

* * *

Ближе к вечеру. *Пробуй. Пробуй снова.*

Контроль и биолог стояли рядом, опираясь на крепкую деревянную ограду, отделявшую их от отстойного пруда. За спинами у них осталось здание Южного предела, гравийная дорожка, протянувшаяся через газон, как покрытая рябью черная река. Лишь они двое... и трое членов службы безопасности, доставившие ее. Они рассеялись на расстоянии футов тридцати, сориентировавшись так, чтобы прикрыть все возможные пути бегства.

— Они что, думают, что я удеру? — поинтересовалась у него Кукушка.

— Нет, — ответил Контроль. Если бы она удрала, вину Контроль возложил бы на них.

Отстойный пруд оказался длинным и примерно прямоугольным. Внутри ограды, на дальнем берегу, лежал на боку ближе к болоту подгнивший сарай.

У сарая высилась худосочная сосна, полузадушенная проржавленной рождественской гирляндой. А воду душили ряска, гортензии и кувшинки. Стрекозы неустанно патрулировали серую, а местами и черную воду. Лягушки оглашали прогноз дождя так истошно, что заглушали сверчков, а от полоски травы и кустов по ту сторону пруда доносились чириканье и суматоха крапивников и славок.

Посреди пруда мрачно и безмолвно стояла одиночная большая голубая цапля. Грозовые тучи все сгущались, и ее перья в меркнущем свете выглядели тусклыми.

— Я должна поблагодарить вас за это? — осведомилась Кукушка. Они опирались о верх ограды. Ее левая рука была чересчур близко к его правой. Контроль чуточку отодвинулся.

— Не благодарите никого за то, что уже должны иметь и без того, — сказал он, что повлекло полуоборот ее головы в его сторону и вид одной приподнятой брови над задумчивым глазом и ничего не говорящим ртом. Что-то этакое говорил его дед с отцовской стороны, когда еще продавал прищепки, обивая пороги. — Клювачи исчезли не из-за меня, — добавил он, потому что первое говорить не намеревался.

— Еноты — наихудшие разорители их гнезд, — сообщила она. — Знаете ли вы, что они пережили последний ледниковый период? Дальше к югу они гнездятся целыми колониями, но в этом регионе подвергаются угрозе исчезновения, и потому более одиночки.

Контроль навел справки: клювачи уже должны были вернуться, если собирались. Они склонны возвращаться на одни и те же места.

— Я могу дать вам лишь минут тридцать-сорок, — констатировал он. Теперь то, что он привел ее сюда, казалось чудовищной поблажкой, возможно, даже представляющей опасность, хотя он и не мог сообразить, для кого именно. Но после утреннего сеанса он не мог оставить все как есть.

— Терпеть не могу, когда тут косят и пытаются выловить ряску, — проронила она, игнорируя его.

Контроль не знал, чем на это ответить. Это всего лишь отстойный пруд, подобный тысячам других. Он вовсе не призван быть биотопом. Впрочем, ее нашли на заброшенной стоянке.

— Смотрите, там еще есть головастики, — указала она с выражением лица, приближающимся к удовлетворению. Контроль начал понимать, что держать ее в четырех стенах было жестоко. Быть может, теперь она не станет рассматривать разговор с ним исключительно как допрос.

— Тут славно, — заметил он — просто чтобы что-нибудь сказать, но было действительно славно. И еще лучше оттого, что он догадался покинуть здание. Собирался порасспросить ее, но сильный запах дождя и то, как вдали темное небо застлала стремительно приближающаяся завеса ливня, отбило эту охоту.

«Спросите ее о директрисе, — велел Голос. — Спросите, упоминала ли та, что уже побывала за границей». Голос отгородился от этого. Ты голограмма. Ты конструкция. Я буду метать харч за борт, пока ты не

остервенившись до такой степени, что не сможешь толком плавать.

Кукушка подтолкнула носком туфли большого черного жука. Он лихорадочно, неустанно метался между штакетинами туда и обратно.

— Знаете, почему они так себя ведут?

— Нет, не знаю, — признался Контроль. За последние четыре дня он понял, как много всего не знает.

— Тут просто распылили инсектицид. Я его чую. На его панцире можно разглядеть следы пены. Он не только убивает их, но и дезориентирует, из-за него они не могут дышать. Они впадают в состояние, которое можно назвать паникой. Продолжают искать путь бегства от того, что уже находится внутри них. Под конец они успокаиваются, но лишь потому, что им уже не хватает кислорода, чтобы двигаться.

Она подождала, пока жук окажется на ровном участке земли, а потом опустила туфлю, резко и сильно. Послышался хруст. Контроль отвел взгляд. Прощая подругу, которая чем-то его огорчила, отец однажды сказал, что она слышала иную музыку.

«Спросите ее о заброшенной стоянке», — велел Голос.

— Как, по-вашему, почему вы в конце концов оказались на заброшенной стоянке? — спросил Контроль, главным образом, чтобы ублажить аудиторию. Любой из троих может доложиться потом Грейс.

— В конце концов я оказалась здесь, в Южном пределе, — в голосе ее появились нотки настороженности.

— Что то место означает для вас? — То же самое, что это, или больше?

— Не думаю, что я должна была оказаться именно там, — помолчав, промолвила она. — Просто ощуще-

ние такое. Помню, очнулась и минуту не могла понять, где я, а когда поняла, то была разочарована.

— Как разочарованы?

Кукушка пожала плечами.

Зигзаги молний вычерчивали в небесах фантастические страны. Гром докатился, как глас осуждения.

Спроси ее, не оставила ли она что-нибудь на пустынной стоянке. Это его вопрос или Голоса?

— Вы там что-нибудь оставили?

— Нет, насколько помню, — ответила она.

Контроль сказал фразу, отрепетированную заранее:

— Скоро вам потребуется быть более определенной в том, что вы помните, а что нет. Вас отсюда заберут, если я не добьюсь результатов. И у меня не будет права голоса в том, куда вас пошлют, если это произойдет. Там может быть хуже, чем здесь, намного хуже.

— Я вам не говорила, что я не биолог? — она прогонила это вполголоса, но с нажимом.

Спроси ее, кто она на самом деле.

Он не мог не поморщиться, хотя был совершенно искренен, когда говорил, что она ничем ему не должна за прогулку к пруду.

— Я пытаюсь быть честной. Я не она... и что-то внутри меня такое, чего я не понимаю. Это вроде... блистания... внутри.

В медицинских сводках — ничего, не считая повышенной температуры.

— Это называется жизнью, — прокомментировал Контроль.

На это она не рассмеялась, а тихонько вымолвила:

— Не думаю.

Если у нее внутри «блитание», то у него — соответствующая темень. Дождь приблизился. Порыви-

стый ветер унес сырость, погнал по поверхности пруда рябь и с посвистом стал прорываться сквозь все щели сарая, раскачивая чахлую рождественскую сосновку туда-сюда.

— Вы тут один-одинешенек, а, Джон?

Ему не пришлось отвечать, потому что дождь хлынул стеной. Контроль хотел поспешил обратно, чтобы не промокнуть, но Кукушка его не поддержала, наставив на медленной, задумчивой походке, позволяя воде сечь ей лицо, сбегать по шее и промочить ее рубашку.

Голубая цапля даже не шелохнулась, сосредоточившись на какой-то добыче под поверхностью пруда.

ХИМЕРЫ

000:

Теперь в его сне небо стало темно-синим, лишь с пролеском света. Он взирает с воды на высящийся над собой утес. Видел силуэт кого-то смотревшего на него с вершины... видел, как тот наклоняется через край, чтобы поглядеть — дальше, чем под силу любому человеку, но продолжает наклоняться под все более резким углом, роняя камешки, барабанящие по воде вокруг него. Он же завис в ожидании, там, у подножья утеса, циклопический и неузнаваемый среди прочих чудовищ. Ожидая во тьме беззвучного падения, без всплеска или ряби.

020: ВТОРОЙ ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

Воскресенье. Шило, всаженное в мозг, уже обросло ореолом тупой, но неотступной головной боли, излучающейся вперед из пульсирующего нарыва в задней части черепа. Этакий вариант пульсирующего силового поля спутника, защищающего от всего более враждебного, что может свалиться на его угасающую орбиту.

Чашка кофе. Усеянная крошками пластиковая стойка с видом на грязную улицу через чистое окно. Шаткий деревянный табурет в комплекте с трясущимися руками, пытающимися удержать его ровно. Смутная память о дешевом дезинфицирующем средстве, возносящемся с пола, стискивающем горло. Женщина повторяла заказ за ним, а он пытался растечься по стойке так, чтобы никто из покупателей в очереди позади него не мог к нему присоединиться. Судя по виду вешалки слева от него, кое-кто пришел зимой, да так и не ушел.

Голос, слабый и прерывающийся, но зато настойчивый, из многовекового прошлого: «Ваш дом в порядке? Ваш дом в порядке? Скажите мне, пожалуйста, ваш дом в порядке?»

В порядке ли его дом?

Контроль не переодевался и не мылся в душе уже два дня. Он чуял собственный насыщенный запах, будто мускус какого-нибудь животного, ценимого звероловами. Себя, в баре вчера вечером, пойманного в отражениях ряда зеркал, изловленного каждым, вовсе не поддерживающего гипотезу Уитби о параллельных вселенных. Решающего, не стрельнуть ли еще одну ядреную сигарету без фильтра у посетителя слева. Решающего, идти домой или нет. Или нет.

Поры на лбу снова выдавили пот, отзываясь на мольбы все более жгучего солнца Хедли, шпарящего сквозь окно, а вентиляторы кофейни оказались слабоваты. Дождь, шедший со вчерашнего дня до полуночи, оставил большие лужи, полные крошечных бурых тварей вроде креветок, сворачивающихся клубком и

погибающих в агонии цвета ржавчины, когда вода испаряется.

Контроль затормозил в конце Эмпайр-стрит, где она пересекает дальний-предальный конец Мэйн-стрит. Когда он был подростком, эта кофейня была ретро кафе-мороженым, чуточку на манер сети «Вулворт», по которой он тоже скучал. Он сидел тогда в кондиционированной атмосфере за стойкой у окна с парой друзей и радовался мороженому и корневому пиву, неся уйму вздора о девчонках и спорте. То было славное время, своего рода островок безопасности. Но со временем пуританские богемные тусовки так называемого железнодорожного района узурпировали жулики, мошенники, наркоманы и бездомные, которым больше некуда было податься.

Сквозь окно, дожинаясь звонка, в поступлении которого не сомневался, Контроль препарировал повседневную терруарную пьеску через улицу, перед дисконтным винным магазином. Двое скейтбордистов, столь противоестественно худые, что напоминали оголодавших борзых, стояли там на углу в футболках, потрапанных джинсах и пятилетних кроссовках, но без носков. У одного из них была бурая шавка на пеньковом поводке, рассчитанном на куда более крупного пса.

Он видел двух скейтбордистов, когда бегал, не так ли? Было темно, так что Контроль не был уверен, что это именно они. Но возможно. Подзаржал он для внешнего наблюдения.

За те минуты, пока Контроль смотрел, к ним присоединилась женщина, которой он явно прежде не видел. Высокая, в синей армейской фуражке на крашено-

ных в рыжий цвет коротких волосах и синей куртке с длинными рукавами и золотой бахромой на плечах и обшлагах. Белая маечка под курткой не прикрывает голый живот. Синие форменные брюки с более тусклыми золотыми лампасами доходят до середины икр, а ниже видны босые грязные ступни с ярко-алыми пятнами лака для ногтей. Это напомнило Контролью наряд, в котором могла щеголять какая-нибудь рок-звезда в конце восьмидесятых.

С зардевшимся багровым лицом она оживленно, чуточку чересчур маниакально разговаривала со скейтбордистами, одновременно указывая вдоль улицы, но тут же бросалась к каждому подвернувшемуся прохожему, выразительной жестикуляцией повествуя какой-то замысловатый рассказ о невзгодах или логическое обоснование нужды. А может, даже подразумевая нечто большее. Прося денег? Пищи? Когда первые двое ее проигнорировали, она лишь махнула рукой, но скейтбордисты накинулись на нее из-за этого, и третьему она что-то орала вслед, словно он ей нагрубил. Побужденный этим к действию толстый чернокожий в сером полиэтиленовом плаще, слишком жарком для Хедли в любую пору года, выскочил из-за большого мусорного контейнера в дальнем конце фасада винного магазина, как чертик из табакерки, и набросился на человека, отшившего рыжеволосую. Контроль слышал матерщину даже сквозь стекло. Затем толстяк рухнул обратно на прежний пост, испарившись столь же быстро, как и был вызван.

Может, на женщине парик. Мужчина в плаще может не иметь к их маленькой шараде ни малейшего отношения. А может быть, Контроль уже совсем позабыл, как вести слежку.

Рыжеволосая, уже забыв о небольшой стычке, все еще в поле зрения Контроля, обогнула угол и встала лицом к уличному движению на Эмпайр в тени боковой стены винного магазина. К ней присоединился один из скейтбордистов, угостивший ее сигаретой, и оба, прислонившись к кирпичной стене, продолжили оживленную беседу. Контроль не уследил за вторым скейтбордистом, теперь вышедшим из винного магазина с открытой банкой собачьих консервов — Контроль прозевал нечто существенное насчет этого магазина, — и со скрежетом и лязгом вышиб их из банки в покосившуюся налево цилиндрическую кучку прямо перед фасадом магазина. Потом с помощью банки развалил башню на кусочки и почему-то запустил пустой банкой в черного толстяка, полуоткрытого от взгляда Контроля мусором. Никакой реакции на это не последовало.

Они то и дело приставали к посетителям кофейни или подходили ближе к витрине на его стороне улицы, но его присутствия, казалось, не замечали. Они не видели его более часа — или решили активно его игнорировать, словно Контроль был их целевой аудиторией, придавая действу подобие ритуала, разыгрываемого там, прямо перед ним. Что придавало всему этому более глубокое значение, хоть Контроль и знал, что может заблуждаться на сей счет, и притом опасно. Центр редко задействует любителей, хоть это и не значит, что подобное невозможно. «Нет ли у вас в уголке глаза чего-то такого, что вы не можете вытащить?» Еще одна загадочная фраза Голоса, больше всего похожая на завуалированное оскорбление.

Если сцена перед ним невинна, не может ли он скрыться в ней, перенестись с одной стороны стекла на другую? Или заговоры таятся даже в покупке собачьих консервов, в выклянчивании денег на выпивку? Вот уж заковыристости, которые могут ускользать от его рассудка.

* * *

Первым делом в субботу утром Контроль позвонил Голосу из дома. Пристроил на столе сбоку электронный гудок с приложенным к нему таймером и настроил таймер. Справа положил флюоресцентно-оранжевый листок с напоминаниями в комплекте с ручкой. Выпил стопку виски. Грохнул кулаками по столу — раз, второй, третий. Сделал глубокий вдох. И позвонил, переключив Голос на громкую связь.

Скрипы и шорохи, и только потом Голос дебютировал. Несомненно, на первом этаже в кабинете своего особняка. Или в подвале ночлежки. Или в амбаре на ферме, под прикрытием среди кур.

— Ваш дом в порядке? — спросил Голос. С этакой вялой медлительностью, словно мегалодон пробудился от летаргии в ледяных водах. Интонации Голоса звучали, как оскорбление: они выморозили Контроля еще больше, начав вытеснять трепет, уступивший место своеобразному омерзению, сдобренному своеобразием.

Глубокий вдох, а затем, предвосхищая все, что мог сказать Голос, Контроль зарядил вереницу выкриков матерщины самого похабного свойства, надрывая связки, пересмыкая их до боли. После изумленной паузы Голос гаркнул: «Довольно!» — а затем пробормотал что-то длинное, трепещущее и витиеватое. Кон-

троль потерял нить. Гудок взревел. Контроль встрепенулся, приходя в себя, прочел слова на оранжевом листке. Сверился с первой строкой. Снова выдал тираду сквернословия. «Довольно!» И снова Голос бормотал что-то, на сей раз влажное, короткое и увертливое. Контроль уплывал и уплывал, и забылся. Гудок взревел. Контроль увидел слова на оранжевом листке. Сверился со второй строкой. Матерщина. Бормотание. Парение. Врывающийся гудок. Контроль увидел слова на оранжевом листке. Галочка. Повтор. Промывка. Повтор. Пятый раз. Шестой. На седьмой раз сценарий изменился. Он скормил Голосу все лепечущие приыхательные, влажные, мягкие словечки, выуженные из шпаргалки директрисы. Услышал влажный всхлип и вскрик попадания в цель, затем неуклюже брошенные в него слова, но хлипкие, бессвязные, невразумительные.

Это оставило шрам. Он сомневался, что его заклинания оказали полное воздействие, но суть в том, что Голос знал и схлопотал неприятные переживания.

Гудок взревел. Контроль увидел слова на оранжевом листке. Покончено. С Голосом покончено. Им придется найти другого дрессировщика, не такого склонного к манипуляциям.

— Вот вам прикол, — сказал Контроль. — Какая разница между фокусником и шпионом? — И повесил трубку.

Материалы наблюдения за своими беседами с Голосом в среду и четверг он изучил в пятницу, после энергичной победки. Он проникся недоверием, подозрительностью к тому, как словно уходит в затмение и из затмения во время этих бесед, и тому, как

Голос просачивается в его мысли. С Чоризо на коленях, подав сигнал с ноутбука на телевизор, Контроль увидел, как Голос подает гипнотические команды, увидел себя, теряющего сосредоточенность, упывающего, чуть склонив голову к плечу, с трепещущими веками, пока Голос, ни на миг не теряя своей металлической, гортанной маскировки, отдавал ему приказы и внушения. Голос велел ему не тревожиться об Уитби, отложить свои заботы в сторонку, свести к минимуму, потому что «Уитби роли не играет». Но затем, позже, пошел на попятную и выразил к нему интерес, восходящий к странной комнате Уитби. Его что, притянуло к той потайной норе из-за какой-то сублиминальной информации? Упоминание о Грейс вкупе с приказом вернуться к ней в кабинет, а потом какие-то шатания насчет «слишком рискованно», когда Голос узнал о новых замках. Уйма раздражения по поводу записок директрисы и медленного продвижения их сортировки. Именно дезорганизованный рабочий процесс директрисы главным образом и побудил его задуматься, не было ли в этом хаосе некоего смысла. Не Голос ли даже *велел* Контролю выступить в агентстве «Контролем»? Он воспротивился безумию размышлений в этом направлении.

Пока Контроль чахнул под гипнозом, Голос обретал четкость восприятия и сосредоточенность — в других обстоятельствах не проявлявшиеся — и своего рода небрежную извращенность ума, поведав Контролю, что хочет, чтобы в следующий раз их беседа завершилась приколом, «выстреливающим в конце».

Насколько Контроль мог судить, он также служил для Голоса ходячим диктофоном. Голос вытягивал разговоры Контроля дословно, что объясняет, поч-

му он так поздно добрался домой в среду, хотя беседа казалась короткой. Он в экспедиции, засланной в Южный предел, и в точности как экспедициям в Зону Икс, правды ему не сказали. Он был прав, ощущая, что информация доходит до него с чрезмерными запинками. Что еще он делал, даже не подозревая об этом?

Поэтому он написал на флюоресцентно-оранжевом листке то, чего ни в коем случае не мог прозевать:

КОНТРОЛЬ, ГОЛОС ПОДВЕРГАЕТ ТЕБЯ
ГИПНОТИЧЕСКОМУ ВНУШЕНИЮ

_____ Отметь эту строку и ори матом. Перейди на строку ниже.

_____ Отметь эту строку и ори матом. Перейди на строку ниже.

Промывка, повтор, гудок, возврат в чувство, снова погружение. Пока последняя строка не сказала: «Отметь эту строку и повтори эти фразы» — все те фразы, что он нашел в столе директрисы. И фактически проорал.

Вы тоже взволнованы?.. Предоставить дополнительные альтернативы... Без движения нет размышления... Консолидация власти... Неоправданный риск... Вперед и вперед, уже не человек, а что-то другое, свободное и парящее....

Перегрузи систему, как не удалось ученым с белыми кроликами. Ввергни Голос в какой-нибудь коллапс.

Его предали, не было и минутки, чтобы он пребывал вне работы. Видел биолога у отстойного пруда,

они двое смотрели на сарай. Вел ее обратно в Южный предел, и тот поглотил их. Мать вела его за ручку по тропе к летнему коттеджу, дедушка ждал их, и загадочная улыбка обращала лицо его в тайну.

* * *

Панацея от его открытий, средство не думать о них, было своего рода миниатюрным самоуничтожением, пока он неустранимо странствовал с субботнего вечера до воскресного утра по небольшому, но пухленькому подбрюшью Хедли — каковое, насколько он мог судить, напрочь позабыло о существовании Южного предела. Он припоминал бильярдную: клацанье шаров, перестук и щелчки, приятственность выстеленных фетром луз, тьма, запах мела и сигарет. Попадание в биток восьмым ради шутки и меловой отпечаток ладони на заднице женщины в джинсах — что, как он подумал потом, хоть она и сама ее там отпечатала, на ладошку через край. Вскоре после того он удалился, не интересуясь, как он думал, банальностью зернистого утреннего солнца, просачивающегося в окна дешевого мотельчика, отпечатком тела на простынях, использованным презервативом на полу. Это версии для других, по крайней мере на тот момент, потому что представлялись чрезмерным трудом. Он все равно будет в том же месте. Все равно будет слышать Лаури из видео. Все равно будет видеть в рапиде, никак иначе, как Грейс протягивает ему содержимое своей шкатулки претензий. Его рассудок будет все равно скрежетать, скрючиваясь и расправляясь, сцепившись с Зоной Икс.

Он нашел себе приют на ночном сеансе в обветшалом кинотеатре со жвачкой и впитавшейся колой на

замызганном синем ковролине. Он был единственным посетителем. Вопреки вероятности, кинотеатр выжил с его юности по сей день. Фильм был жуткий, что-то вроде научной фантастики, где лакуны в сюжетной линии смахивали чуть ли не на вмешательство ино-планетян, ниспосланное из высших измерений. Но покой, прохлада заведения успокоили его издерганные нервы. Пока не настало время снова встать и проложить вихляющий путь к следующему бару, следя по тропе эпического хождения по кабакам, выведшей его на променад вдоль набережной. Не Чейни ли там стучал в дверь, спрашивая, в порядке ли он?

Он опрокинул в себя три стопки виски в заведении, издержавшемся настолько, что у него даже не было вывески. Хлебнул какой-то местной самогонки на вечеринке, на которую набрел недалеко от причала, где уже века назад смотрел за реку. Твердя себе снова и снова, что гипноз — пустяк, ерунда и ровным счетом ничего не значит. Ничегошеньки. Тоже мне, большое дело. Крохотное. Думал позвонить матери. Не мог. Хотел позвонить отцу. Невозможно.

Пришел в очередной бар уже пьяным, обнаружил себя в окружении призраков. Уже той ночьюглядел намеки на них — изгиб губы, пробудивший воспоминание, взмах ресниц, то, как кто-то навис над столиком. Эти туфли. Это платье. Но когда встречаешься с настоящим призраком — Сущностью Всецелой — этот шок... отнимает дыхание. Нет, не уносит его прочь — твое дыхание никуда не *девается*. Твое дыхание по-прежнему в тебе, но заперто, от него тебе никакого проку. Пощупай свой пульс лишь затем, чтобы бормотать зловещие предсказания на будущее. Так что, когда через мгновение приходишь в себя, первым де-

лом сомневаешься в собственной личности, потому что Фантом Всецелый сделал Контроля кем-то совершенно иным, нежели прежде, — застрявшим где-то на полдороге между личностью, которой он был, и личностью, которой должен был стать. А ведь это еще всего лишь только марево. Всего лишь женщина, с которой он был знаком в старших классах. Интенсивно. Впервые. Достаточно близко, чтобы Контроль каким-то образом ощутил, что вроде как проявил неуважение к биологу, этот наложившийся призрак разрушил его мнение о Кукушке. Хоть это и нелепо. И все это увлекало его все дальше и дальше от Южного предела.

Пытаясь удрать от остаточных явлений этого, очередной пункт картушки компаса его приключений — крайне ужраввшись и едва держась на ногах, он взгромоздился на табурет в байкерском баре, угнездившись рядом с заместительницей директора. И в два часа ночи во всем заведении царили ор и балаган. Оно разило мочой — насыщенно, словно кошки метили территорию. Контроль одарил ее слезящимся огарком улыбки вкупе с выразительным кивком. Она одарила его ничего не выражавшим нейтральным взглядом.

— Папка пуста. На нее ничего нет. — На кого? О ком он толкует? — Если бы вы могли низвергнуть меня в свое собственное специальное пекло, это бы все равно действовало и там — на всю жизнь, ведь правда?

На полпути через этот монолог он вдруг сообразил, что она вообще-то не может быть Грейс и, может статья, слова вообще не выходят из его уст.

Она подорвала его волю непредвзятостью своего немигающего взора.

— Вы не должны так смотреть, — добавил он. Должно быть, на сей раз вслух.

— Как? — отозвалась она, чуть повернув лицо в сторону. — Как на мужика, просравшего мозги и ввалившегося в мой бар? Иди в пекло.

Он вздыбился на табурете от такого предложения, пытаясь собрать мысли, как фигуры на шахматной доске.

Тяжесть, навалившаяся на грудь, во тьме и на свету. Он-то думал, что умнее. Думал, она увязла в устаревшем образе мышления. Но, как оказалось, новый образ мышления тоже не помогает. Пора снова выпить — где-нибудь еще. Броде как забыться. А потом перегруппироваться.

Удаляясь с мутной улыбкой, Контроль встретил ее взгляд, полный сомнения. Он делает успехи. Она отступила от него, отстраненная дуновением ветра из распахнувшейся двери бара и осуждающим взором уличных фонарей.

* * *

Контроль потер лицо, с неудовольствием ощущив щетину. Попытался прогнать туман из сознания, горечь с языка, боль из суставов. Он был убежден, что в какой-то момент Голос сказал ему: «Нет ли у вас в уголке глаза чего-то такого, что вы не можете вытащить? Я могу помочь вам извлечь это». Куда уж проще, если ты сам же туда это и сунул.

Женщина в мундире, наверное, наркоманка и нарвняка бездомная. Любителей используют для внешнего наблюдения, когда объект «из семьи», когда хочешь воспользоваться естественным ландшафтом — естественным терруаром — с максимальной выгодой или когда твоя фракция в полном прогаре или некомпетентна. Ему пришло в голову, что она не заме-

чает его как раз потому, что ей заплатили за то, чтобы она делала вид, что не замечает его.

Скейтбордист с собакой явно застолбил территорию на углу, деля ее с жирным пьяницей. Было в обоих нечто более натуральное — возможно, из-за элемента театральности: вытряхивание собачьих консервов на тротуар, не вписывающееся в представления о непривлечении внимания. Другой скейтбордист уходил и приходил несколько раз, но Контроль не видел, чтобы он передавал двоим другим наркотики, деньги или еду. Может, перепихнулся по-быстрому или стоял на стреме у какого-нибудь жулика рангом повыше, или был соглядатаем его матери, вписавшись в живую картину, но к ней не принадлежа. А может, не было вообще ничего, кроме троих людей, знакомых друг с другом и помогавших друг другу, и просто фортуна повернулась к ним задом.

Пребывание в одном месте настолько долго чревато тем, что, наблюдая, начинаешь ощущать, будто за тобой наблюдают, и потому внезапно раздавшийся звонок мобильника ничуть его не всполошил. Он этого звонка ожидал.

- Как я понимаю, ты плохо себя вел, — сказала она.
- И тебе привет, мать.
- Ты что там, уже на взводе? Голос такой, будто на взводе.
- Я в полном ажуре. Я как огурчик.
- Тогда почему кажется, что ты не в своем уме? — сказано это было отрывистым, профессиональным тоном, к которому она прибегала, чтобы скрыть эмоциональные атрибуты. Такое впечатление, что она «на посту» с ним, как и с любым другим агентом под ее началом.

— Я уже выкинул этот мобильник, мать. Так что и не думай снова подсунуть мне Голос. — Если бы она позвонила вчера, к этому моменту он бы уже орал.

— Мы всегда можем подыскать тебе другого.

— Коротенький вопросик, ма. — Она терпеть не может «ма» или «мам», с трудом терпит «мать», предпочла бы вообще Северенс, хоть он и ее единственный сын. Уж это-то он знает. — Если бы вы собирались послать кого-нибудь в какую-нибудь опасную экспедицию — скажем, в Южный предел, — как бы вы поддерживали их безмятежность и нацеленность? Какого рода инструменты вы могли бы пустить в ход?

— Вообще-то самые обычные, Джон. Хотя твой тон мне что-то не нравится.

— Обычные? Вроде гипноза, может, подстрахованного предварительной психологической обработкой в Центре. — Он не повышал голоса, как ни хотелось ему спустить всех собак. Ему нравилась стойка кофейни. Ему не хотелось, чтобы его отсюда попросили.

Пауза.

— Да, они могли бы сыграть свою роль, но только при условии соблюдения строгих правил и мер безопасности — и исключительно в интересах самого субъекта.

— А субъект может пожелать иметь право выбора. Субъект может предпочесть не быть големом. — Субъект может предпочесть не быть морской свинкой, знать, что его чаяния, желания и порывы — наверняка его *собственные* чаяния, желания и порывы.

— Субъект может не располагать сведениями или видением перспективы, связанными с этим решением. Субъект может нуждаться в прививке, вакцине.

- Против чего?
- Против несметного множества вещей. Хотя при первых же признаках назревания чего-то серьезного мы вытащили бы тебя и послали бы команду.
- Типа чего? Что вы сочли бы серьезным?
- Что бы ни случилось.

Как всегда, вопиюще непроглядно. Как всегда, принимая решения за него. Теперь он канализировал не только собственную досаду, но и раздражение отца, фантомы несчетного числа споров за обеденным столом или в гостиной. Он решил в конце концов все-таки перенести разговор на улицу, стоя в устье переулка чуть левее кофейни. Вокруг было не так уж много прохожих — вероятно, большинство еще в церкви или ширятся.

— Джек говорил, что если не дать оперативнику всей необходимой ему информации, с равным успехом можно оттяпать себе ногу, — изрек он. — Ваша операция в жопе.

— Но твоя операция не в жопе, Джон, — проговорила она с напором. — Ты по-прежнему там. Ты по-прежнему в контакте с нами. Со мной. Мы никуда не денемся.

— Дельное замечание, вот только я не думаю, что «мы» означает Центр. По-моему, ты имеешь в виду какую-то тайную фракцию внутри Центра, и притом неэффективную. Твой Голос наломал дров, пытаясь вывести из игры заместительницу директора. Дайте ей еще недельку, и я буду секретарем-референтом Грейс. — Или прицел был на то, чтобы заставить Грейс потратить уйму времени и внимания?

— Нет никаких фракций, только Центр. Голос пре-
бывает под сильнейшим давлением, Джон. А теперь
еще больше. Как и все мы.

— Черта лысого нет фракций. — Теперь он стал
Джеком, которого с темы не собьешь. «Черта лысого
нет». «Черта лысого не было». «Черта лысого ты ска-
жешь».

— Ты мне не поверишь, Джон, но я сделала тебе лю-
безность, поместив тебя в Южный предел.

Все напрочь позабыли определение слова «любез-
ность». Сперва Уитби, за ним Грейс, теперь его мать.
Он боялся, что голос ему изменит, и потому про-
молчал.

— Многие пошли бы на убийство ради этой долж-
ности, — сказала она.

На это ответа у него не нашлось. Пока они разго-
варивали, женщина исчезла, и перед фасадом мага-
зина стало пусто. В свое время винный магазин был
универсальным. Задолго до постройки Хедли здесь
было туземное поселение вдоль реки — как рассказы-
вал ему отец, — и его останки тоже лежат под фасадом
винного магазина.

А еще под магазином находится известняковый
лабиринт с водоносным слоем, узкими пещерами,
раками-альбиносами и люминесцентными пресно-
водными рыбами. В окружении раздавленных остан-
ков несметного числа существ, перегнивших в почву,
придавленную фундаментами строений. Не таким
ли было бы представление биолога об улице... что
увидела бы она? Вероятно, она увидела бы заодно
возможное будущее этого места — винный магазин,
разваливающийся под натиском флоры и погоды,

уподобляясь осевшим, обросшим мхом холмам близ Зоны Икс. Утрату, которую она не стала бы оплакивать. Или стала бы?

— Ты здесь, Джон?

Где ж еще ему быть?

В течение долгого времени Контроль носился с сокровенным образом тайного брата — или сестры — не биологического, а взятого матерью под крыльшко протеже, сопутствующего ей там и в том, что она делает. Вылепленного, выученного, выдрессированного и задействованного на исправление ошибок, наделанных Контролем. Порой он задавался вопросом — чувствуя себя особенно неуверенно или уязвимым, — что сей безупречный братец/сестра сделал бы в данной конкретной ситуации. Теперь же он пытался представить идеально выхоленного протеже входящим в Южный предел и забирающим у него бразды. Что эта личность сделала бы иначе? Что он(а) сделал(а) бы *прямо сейчас*?

А мать тем временем продолжала вещать, ринувшись вперед с утверждением, смахивающим на ложь.

— Но я звоню, главным образом, чтобы узнать, как дела, есть ли у тебя какой-то прогресс, — это попытка матери подточить его молчание извинением. С легким упором на *прогресс*.

— Ты в точности знаешь, что происходит. — Голос должен был поведать ей все, что Ему известно, вплоть до того, что Контроль пустил Его под откос.

— В самом деле, но я не слышала твою версию.

— Мою версию? Моя версия в том, что меня швырнули в змеиное гнездо с повязкой на глазах и связанными за спиной руками.

— Это немного мелодраматично, тебе не кажется? — сказал сполох света.

— Не так мелодраматично, как то, что ты сотворила со мной в Центре. У меня повыпадали часы, а то и целые сутки.

— Ничего особенного, — отзвалась она безучастным тоном, давшим ему знать, что ей эта тема прискучила. — Ничего особенного. Тебя готовили, укрепляли твою решимость, вот и все. Побуждали видеть некоторые вещи более отчетливо, а другие — менее.

— Вроде внедрения подложных воспоминаний или...

— Нет. Такого рода вещи сделали бы тебя столь дорогой моделью, которую никто здесь не мог себе позволить. Или позволить себе послать тебя в Южный предел.

Потому что всякий пошел бы на убийство ради этой должности.

— Ты мне лжешь?

— Лучше надейся, что нет, — ответила она с проливом оживления, — потому что сейчас я — все, что у тебя есть, и все по твоей же милости. Кроме того, ты бы никогда толком не разобрался. Ты из тех, кто всегда срывает покровы один за другим, даже когда никаких покровов нет. Так что принимай за чистую монету то, что говорит тебе бедная многострадальная мать.

— Я тебя вижу, мать. Я вижу твое отражение в витрине. Ты прямо за углом, смотришь, правда ведь? Это не просто твои подручные. Ты тоже в городе.

— Да, Джон. Вот откуда это металлическое эхо. Вот почему ты будто пропускаешь мои слова мимо ушей, потому что слышишь их дважды. Очевидно, я перебиваю сама себя.

Он вдруг подвергся какому-то волновому эффекту, чувствуя, как удлиняется и сокращается. В горле пересохло.

— Могу ли я тебе доверять? — спросил он, чувствуя, что эти словопрения у него уже в печенках сидят.

Должно быть, до нее докатилось нечто искреннее и открытое в его интонациях, потому что она, отказавшись от отстраненного тона, промолвила:

— Конечно же, можешь, Джон. Ты не можешь доверять тому, *как* я попадаю куда-либо, но ты должен доверять тому, что я знаю, куда направляюсь. Я всегда знаю, куда направляюсь.

Это не помогло ему ни на йоту.

— Ты хочешь, чтобы я тебе доверял? Тогда скажи мне, мать. Скажи мне, кто был Голосом.

Если она не скажет, он ощущал порыв просто скрыться в подбрюшье Хедли, слиться с пейзажем и больше не возвращаться.

Ее колебания напугали его. Похоже, это по-настоящему, а не отрепетированное действие. Насколько скверно обстоят дела в Центре, раз она колеблется даже теперь?

Затем:

— Лаури. Честно, как перед Богом, Джон. Голосом был Лаури.

Вовсе не отдаленный на тридцать лет. А дышавший Контролю в ухо.

— Сукин сын.

Изгнанный и все-таки возвращающийся через видео, которые будут проигрываться в его голове до скончания века. Преследующий его по-прежнему.

Лаури.

«Ну-ка, проверь сиденья на мелочь, Джон». Дедушка Джек смотрел, как он держит пистолет.

Раздался резкий стук в окно. Мать, наклонившаяся, чтобы заглянуть сквозь окно. Хоть оно и запотело, Контроль сразу понял, когда она увидела пистолет у него на коленях. Дверца резко распахнулась. Пистолет внезапно исчез, Джек был извлечен за ушко да на солнышко с другой стороны и уселся на бордюр перед машиной, а мать встала над ним. Контроль, рискнув чуть опустить заднее стекло, подался вперед, чтобы лучше их видеть через переднее ветровое стекло. Она тихонько говорила с дедушкой, стоя перед ним, скрестив руки и устремив взгляд строго вперед, словно он стоит перед ней на уровне глаз. Куда девался пистолет, Контроль не видел.

Мать буквально излучала угрозу. Такой подобравшейся он ее еще ни разу не видел. Пусть голос ее был негромок, и Контроль не слышал большую часть из того, что она говорила, но интонации и стремительность речи были подобны мясницкому ножу, режущему сырое мясо без малейших усилий. Дедушка в ответ лишь как-то по-особенному кивал, словно его теснила некая невидимая сила или мать его толкала обеими руками.

Она расплела скрещенные руки и опустила голову, чтобы поглядеть на дедушку, и Контроль услышал:

— Не таким образом! Не таким образом. Ты не можешь понудить его к этому. — Контроль почему-то даже не понял, говорит она об оружии или секретном плане дедушки отвезти его в универмаг.

Затем она прошла обратно к машине, чтобы забрать его, а дедушка сел за руль и медленно покатил

прочь. Контроля накрыла волна облегчения, когда они вошли обратно в дом. Теперь ему не надо идти на показ женского белья. Может, чуть позже удастся наведаться к соседям.

Мать высказалась об этом инциденте лишь однажды, когда они вернулись в дом. Сняли пальто, вошли в гостиную. Она, взяв пачку сигарет, закурила. Со своими пышными, волнистыми волосами, изящными чертами, в белой блузке с красным шарфом, черных брюках со стрелками и на высоких каблуках она выглядела, как курящая журнальная модель. Взбудораженная модель. Теперь он постиг очередную неведомую для себя вещь, помимо факта, что она способна яростно сражаться за него: он и не знал, что она курильщица.

Вот только она обратилась к нему, словно он и был во всем виноват.

— Что ты себе думал, черт возьми, Джон? Какого черта ты думал?

Но он вовсе ничего и не думал. Он видел, как девушка подмигнула, упомянув о показе в универмаге, ему понравилось, что человек, бывающий суровым, а то и осуждающим, доверяется ему, верит, что он сохранит секрет от матери.

— Не касайся оружия, Джон, — вещала она, расхаживая взад-вперед. — Никогда даже пальцем оружия не касайся. И не делай все дурацкие вещи подряд, которые говорит тебе дедушка.

Позже он решил игнорировать первую заповедь — и даже именовал свои разнообразные виды оружия «дедулями» или «дедушками», — но придерживался второй, — вероятно, куда более важной. Он поль-

зовался оружием, но не любил его и не полагался на него. Оно пахнет собственными перспективами.

Контроль ни разу не обмолвился об этом отцу ни словом — из страха, что тот воспользуется этим против матери. И лишь много позже сообразил, что вся эта поездка была ради оружия — или находки оружия. Что, вероятно, она послужила своего рода испытанием.

Уже в кофейне, когда мать дала отбой, у него закралась мысль, что, может статься, гнев матери из-за оружия сам по себе был живой сценой, террором, с Джеком и Джеки в роли соучастников, актеров в сценке, призванной уже тогда, в юные годы, как-то повлиять на него или откорректировать его курс. Начать своего рода индоктринацию в семейную империю.

Больше он не был уверен, что способен определить разницу. Башня может стать колодцем. Допрос биолога может стать западней. Член экспедиции может вернуться даже тридцать лет спустя в образе голоса, шепчущего ему на ухо странную фигню.

Что он должен был найти и что он раскапывал по собственной воле? Больше он не был уверен, что способен определить разницу.

* * *

Наконец, добравшись домой в воскресенье вечером, он проверил свои записи разговора с матерью и ощутил безмерное облегчение, не обнаружив ни пробелов, ни свидетельств, что мать тоже водит его за нос.

Он верил, что в Центре раздрай и что им заправляла какая-то фракция под гипнотическим внушением. Теперь же потолок несомненно рушится на подпольный фундамент, и мегалодон весь на нервах среди по-

трескавшихся стен своего аквариума. Грейс его турнула. Слила. А затем то же самое сделал Контроль.

— Только у Лаури достаточно полезного опыта работы и в Южном пределе, и в Зоне Икс, — вещала ему мать, талдыча и талдыча о Лаури, Контролю же казалось, что исторический персонаж на портрете вдруг ожила, дабы явиться во плоти. Сломанный, чудаковатый, вылеченный исторический персонаж, утверждавший, что не помнит ровным счетом ничего из того, что уже запечатлено на видео. Возможно, повышенный в должности только из жалости, раскаяния или по какой-то иной причине, не имеющей к его компетентности ни малейшего отношения.

— Лаури — говно, — чтобы прекратить ее словоизлияния о нем. Только то, что ты выжил, что тебя провозгласили героем, вовсе не значит, что ты заодно не можешь быть говном. Должно быть, она была в отчаянии, не имела выбора.

— Я знала, что могут быть вещи, которые ему ты скажешь, а мне нет. Мы знали, что будет лучше, если ты не будешь знать... сделав кое-какие нужные нам вещи.

Гнев боролся с удовлетворением, что он их выкупил, что по меньшей мере одна переменная устранена. Необходимость знать больше уравновешивалась с ощущением, что он уже и без того ошеломлен. И все это на фоне попыток игнорировать тревожную новую мысль: что власть матери не безгранична.

— Может, ты мне чего-то недоговариваешь?

— Нет, — ответила она. — Нет. Миссия все та же: выяснить, что происходит без нашего ведома. Сфокусируйся на биологе и пропавшей директрисе.

Так это и была миссия? Может, миссия Голоса, теперь доставшаяся ему, предположил Контроль. Пред-

почел принять ложь, что все сказанное ею — чистейшая правда, хотя, пожалуй, худшее уже позади. Он снял оковы. Принял все, чем Грейс могла в него швырнуть. Видел видео.

Выйдя в кухню, Контроль налил порцию виски — единственную за день — и опрокинул одним глотком, теша себя лукавой идеей, что это поможет уснуть. Ставя пустой стакан обратно на стойку, заметил мобильник директрисы рядом со стационарным аппаратом. В своем корпусе он по-прежнему напоминал большого черного жука.

Накатило дурное предчувствие, а следом воспоминание о шарканье по крыше на прошлой неделе. Взял кухонное полотенце, подхватил им телефон, распахнул заднюю дверь с Чорри, следующим по пятам, и швырнул полотенце вместе с телефоном глубоко во мрак заднего двора. Ударившись о дерево, тот кувырнулся во тьму высокой травы на границе участка. Пошел на хер, телефон. Не возвращайся. Можешь присоединиться в телефонной загробной жизни к мобиле Голоса/Лаури. Лучше уж чувствовать себя параноиком или придурком, чем быть не в своем уме. И почувствовал себя реабилитированным, когда Чорри-Чоррикинс отказался последовать за телефоном, предпочитая остаться в доме. Хороший выбор.

021: ПОВТОРЕНИЕ

Когда наступило утро понедельника, Контроль не отправился прямиком в Южный предел. А вместо того предпринял путешествие к директорскому дому — посмотрел дорогу в Интернете, сунул пистолет в кобуру и выкатил на шоссе. Это дело стояло у него в списке

для исполнения по окончании сортировки список в кабинете, просто чтобы убедиться, что люди Грейс действительно вычистили дом настолько тщательно, как она утверждает. Подтверждением манипуляций Голоса/Лаури — а если на то пошло, то и матери — оставалось ощущение безразличия, что-то зудевшее на заднем плане. Что до ответов, то Лаури не продвинул его ни на шаг, не окказал реального воздействия — им манипулировал некто неприкосновенный и эфемерный. Лаури, прикрывающийся Голосом, доимающий Южный предел издали. Теперь Контроль пытался слить их в единую личность, единое намерение.

Уже тронувшись в путь, испытал порыв не возвращаться в Южный предел вообще — притом миновав директорский дом стороной — и, свернув на проселок, поехать к отцовскому дому, милях в пятидесяти западнее. Но удержался. Владельцы новые, скульптур на заднем дворе не осталось. После папиной смерти все разъехались по хорошим домам с дядьками и тетками, племянницами и племянниками, хоть он и чувствовал, будто пейзаж лет его становления разбирают кусочек за кусочком. Так что там никакого утешения. Никакой реальной истории. Некоторые из его родственников живут в этом районе, но связывал их воедино именно отец, и большинство из них он не видел с юношеских лет.

Население Бликерсвилля около 20 тысяч — в самую пору, чтобы городок обзавелся парочкой приличных ресторанов, небольшим центром искусств и тремя кварталами городского центра. Этот размер идеален и для поддержания сегрегации, и директриса жила в округе, где белые лица в диковинку. Уйма со-

сен, дубов и магнолий с развесистыми кронами, сильно обросших мхом, ухабистую дорогу усеивают мокрые ветки, поломанные грозой. Прочные кедровые и цементные дома, некоторые подцвеченные кирпичом, но по большей части бурые, синие или серые, с одной-двумя машинами на гравийных или усеянных сосной хвоей подъездных дорожках. Контроль миновал парочку общинных баскетбольных колец и сколько-то черных и латиноамериканских подростков на велосипедах, останавливавшихся и глазевших, пока он не уедет. До школы еще пара недель.

Дом директрисы находился в конце улицы под названием Стэндфорд на вершине холма. Решив перестраховаться, Контроль припарковался в квартале от него, на улице внизу, а потом пешком прошел в задний двор, нисходящий с холма к дому. Задний двор зарос нестриженными кустами азалии и массивными глициниями, некоторые из которых крепко обвились вокруг сосен. Позади рулонов металлической сетки чахла парочка квелых компостных островков. Изрядная часть травы пожелтела и засохла, обнажив корни деревьев.

Три бетонных полукруга играли роль террасы, усыпанной опавшей листвой и чем-то вроде прелого канареечного семени рядом с формой для пирогов, до краев полной грязной водой. Белые застекленные двери с прозеленью плесени позади этого послужат ему точкой входа. Одна проблема: ему придется вскрыть замок, поскольку он не подавал официального запроса на посещение. С той только разницей, что ему хотелось взломать замок, вдруг понял он. Ему не хотелось получить ключ. Когда он принялся возиться с принесенными инструментами, пошел дождь. Круп-

ные капли, с цокотом забарабанившие по опавшим за прошлую зиму листьям магнолии.

Он ощущал, что за ним наблюдают — наверное, поймав уголком глаза какое-то движение, — как раз в тот момент, когда ухитрился открыть дверь. Встал и обернулся налево.

В соседнем дворе, на порядочном расстоянии от изгороди из рабицы чернокожая девочка лет девяти или десяти с «грядками» на голове, переплетенными бусинами, настороженно взирала на него. На ней было платьице в подсолнухах и белые пластиковые сандалии с ремешками на липучках.

Улыбнувшись, Контроль помахал ей. В какой-то другой вселенной Контроль бежал, бросив свою миссию, но не в этой.

Девочка не помахала в ответ, но и не убежала.

Приняв это как знамение, он вошел внутрь.

Здесь не было ни души уже не один месяц, но в воздухе ощущалось какое-то коловращение, которое ему хотелось отнести на предмет то ли невидимого вентилятора, то ли только что отключившегося кондиционера. Вот только Грейс отключила электричество до возвращения директрисы, «чтобы сэкономить для нее деньги». Дождь уже настолько разгулялся, что усугубил мрак, так что Контроль включил фонарик. Никто не заметит: он слишком далеко от окон, а стеклянные двери завешены длинным темным занавесом. И вообще, большинство людей все равно на работе.

Соседи директрисы знали ее как частнопрактикующего психолога, не ведая о ее роли в Южном пределе. Если бы они только ее знали! Было ли фото в кабинете Грейс аномалией, или директриса частенько лако-

милась барбекю с бутылочкой пива в руке? Приходили в свое время Лаури в бейсболке, футболке и рваных джинсах на хот-доги и фейерверки на Четвертое июля? Люди способны удваиваться и утраиваться, выступая разными в разных ситуациях, но почему-то думалось, что директриса, наверное, была одинокой. И именно сюда, в свой дом, она мало-помалу вопреки протоколу — а в иных случаях и закону — приносила образцы из Зоны Икс и досье, стирая грань между личной и профессиональной жизнью.

Небольшая гостиная, видимая сквозь туннель луча фонаря, вскоре выдала свои секреты: диван, три шезлонга, камин. За ней, за перегородкой и обветшальными барными дверями, скрывалось что-то вроде библиотеки. Кухня слева, дальше по коридору; угол охраняет массивный старомодный холодильник, увешанный фотографиями и старыми календариками, прикрепленными магнитами. Справа от гостиной — дверь, ведущая в гараж, а за ним, вероятно, хозяйская спальня. Площадь всего дома около 1700 квадратных футов.

Почему директриса жила здесь? Со своей тарифной ставкой она могла устроиться куда лучше: и Грейс, и Чейни живут в Хедли, в микрорайонах верхнего среднего класса. Возможно, был какой-то неведомый ей долг. Ему нужны более полные сведения. Каким-то образом нехватка информации о директрисе казалась связанной с ее нелегальной вылазкой через границу, ее способностью удерживать свой пост настолько долго.

Никто не жил здесь почти год. Никто не приходил, кроме Центра. Никого здесь сейчас. И все же пустота внушала ему тревогу. Дыхание стало поверхностным,

сердцебиение участилось. Может быть, дело было в свете фонаря, в том, как он тревожно сводил все, что не попадало под его яркий взор, до своры теней. Может, какой-то частью сознания Контроль понимал, что ближе этого к полевой работе у него не было ничего уже целые годы.

У раковины стоял полупустой стакан с водой, отражавший свет, будто огненное кольцо. В раковине лежало несколько тарелок с вилками и ножами. Этот беспорядок директриса оставила в тот день, когда села в автомобиль и поехала в Южный предел, чтобы возглавить двенадцатую экспедицию. Очевидно, Центр не отдал распоряжений прибраться за ней — да и за собой. На ковре гостиной красовались отпечатки подошв, а также нанесенные ногами листья и грязь. Словно это диорама из музея, посвященного тайной истории Южного предела.

Грейс хоть и сподвигла Центр явиться сюда и извлечь все секретное, но имущества самой директрисы почти не касались. Все *выглядело* нетронутым, хотя Контроль и знал, что отсюда вынесли четыре или пять коробок материалов. Просто все в беспорядке — на верняка в том же виде, как и было, если унаследованный им кабинет о чем-нибудь говорит. Стены укрыты полотнами и эстампами, над парочкой забитых стоек для компакт-дисков — пыльный плоскопанельный телевизор и дешевая с виду стереосистема, зато увенчанная ретропроигрывателем — вполне возможно, аутентичным — с несколькими пластинками. Ни одна из картин или фотографий вроде бы не носит личного характера.

Элегантный синий с золотом диван расположился у стены, отделяющей гостиную от библиотеки, одна

подушка завалена грудой журналов, а антикварный кофейный столик из палисандра будто призван на службу в качестве дублера письменного стола: вся поверхность покрыта книгами и журналами — равно как и красиво заново окрашенный кухонный стол слева. Она что, изрядную часть работы проделывала в этих комнатах? Обстановка оказалась уютнее, чем он предполагал, с хорошей мебелью, и Контроль не мог толком разобраться, почему это его беспокоит. Досталась ли она вместе с домом или по наследству? Имела ли директриса отношение к Бликерсвиллю до того, как Южный предел нанял ее? В голове у него начала складываться гипотеза, как музыкальная композиция, которую можно намыть по смутной памяти, но ни отыскать названия, ни сыграть — никак.

Пройдя по коридору рядом с кухней, Контроль наткнулся на очередной факт, показавшийся странным без всякой видимой на то причины. Каждая дверь была закрыта. Ему приходилось открывать их, словно проходя через ряд воздушных шлюзов. И всякий раз, хотя даже в глубине сознания не ощущал укола угрозы, Контроль готовился отскочить. Он обнаружил кабинет, комнату с картотечными шкафами, велотренажером и гантелями, а также гостевую спальню с ванной напротив. Многовато дверей для такого маленьского домишко: складывается впечатление, что директриса или Центр пытались стеснить нечто известными пределами. Или как будто чуть ли не переходишь из одного отдела ее мозга в другой. Все и каждая из этих мыслей пугали Контроля, и после третьей двери он просто послал все к чертям и входил в каждую следующую, держа другую руку на дедушке в кобуре.

Он кружным путем проник в район библиотеки и выглянул в одно из передних окон. Увидел заваленный ветками, заросший газон, облупившийся зеленый почтовый ящик в конце бетонной дорожки — и ничего подозрительного. К примеру, никто не затаился в черном седане с тонированными стеклами.

Затем обратно через гостиную, через другой коридор, мимо двери гаража и в хозяйственную спальню слева.

С первого взгляда ему показалось, что спальню затопило и наводнение снесло всю мебель к ближней стене. Стулья громоздились на комодах и гардеробе. Кровать прислонилась у комодов. Пар семь обуви — от шпилек до кроссовок — разбросаны, как вынесенный водой мусор, по кровати. Покрывало застелено, но кое-как. В дальнем конце комнаты в проблеске фонаря дико сверкнуло зеркало из-за двери ванной.

Вытащив и сняв дедушку с предохранителя, Контроль направлял его туда же, где блуждал луч фонаря. От комодов то по кровати, то по стене, у которой кровать стояла прежде, завешенной толстой шторой. Контроль осторожно отвел штору, открывшую взору черезсур знакомые словеса под высоким горизонтальным окном, впустившим квадратный свет.

Там, где покоится зловонный плод, что грешник преподнес на дланях своей, произведу я семена мертвцевов.

Исписанная толстым черным маркером, та же стена текста, с той же картой рядом, которую он замалевал в своем кабинете. Словно в момент, когда он от нее избавился, она возникла в спальне директрисы. Иррациональное зрелище. Иррациональная мысль. Теперь сотня Контролей бежала из комнаты обратно к машине в сотне карманных вселенных.

Но она пробыла здесь довольно долго. Иначе и быть не могло. Какая небрежность, что люди Грейс не устранили ее. Чрезмерная небрежность.

Он обернулся к ванной.

— Если кто-то там есть, выходи! — приказал он. — У меня пистолет.

Теперь сердце у него колотилось так быстро, а рука так стиснула фонарик, что никакой силой не вырвешь.

Но никто не появился.

Никого там не было, как он убедился, заставив себя дышать медленнее. Заставив себя проверить каждый угол, включая и небольшой чулан, по мере углубления туда казавшийся все более мрачным и замогильным. В ванной он нашел обычные вещи: шампунь, мыло, рецепт на лекарства от гипертонии, парочку журналов. Коричневую краску для волос и щетку для волос с запутавшимися в ней несколькими седыми прядями. Значит, директриса начала стареть и стыдилась этого. Щетка сверкнула, едва ее коснулся свет фонаря, словно хотела пообщаться, подобно исписанным счетам и вырванным журнальным страницам, выкладывавшим Контролю фрагменты ее жизни как на ладони, все более и более осязаемой для него, как его собственная.

Вернувшись в спальню, он снова поиграл лучом света на стене. Нет, все-таки не совсем та же картина. Те же слова, в точности те же слова. Но нет рисок, отмечающих рост. И карта — тоже другая. Эта версия показывает остров и его разрушенный маяк вкупе с топографической аномалией и маяком на берегу. А еще эта версия показывает Южный предел. Между разрушенным и действующим маяками и топографической аномалией проведена линия, дотянутая до

Южного предела. Они очень походили на аванпосты на границе, как на древних картах империй.

Контроль попятился, а затем через коридор в гостиную, чувствуя озноб, чувствуя отстраненность. И не мог придумать сценарий, в котором Центр видел эти слова, эту карту — и не устранил их.

Значит, они созданы уже после того, как дом обыскивали. Что значит... что, вероятно, означает...

Не позволил себе додумать эту мысль. И вместо того направился ко входной двери, чтобы проверить внезапное подозрение.

Ручка легко повернулась. Не заперто.

Что не значит ровным счетом ничего.

И все же теперь его первостепенной мыслью, его единственной настоящей мыслью было выбраться из дома. Но ему все-таки хватило присутствия духа запереть входную дверь и вернуться к задней.

Распахнуть застекленную дверь — и под дождь.

Пешком-бегом обратно к машине.

И лишь припарковавшись на порядочном отдалении, на главной улице Бликерсвилля, он наконец позвонил матери, поведал ей о своей находке и попросил прислать команду для расследования. Сделай он это на месте, и его продержали бы там слишком долго. Во время разговора Контроль старался убедить не только мать, но и себя самого, что это было вовсе не то, что он подумал.

— Не делай поспешных выводов, Джон, и *не говори Грейс*, потому что она примет это слишком близко к сердцу, — что совершенно справедливо. Начертать это на стене мог любой из Южного предела — и, кроме бывшей директрисы, Уитби в числе первых подозре-

ваемых. Отталкиваясь от этого относительного утешения: муторное видение директрисы, бредущей по окруже через поля и парки в леса. Вновь посетив старые пенаты.

— Но, Джон, у меня *есть* кое-что, что надо тебе сказать.

— Тогда говори. — Может, она сдала Лаури в качестве Голоса, чтобы скрыть что-то еще?

— Ты знаешь места, где мы подобрали антрополога и топографа?

— Переднее крыльцо, задворки медицинского кабинета.

— Мы заметили некоторые... несообразности... в этих местах. Данные отличаются.

— Как? Чем они отличаются?

— Мы все еще сортируем, но обе зоны подвергли карантину, хоть это и трудно.

— А пустую стоянку нет? Где была биолог?

— Нет.

022: ГАМБИТ

Позднее утро. Попытка восстановить... контроль. Странная знакомая переговорная, чьи недостатки он перестал замечать, ожидая звонка матери с сообщением о доме директрисы, который вряд ли раздастся раньше чем через несколько часов.

Он сказал Грейс, что собирается побеседовать с биологом и хочет, чтобы ее привели туда, в комнату, к этому времени. Пару минут спустя вошла Грейс в ярко-желтом платье с цветочным узором, с черным поясом на талии — какое-то лучшее воскресное, — не выглянув из-за двери, не выглядя так, будто он может

метнуть в нее гранату. Контроль тут же проникся подозрениями.

— А где биолог? — спросила Грейс чуточку заговорщицки. Контроль сидел в одиночестве.

Вместо ответа Контроль выдвинул ногой стул напротив себя, делая вид, что занят, проглядывая какие-то записи.

— Извините, — сказал он. — Вы чуточку разминулись с биологом. Но она смогла поведать кое-какие весьма любопытные вещи. К примеру, хотите знать, что она сказала о вас?

Почему-то Контроль ожидал, что Грейс усмотрит в этом западню, встанет и попытается уйти, и ему придется уговаривать ее остаться. Но она продолжала сидеть, устремив на него оценивающий взгляд.

— Прежде чем я вам скажу, вам следует знать, что все записывающие устройства отключены. Это строго между нами.

— Меня это вполне устраивает, — скрестила руки Грейс. — Продолжайте.

Это выбило Контроля из колеи. Он-то ожидал, что она отправится проверять, чтобы убедиться, что он не лжет. Может, проверила, прежде чем войти в комнату. Дедушка Джек однажды посоветовал всегда держать для подобной работы «второго парня, непременно». Что ж, у него нет ни второго парня, ни второй девицы. Так что он ринулся вперед очертя голову, и будь что будет.

— Позвольте сразу к сути. Прямо перед последней одиннадцатой экспедицией директриса втайне пересекла границу одна-одинешенька. Знали ли вы об этом заранее? И оказывали ли материальную помощь? Обеспечивали ли вы командно-администра-

тивное принятие решений? Не были ли вы фактически замешаны в том, чтобы обеспечить ей обратный переход через границу? Потому что, по словам биолога, именно так ей директриса и сказала. — Ничего из этого не было в официальном отчете об инциденте, присланном Голосом на электронную почту накануне их внезапного развода по телефону. Там, в отчете, директриса утверждала, что действовала сама по себе.

— Любопытно. Что еще биолог вам сказала? — Ни малейшего раздражения за словами. Даже намек на полуулыбку на губах.

— Что директриса велела вам ждать на границе каждую ночь в течение недели по весьма конкретным датам месяца через три после того, как она перебралась. Чтобы помочь ей с возвращением. — Согласно данным режимного бюро, в каждый из этих дней Грейс покидала Южный предел раньше времени. Никаких записей о ней на пограничных контрольно-пропускных пунктах, но в каждый из этих вечеров через них проезжал Уитби, совершивший рейсы до подготовительного заведения Южного предела и обратно. Плохой, плохой Уитби. Неисправимый Уитби. Уитби, застрявший между молотом и наковальней.

— Все это уже в прошлом, — заявила Грейс. — Что вы пытаетесь доказать? Конкретно.

Контроль начал чувствовать себя, как шахматист, считавший, что сделал замечательный ход, но противник то ли оказался из ряда вон, то ли блефует, то ли заготовил нечто несравненное на четыре хода вперед.

— Правда? Вот как вы реагируете? Потому что обоих этих обвинений было бы достаточно для приложения к рапорту в Центр. Что вы тайком сговорились с директрисой нарушить правила и протоколы безопас-

ности. Что вы предоставили материальную помощь. Ей дали испытательный срок. Как по-вашему, чем это пахнет для вас?

— И чего же вы хотите? — с улыбкой полюбопытствовала Грейс.

Не совсем признание, но это позволило ему продолжать согласно сценарию в голове, заглушив сигналы тревоги, трезвонящие там же.

— Не того, что вы думаете, Грейс. Я не подталкиваю вас к отставке и не хочу докладывать эти сведения в Центр. Вы вовсе не целите на мой пост. Что ж, я вовсе не собираюсь вытурить вас или директрису. Я хочу понять ее, вот и все. Она ходила через границу. Мне нужно знать в точности, почему и как, и что она нашла. Официальный отчет в этом отношении весьма расплывчат. — Теперь ему вдруг пришло в голову, что Грейс могла либо сама составить отчет, либо проследить за его написанием.

Отчет фокусировался в первую голову на наказании директрисы и мерах, предпринятых для очередного ужесточения режима безопасности границы. Значилось также краткое заявление директрисы — очевидно, написанное адвокатом: «Хотя я намеревалась действовать в интересах Южного предела и в русле требований к моему посту, я глубочайше извиняюсь за свои действия и признаю, что они были опрометчивы, создали угрозу безопасности и не отвечали духу миссии агентства. Если мне будет позволено вернуться, я буду прилагать всяческие усилия к тому, чтобы придерживаться стандарта поведения, ожидаемого от меня и от этого поста».

В отчете также упоминались «Замеры и образцы», но их Контролю отследить пока не удалось. В собо-

рохранилище их не помещали, это он знал наверняка. Если только они не сводились к растению, мыши и старому мобильнику.

— Директриса делилась со мной отнюдь не всеми мыслями, — поведала Грейс раздраженным тоном, словно этот факт встревожил ее, но все с той же странной полуулыбкой на губах.

— Как-то мне трудновато поверить, что вам известно не больше, чем вы мне говорите.

Это не сподвигло Грейс на ответ, так что он подстрекнул ее словами:

— Я здесь не за тем, чтобы погубить наследие директрисы — или ваше. Я призвал вас сюда не только из-за сказанного биологом, но и из соображения, что, по-моему, у нас *обоих* тут есть право на самоуправление. Что мы можем распоряжаться агентством таким образом, что ваше положение останется неизменным. — Ибо что касается его, агентство в жопе, а он сейчас — полевой агент под прикрытием, внедряющийся на вражескую территорию. Так что в козыри годится все, чем не дорожишь. Может, даже стоит устроить Уитби перевод, которого тот когда-то домогался, пока не махнул рукой. А может, вернуться в Центр и сходить с Лаури выпить пивка.

— Как великодушно с вашей стороны, — проговорила Грейс. — Школьник предлагает поделиться властью с учительницей.

— Это не та аналогия, к которой я бы прибег. Я бы...

— Все, что директриса делала, она делала потому, что считала, что это важно.

— Да, но что она делала? Что затевала?

— Затевала? — переспросила Грейс, недоверчиво подфыркнув.

— Грейс, — тщательно подыскивал он слова, — я уже здесь. Я уже в гуще всего этого. Вы должны мне просто сказать, что происходит. — Каким взглядом можно передать, не подкрепляя словами, что он уже повидал кое-какого престранного дерьяма? — Ничего этого в документах нет.

Грейс, которую это вроде бы позабавило, секунду поразмыслила. И начала говорить.

— Вы должны понять позицию директрисы. Первая экспедиция задала в организации тон. Хотя изначальный директор, к моменту, когда Синтия пришла сюда, пытался переменить ситуацию. — Синтия? На миг Контроль недоуменно задумался, кто такая Синтия, потому что очень долго думал о ней как о «директрисе». — Здешний персонал чувствовал, что первая экспедиция потерпела крах, потому что Южный предел не ведал, что творит. Что мы отправили их туда, и они погибли, потому что мы не ведали, что творим, и никогда не сможем загладить это.

Первая экспедиция — жертва отсутствию контекста. Заупокойный плач, не узнанный, пока не было слишком поздно.

— И присутствие Лаури здесь, в агентстве, в течение почти десятилетия, — она что, его мысли читает? Узнала откуда-нибудь? — насколько понимаю, только все усугубило. Он был живым призраком, ходячим напоминанием, которого держали за героя, хотя он был просто единственным оставшимся в живых. Так что его советам придавали больше веса, даже неправильным. У директрисы появился реальный шанс провести свою повестку дня, только когда Лаури повысили в Центр, хоть и это тоже стало проблемой. Лаури требовал больше экспедиций, в то время как

она хотела меньше, и прежде чем ей удалось совладать с Лаури, тот стал неподконтрольным для нее. Так что мы все слали и слали туда людей, повсюду их в совершенно неведомое. Директрису это не устраивало, хотя она и следовала приказам, потому что была обязана.

Контроль поймал себя на том, что ее повествование увлекло его.

— А как директриса протащила свою повестку дня? Каким образом?

— Стала одержима метриками, изменением контекста. Если ей удавалось выбить свои метрики, то, пусть и неохотно, не мешала Лаури отправлять новые экспедиции, подвергать их психологической обработке и гипнозу, поборником которых он выступал, хотя со временем она пришла к пониманию, почему Лаури проталкивал гипноз.

Контроль продолжал воспринимать Лаури в контексте камеры, летящей по воздуху: Лаури ползет, камера парит, а истина, наверное, где-то посередине. А затем Лаури заставил ползать и парить Контроля.

Впрочем, ничто из вышеизложенного никак не истолковывало секретную миссию директрисы за границей. Может, Грейс просто забрасывает его информацией, чтобы избежать разговора об этом? Она уже сказала ему больше, чем когда-либо прежде.

— Что еще? — спросил он. — Что еще она делала?

Грейс развела руками, будто для выразительности, и улыбка у нее на устах стала почти блаженной.

— Стала одержима попытками заставить ее отреагировать.

— Зону Икс?

— Да. Ей казалось, что если она сможет заставить Зону Икс отреагировать, то сумеет как-то сбить ее с курса. Хотя мы даже не догадывались, на каком она курсе.

— Но она *уже* отреагировала: погубила уйму народа.

— Директриса считала, что никакие наши действия не *напрягали* то, что стоит за Зоной Икс. Что оноправлялось со всем, что мы делали, чересчур легко. Почти бездумно. Если можно сказать, что мышление имеет к этому какое-то отношение.

— Значит, она отправилась через границу, чтобы заставить Зону Икс отреагировать.

— Я не стану подтверждать, что знала о ее путешествии или помогала ей каким-либо образом, — отрезала Грейс. — Я изложу вам свое мнение, основанное на том, что она сказала, когда вернулась.

— Но это была не та реакция, которой она добивалась, — предположил Контроль.

— Да. Да, не та. И она винила себя. Директриса бывает очень жесткой, но в первую очередь по отношению к себе. Я уверена, что, когда Центр решил отправить последнюю одиннадцатую экспедицию, директриса считала, что добилась сдвига. И, может быть, действительно добилась. Вместо обычного вернулись снедаемые раком ничтожества.

— Вот почему она добилась включения в двенадцатую экспедицию.

— Да.

— Вот почему ее методы стали подозрительными.

— Я бы не согласилась с этой оценкой. Но, в общем, да, другие сказали бы так.

— Почему же Центр допустил ее в двенадцатую экспедицию?

— По той же причине, что и устроил ей разнос после самостоятельной вылазки, но не уволил.

— То есть?

Грейс триумфально улыбнулась. Потому что знает то, что следовало бы знать и ему? По какой-то иной причине?

— Спросите у своей матери. Полагаю, ваша мать приложила руку и к тому, и к другому.

— Но доверие она утратила все равно, — повела дальше Грейс с горечью. — Что им за дело до того, если она вообще не вернется? Может, кое-кто в Центре даже подумал, что это снимает проблему. — Вроде Лаури.

Но Контроль по-прежнему повязан с Джеки Мирандой Северенс, Северенс для простоты, дедушка всегда «Джек». Это мать поместила его в Южный предел, в самую гущу этого всего. Она немного поработала на Южный предел, когда он был подростком, чтобы быть поближе к нему, говорила она. Теперь же, расспрашивая Грейс, он пытался подогнать даты, получить впечатление, кто был в Южном пределе, а кто нет, кто уже ушел к тому времени, а кто еще не пришел, используя группу на фотографии в кафетерии в качестве ориентира. Директриса, конечно же. Грейс — нет. Уитби — да? На грани, пожалуй. Лаури — да, нет? Куда она отправилась после ухода? Поддерживала ли связи? Ясное дело, что поддерживала, если верить Грейс. И не означало ли ее внезапное явление пред его очами с предложением работы, что у нее на руках чрезвычайная ситуация? Или это часть какого-то более замысловатого плана? Распутывание лески может

вымотать напрочь. Дедушка хотя бы был более прямолинеен. Ой, смотри. Пистолет. Вот так сюрприз. Я хочу, чтобы ты научился пользоваться пистолетом. Отжимай любую ситуацию досуха. Порой надо срезать углы. Миг-миг. Но мать никогда не подмигивала. Да и с какой стати? Она не хотела затесаться к тебе в друзья, и если не могла убедить тебя каким-нибудь более деликатным образом, то нашла бы кого-нибудь поддающегося на убеждения. Он может никогда не узнать, на сколько еще прочих остаточных явлений ее прохождения через Южный предел уже наткнулся.

Но мысль, что директриса могла иметь доступ и к другим и в агентстве, и в Центре, утешила Контроля. Это значит, что она была менее эксцентричной, менее «единоличным комплотом», как выразилась мать, и больше человеком, искренне пытающимся решить проблему.

— Что случилось в ее походе за границу? — снова надавил Контроль.

— Она мне не говорила. Сказала, что ради моей же защиты, на случай, если дознаватели пришлют мне повестку. — Он сделал пометку, чтобы вернуться к этому позже.

— Вообще ничего?

— Ничегошеньки.

— Она отдавала вам какие-либо специальные инструкции, прежде чем отправиться в самоволку или по возвращении обратно? — Насколько Контроль мог догадываться по тому, что вычитал в документах, Грэйс чувствовала себя более связанной правилами и нормативами, нежели директриса, и той могло казаться, что привязанность к ним ее собственной заместительницы вставляет ей палки в колеса. А может, как

раз в этом и была суть — что Грейс не давала ей отрываться от земли. В таком случае Грейс почти наверняка должна была стоять во главе организационных деталей операции.

Грейс заколебалась, и Контроль не понимал, что это означает. Может, она прикидывала, сказать ли ему побольше или навешать лапши понаваристей.

— Она просила меня возобновить расследование по поводу так называемой «Бригады ПиП» и поручить кому-нибудь подготовить более детальное досье по маяку — в частности, всю историю сигнального огня.

— И кто же занимался исследованиями?

— Уитби. — Чокнутый Уитби. Сходится.

— Что стало с результатами его исследований? — Контроль не припоминал, чтобы видел эти сведения в документах, которые ему давали перед отправкой в Южный предел.

— Синтия придержала его, попросила дать печатный экземпляр, а электронную версию не вводить в архив... Вы что, планируете отправиться вниз по тем же кроличьим норам?

Синтия — директриса.

— Значит, вы считаете, что это пустая трата времени?

— Для нас, но не обязательно для Синтии. Мне это казалось несущественным, но ничего из собранного нами не имеет особого смысла, если не знать, что было у директрисы на уме. А мы не всегда знали, что у нее на уме.

— Еще что-нибудь не хотите мне сказать? — Теперь, когда Грейс наконец раскрылась перед ним, Контроль осмелел.

На чертах ее отразилось подобие симпатии, то ли отпущеной, то ли прорвавшейся на волю.

— Вы курите?

— Иногда. — Как раз на этих выходных. Изгонял демонов и голоса.

— Тогда давайте выйдем во двор и перекуrim.

Идея вроде неплохая. А если быть совершенно честным с самим собой, просто благословенная.

Они возобновили слушания на краю двора, ближе к болоту. Короткая прогулка из комнаты на открытый воздух не прошла без открытия: он наконец-то узрел уборщика — морщинистого белого субъекта в огромных очках, светло-зеленом комбинезоне и со шваброй. Ростом никак не более пяти футов. Контроль устоял перед соблазном оторваться от Грейс, чтобы велеть ему поменять моющее средство.

Грейс во дворе выглядела даже более раскованной, чем внутри, несмотря на влажность и надоедливый хор голосов насекомых, доносящийся из подлеска. Контроль уже взмок.

Она протянула ему сигарету:

— Угощайтесь.

Да, он угостится, после отрыва на выходные курить хочется ужасно. Едва он закурил, резкий, едкий вкус ее ментоловых без фильтра пронзил мозги, как пика в глаз в качестве лекарства от головной боли.

— Вам нравится болото? — поинтересовался он.

— Порой мне нравится здешний покой. Бывает очень мирно, — разверла она руками, криво усмехнувшись. — Если стоять спиной к зданию, можно сделать вид, что его нет.

Он кивнул, помолчал минутку, а потом сказал:

— Что бы вы сделали, если бы директриса вернулась в таком же виде, как антрополог или топограф? — просто ради поддержания легкой беседы. И едва сказав, понял, какого дал маху.

Грейс осталась невозмутима:

— С ней такого быть не может.

— Откуда такая уверенность? — тут он едва не нарушил данное матери обещание не рассказывать Грейс о письменах на стене директорского дома.

— Я должна вам кое-что сказать, — Грейс обратила взгляд на него. — Это будет шоком, хоть мне этого и не хочется.

Каким-то образом, хоть и слишком поздно, он увидел надвигающийся удар еще до физического соприкосновения, словно в замедленном воспроизведении.

Но его все равно сшибло с ног.

— Вот что вам следует знать: Центр забрал биолога в пятницу поздно вечером. Она отсутствовала все выходные. Значит, должно быть, вы разговаривали с призраком, потому что я знаю, что врать мне вы бы не стали, Джон. Ведь не солгали бы, правда? — Взгляд ее был серьезен, будто их что-то связывало.

Контроль вдруг задумался, слоняется ли женщина в военном кителе снова перед винным магазином. Интересно, занят ли скейтбордист процессом опорожнения на тротуар очередной банки собачьих консервов, собирается ли полиэтиленовый плащ выскочить, чтобы наорать на прохожего. А может, следует к ним присоединиться? В нем вызревло обширное расположение к ним, уступающее лишь обширной и растущей печали. Сарай на заднем плане. Рождественская гирлянда вокруг сосны. Клювачи.

Нет, он не разговаривал с биологом нынче утром. Да, он думал, что она все еще в Южном пределе, полагался на этот факт. Он уже спланировал следующий сеанс в мельчайших деталях. Тот должен был снова состояться в комнате для допросов, а не под открытым небом. Она бы сидела там, может быть, в другом настроении из иных времен, а может, и нет, ожидая его уже знакомых вопросов. Но он не стал бы задавить никаких вопросов. Пора изменить парадигму, и к черту процедуры.

Он бы пододвинул к ней папку, сказав: «Вот все, что нам о вас известно. О вашем муже. О ваших прошлых работах и отношениях. Включая и стенограммы ваших первоначальных сеансов с психологом». Сделать это ему было бы нелегко: после этого она могла стать совершенно иной личностью, чем знакомая ему. Быть может, он каким-то диковинным образом впустил бы Зону Икс дальше в мир. Быть может, этим он предал бы родную мать.

Она отпустила бы какую-нибудь реплику, что продержалась дольше него, а он бы ответил, что больше не хочет играть в игры, что игры Лаури уже достали его. Она повторила бы ту же строку, что он сказал ей у отстойного пруда: «Не благодарите никого за то, что уже должны иметь». «Я и не ищу благодарности», — ответил бы он. «Конечно же, ищете, — возразила бы она без упрека. — Уж так устроен человек».

— Вы отослали ее прочь? — проронил он столь тихо, что Грейс попросила повторить сказанное.

— У вас сформировалась слишком сильная привязанность. Вы стали утрачивать широту восприятия.

— Это не вам решать!

— Не я отослала ее прочь.

- Что вы имеете в виду?
- Спросите своего контролера, Контроль. Спросите свою клику в Центре.
- Это не моя клика, — сказал он. Клика против фракции. Что хуже? Это рекорд непоправимости. Феноменально — заслать только затем, чтобы ввергнуть в изоляцию. Любопытно, что же за кровавая баня, должно быть, творится сейчас в Центре.

Он сильно затянулся, устремив взгляд в богомерзкое болото, слыша, как где-то вдали Грейс вопрошают, хорошо ли он себя чувствует, и собственный ответ: «Секундочку».

Хорошо ли он себя чувствует? Это вполне укладывается в длинную вереницу вещей, недовольство которыми он может проявлять вполне законно. Ощущение такое, словно что-то отрезали куда раньше времени, что недосказано еще очень многое. Он удушил импульс вернуться в здание и позвонить матери, потому что, конечно, она наверняка уже знает обо всем и выдаст ему лишь усиленное эхо сказанного Грейс, как бы сильно ни походило это на наказание ему со стороны Лаури: «Ты слишком быстро слишком сблизился с ней. Перешел от сценария допросов к беседам с ней в ее же камере, а там и до жевания травинок осоки, когда ты устроил ей экскурсию за стенами здания — *всего за четыре дня*. А что дальше, Джон? Праздничная вечеринка? Хоровод? Отдельный номер в «Хилтоне» для нее? Может, внутренний голос уже подсказывает: «Отдай ей ее досье, аюшки?»

Тогда он соврал бы, сказав, что это неправда, или так несправедливо, и она снова прибегла бы к ветхозаветной оскорбительной реплике Джека насчет того, что справедливость нужна «лохам и кискам», и это

не о Чорри. Он бы твердил, что она сама же мешает ему делать работу, которую послала выполнять, и она двинула бы навстречу идею предоставить ему стенограммы всех последующих допросов, что будет «ничуть не хуже». После чего он мог бы промямлить, что не в этом суть. Что ему нужна поддержка, а потом бы осекся и невовко смолк, потому что, заговорив о поддержке, ступил бы на тонкий лед, а она ни за что бы не помогла, и он бы завяз. Они ни разу не говорили о Рейчел Маккарти, но это всегда висело в воздухе. Он ни разу не поблагодарил ее за помощь.

— Значит, нам надо поговорить о разделении обязанностей, — заявила Грейс.

— Да, надо. — Потому что оба понимали, что теперь перевес на ее стороне.

Но все то время, пока Грейс крошила его войска в капусту, прежде чем покинуть двор, мысли его витали где-то далеко. Впредь большинством вещей будет заправлять Грейс, а Джон Родригес отрекается от всяческой ответственности, превращаясь в парадного генерала на самых важных совещаниях. Вновь подаст свои рекомендации через Грейс, выбросив бессмысленные, а уж она решит, какие осуществлять, а какие нет. Они скоординируют работу так, чтобы его рабочие часы и рабочие часы Грейс пересекались как можно меньше. Грейс будет помогать ему откапывать сокровенный смысл в заметках директрисы, и как только он акклиматизируется в новых условиях, это станет его главной обязанностью, хотя Грейс ни в коем случае не признает, что та могла погибнуть или совсем слететь с катушек и пронестись через подлесок под откос в свои последние дни в Южном пределе. Хоть и признает, что мышь с растением были чудачеством, а еще при-

знает постфактум тот факт, что он уже закрасил директорскую стену за дверью.

И вообще, в этом отступлении — этой ретираде без авангарда и арьергарда, с кучкой отчаявшихся людей, отбивающихся по колено в грязи и тине болота устаревшими сабельками, пока казаки дожидаются их на равнине — ничто не шло вразрез с истинными желаниями самого Контроля, вот только не таким образом ему виделось их исполнение — с Грейс, диктующей условия его капитуляции. И ничто из этого не избавило его от траурной скорби — не по власти, ускользающей из рук, а по человеку, которого он утратил.

Он остался докурить, когда Грейс ушла, похлопав его по плечу — вроде бы с искренней симпатией, но получилось как с пренебрежением. Хоть он и считал ее теперь коллегой, если и не совсем другом. Теперь пытаясь мысленно возродить образ биолога, ее облик, звук ее голоса.

— Что мне делать теперь?

— Я заключенная, — проговорила ему биолог со своей койки, отвернувшись лицом к стене. — С какой стати мне что-то вам говорить?

— Потому что я пытаюсь помочь вам.

— Правда? Или просто пытаетесь помочь себе?

На это ответа у него не было.

— Нормальный человек уже бы сдался. Это было бы совершенно нормально.

— А вы? — спросил он.

— Нет. Но я не нормальная.

— Как и я.

— И куда же нас это завело?

— Туда, где мы всегда и были.

Но на самом деле нет. Кое-что пришло ему в голову, когда он наконец узрел уборщика. Что-то насчет лестницы и лампочки.

023: СРЫВ

Найдя фонарик, Контроль проверил его. Затем прошел мимо кафетерия, что к этому моменту своей повторяемостью уже набило оскомину, как будто проходишь через один и тот же терминал аэропорта несколько дней кряду, жуя все ту же резинку. У двери кладовой убедился, что в коридоре ни души, и быстро нырнул внутрь.

Темнота. Нашарил шнурок выключателя, потянул. Лампочка вспыхнула, но это почти не помогло. Как ему и запомнилось, из-за металлического абажура над лампочкой, свисающей совсем низко — всего на дюйм-другой выше его головы, — видны были только нижние полки. Все равно дотянуться уборщик мог только до них. Единственные полки, которые не были пусты, как явили тени, когда зрение приспособилось к сумраку.

Он чувствовал, что Уитби лжет. Что это *и есть* особая комната, которую Уитби предлагал ему показать, да только хвост поджал. Раз уж нельзя решить никакую другую загадку, он решит хотя бы эту. Головоломка. Развлечение. Не ускорило ли чудотворное вмешательство Лаури этот момент — или оттянуло его?

Медленно обшарив верхушку стеллажа, луч фонаря перебрался на потолок — футах в шести или семи над головой. Оставляющий впечатление какой-то незавершенности. Неровный и голый, нескольких оттенков, поверх деревянных реек сошли с крест-

накрест две балки — и словно его построили вокруг стеллажей. Стеллажи продолжали возноситься, все такие же пустые, до самого потолка — и дальше, сквозь него. Он едва разглядел сквозь брешь, что за потолком пошел следующий ряд полок. Потратив еще с минуту на осмотр, Контроль заметил тонкий, почти невидимый прорез вдоль двух балок, образующий квадрат. Люк? В потолке.

Контроль поразмыслил над этим. Он может вести просто в воздуховод или в очередную кладовую, но в попытке представить, где эта комната расположена на плане здания, он учел, что она находится как раз напротив любимого местечка Уитби в кафетерии, и это означает, что, если между ними расположена лестница на третий этаж, то наверху должно быть обширное пространство, приткнувшееся под лестницей.

Он взялся планомерно отыскивать лестницу — и нашел складную, спрятанную в заднем углу под брезентом. Переставляя ее на место, задел лампочку, сбив пыль, и пространство ожило клубящимся, мерцающим светом.

На верхушке лестницы он снова включил фонарь и, неловко действуя свободной рукой, надавил на потолок в центре полускрытоого квадрата. С такой высоты он отчетливо увидел, что «потолок» — на самом деле платформа, приложенная вокруг стеллажей.

Люк со скрипом уступил. Контроль сделал долгий выдох, чувствуя тревогу и чуть скользкую поверхность перекладин лестницы. Открыл люк. Тот откликнулся на пружинных петлях плавно, беззвучно, будто их только что смазывали. Контроль посветил фонарем на пол, перевел его на полки, подымающиеся с

обеих сторон еще на восемь-девять футов. Там никого. Вернулся к центральному пространству — дальней стене, а затем наклонному настоящему потолку.

Увидел уставившиеся на него лица, уловил впечатление массивных силуэтов и каких-то письмен.

Едва не выронил фонарь.

Поглядел снова.

Вдоль стены и части потолка кто-то намалевал грандиозную фантасмагорию гротескных монстров с человеческими лицами. А конкретнее, наляпал и размазал масляную краску в духе примитивизма сочными, насыщенными красными, синими, зелеными и желтыми тонами, образующими подобие тел. Пикселизованные портреты представляли собой увеличенные фотографии лиц персонала Южного предела, поимствованные из системы безопасности.

Один образ доминировал, протянувшись вверх по стене, с головой, взирающей с наклонного потолка вниз с диковинным ощущением трехмерности. Остальные образовывали созвездия вокруг этого изображения, а дальше шли мятущиеся строки и фразы, существующие среди буйной патины вычертываний, закрашиваний и прочих помарок, словно кто-то перерабатывал слова на компост. Была и граница — кольцо из красного огня, преобразующееся на концах в двуглавое чудище с Зоной Икс в брюхе.

Контроль неохотно подтянулся в это пространство, держась пониже, чтобы распределить вес на большой площади, пока не убедился, что платформа выдержит его. Она выглядела вполне солидно. Встал слева, рядом со стеллажом, и принял изучать живопись перед собой.

Фигура, доминирующая на фреске или росписи — или какое тут слово более уместно, — изображала существо наподобие помеси гигантского борова и слизняка с бледной шкурой, испещренной подобием парши из светло-зеленого мха. Стремительные, широкие мазки рук и ног наводят на мысль о свиных конечностях, но каждая с тремя толстыми пальцами на конце. В средней части располагались еще приатки.

Голова наверху слишком хлипкой шейки, наброшенная полупрозрачным розово-белым, была бесформенной, но держалась на лице, прилепленном к нему kleem, поблескивавшим в луче света. Контроль узнал это лицо, виденное в материалах, — психолог последней одиннадцатой экспедиции, в стенограмме перед смертью от рака сказавший: «В Зоне Икс было довольно красиво, довольно мирно». И как-то расплывчато улыбнувшись.

Но изображен он был каким угодно, только не умиротворенным. С помощью фломастера некто — Уитби? Уитби — превратил лицо в маску крайнего, недоуменного страдания со ртом, развертым в нескончаемом «О».

Справа и слева выстроились другие существа — этакий частный пантеон, этакая частная галерея смыслов — с другими узнаваемыми лицами. Директриса предстала в облике совершеннейшего вепря, утыканного растительностью, заместительница директора — чем-то вроде беконной хрюшки или хорька, Чейни — медузы.

А потом он отыскал себя. Незаконченного. Свое серьезное лицо, взятое с недавнего фото на документы, вокруг которого Уитби сотворил контуры, закрашен-

ные лишь отчасти, серо-голубого морского чудища, китообразного левиафана с исходящими от него лиловыми волнами и огромным круглым глазом, туннельно зияющим на лице, превращая его в циклопа. От его монструозного тела исходили не только волны, но и выплески нечитабельных слов, нацарапанных судорожными, извилистыми каракулями. Среди всех ошарашивающих, бередящих душу стен эта дала кабинету директрисы сто очков вперед. От нее кожу вдруг продрало морозом. Она заставила Контроля осознать, что он по-прежнему полуполагается на то, что анализ Уитби даст ему ответы. Но тут ответов нет. Лишь доказательство, что в голове Уитби царит подобие осадочных слоев бумаг, скрепленных растением, трупом мыши и архаичным мобильником.

На полу напротив него, близ правого стеллажа, — кельма, набор красок, стремянка, позволяющая Уитби дотянуться до потолка. Несколько книг. Переносная электроплитка. Свернутый спальный мешок. Неужто Уитби здесь *живет*? Без чьего-либо ведома? Или кто-то догадывается, но не хочет признаваться себе в этом? Уж лучше просто сбагрить Уитби новому директору. Дезинформация и помутнение сознания. На этот бестиарий Уитби затратил порядочно времени. Кропотливо трудился над ним, что-то добавляя, что-то удаляя. Террор.

Контроль простоял там всего лишь с минуту.

Он стоял там, чувствуя, что на этом чердаке сквозит. Стоял там, не осознавая, что это вовсе не сквозняк.

Позади него кто-то дышал.

Кто-то *дышал* ему в затылок. Это понимание обратило его в камень, камнем загнало вскрик «Хренъ Господня!» обратно в горло.

Он обернулся с невероятной медлительностью, желая казаться поворачивающейся статуей. И с тревогой узрел большой, блеклый, водянисто-голубой глаз, сперва возникший на фоне тьмы или темных дохмочьев, наделенных бледной кожей, преобразившихся в Уитби.

Уитби, находившегося там все это время, забившись в полку прямо за спиной Контроля, на уровне глаз, подогнув колени, на боку.

Дыша мелкими короткими всхлипами. Глазея.

Будто что-то высиживая. Там, на полке.

Сначала Контроль подумал, что Уитби, наверное, спит с открытыми глазами. Восковой труп. Портняжный манекен. Потом понял, что сна у Уитби ни в одном глазу, и глаза эти смотрят на него вовсю. Тело Уитби едва заметно сотрясалось — словно куча листьев, под которой что-то затаилось. Выглядя как нечто бесхребетное, помещенное в слишком тесное пространство.

Настолько близко, что Контроль мог бы податься вперед и укусить его за нос или поцеловать.

Уитби продолжал хранить безмолвие, и Контроль в ужасе каким-то чутьем угадал, что речи чреваты угрозой. Что, если бы он обронил хоть слово, Уитби мог бы ринуться из своего укрытия, что его окостенело выпяченная челюсть таит нечто чрезвычайно предумышленное и летальное.

Взгляды их сомкнулись, и уже никак нельзя было отвертеться от факта, что они видели друг друга, но Уитби по-прежнему не нарушал молчания, словно тоже хотел сохранить иллюзию.

Мало-помалу Контроль исхитрился отвести фонарь от Уитби, подавив содрогание и со скрежетом зу-

бовным скрутив все инстинкты, волившие, что нельзя поворачиваться к тому спиной. И все время чувствовал вырывающееся дыхание Уитби.

А затем последовало чуть уловимое движение, и рука Уитби легла ему на затылок. Просто коснулась ладонью волос Контроля. Пальцы растопырились, как морская звезда, и медленно двигались вперед-назад. Дважды. Трижды. Лаская голову Контроля. Нежно, бережно, осторожно.

Контроль хранил неподвижность. Давалось это не-легко.

Через какое-то время рука устранилась — как бы неохотно. Контроль сделал два шага вперед, потом еще. Еще. Уитби не вырвался из своего вместилища. Не издал каких-либо нечеловеческих звуков. Не пытался забиться в полку еще глубже.

Контроль потянулся к люку, не поддавшись дрожи, опустился в пространство ногами вперед, нашупал ногой перекладину лестницы. Медленно закрыл за собой люк, не оглядываясь на полки даже в темноте. Ощутил безмерное облегчение, когда тот закрылся. Затем осторожно спустился по лестнице. Поколебавшись, старательно опустил и сложил лестницу. Понудил себя прислушаться у двери, прежде чем покинуть комнату, оставив фонарь там. И вышел в ярко-ярко освещенный коридор, прищурился и сделал глубочайший вздох, так что перед глазами заплясали черные пятна, содрогнувшись в конвульсии, которую не мог сдержать, но не хотел, чтобы кто-нибудь ее видел.

Шагов через пятьдесят Контроль сообразил, что Уитби оказался в том пространстве, не пользуясь лестницей. Вообразил Уитби ползущим по воздуховодам. Его бледное лицо. Его бледные руки. Тянувшиеся к нему.

На стоянке наткнулся на жизнерадостный фантом, сказавший: «Вид у вас такой, будто вам только что явился призрак!» Он спросил у этого фантома, не слыхал ли он за эти годы в здании что-нибудь странное или не видел что-нибудь из ряда вон. Подав это как непринужденную беседу, просто перешушку — как он надеялся, тоном праздного любопытства или шуточным. Но Чейни уклонился от ответа, сказав:

— Ну, потолки-то высокие, правда? Заставляют видеть то, чего нет на самом деле. Заставляют принимать одно за другое. Птица может оказаться летучей мышью. Летучая мышь — обрывком парящего пакета. Уж так ведется. Принимаешь одно за другое. Птицы-листья. Летучие мыши-птицы. Тени, сотканные из света. Случайные звуки, кажущиеся полными смысла. И ничего не меняется, куда ни подайся.

Птица может оказаться летучей мышью. Летучая мышь — обрывком парящего пакета. Но может ли?

Чейни удалился через стоянку, пятаясь, чтобы сказать ему еще несколько слов, ни одного из которых он на самом деле не расслышал.

Потом, запустив двигатель и проехав через пропускной пункт, почти не помня ни поездки, ни парковки у променада вдоль реки, в благодатной свободе от Южного предела Контроль обрел себя у причала в Хедли. Его транс, его пузырь бездумности проколол крик маленькой девочки: «Ты опаздываешь!» И облегчение, когда дошло, что она обращается не к нему, а к своему отцу, обогнавшему его, чтобы устремиться к ней.

Место, куда его занесло, — «Таверна Робина» — было немногим лучше забегаловки, зато темным и вместительным, с бильярдными столами в глубине.

Контроль заказал неразбавленный виски, как только барменша отдалась от домогательств мужлана, чуточку походившего на пожилую версию квотербека, которого Контроль подстраховывал в старших классах.

— Язык у него подвешен, но подбородков как-то многовато, — заметил Контроль, и она рассмеялась, хоть он и сказал это с желчью.

— Я не слышала, что он говорил, — складки на шее шлепали слишком громко, — сказала она.

Он хмыкнул, на минутку отвлекшись от своих мыслей.

— Че ты делаешь нонча вечерком, золотко? Я прав, что ты делаешь это со мной? — подделываясь под чудовищную манеру того кадриться.

— Сегодня вечером я сплю. Уже засыпаю.

— Я тоже, — отозвался он, все еще похмыкивая. Но чувствовал на себе ее любопытный взгляд, когда она вернулась к мытью бокалов. Разговор продолжался не дольше, чем невесть сколько лет назад с Рейчел Маккарти. И на столь же необязательные темы.

Телевизор с убавленным звуком показывал последствия катастрофических наводнений и массовых убийств в школе в перерывах между рекламными роликами чемпионата по баскетболу. У себя за спиной Контроль слышал разговор группки женщин. «Пока что я тебе поверю... Потому что у меня нет гипотезы получше». «И что нам теперь делать?» «Я не готова вернуться. Пока». «Предпочитаешь побывать здесь, в самом деле, правда?» Не мог сформулировать, почему

их болтовня тревожит его, но передвинулся подальше вдоль стойки. Непредвиденная болтовня раздражала его все больше и больше. Разрыв между их и его миро-восприятием — вероятно, и без того немалый — за последнюю неделю возрос экспоненциально.

Он знал, что если отправится домой, то начнет думать об Уитби Юрдишом, вот разве что не мог перестать думать об Уитби так и эдак, потому что завтра с Уитби придется что-то решать. Или не придется?

Уитби в Южном пределе уже давным-давно. За время службы в Южном пределе Уитби ни разу никому не повредил. «Служба» в качестве преамбулы к размышлениям о том, как сказать «Спасибо вам за безупречную службу столько долгих лет. А теперь забирайте свою жуткую живопись и убирайтесь в жопу». Хотя ему надо переделать уйму прочих дел, а звонка от матери по поводу директорского дома все нет и нет. Хоть он и зализывает рану от утраты биолога. Голос сказал, что Уитби погоды не делает, и, вспоминая это, Контроль ощущал, что Лаури сказал это с осведомленностью человека, отмахивающегося от того, с кем порядком потрудился бок о бок.

Прежде чем закруглиться, опустошенный и малость внутренне окоченевший, он пригляделся к документу Уитби по терруару более пристально. И обнаружил, что если делать это не по диагонали, а наметанным глазом, тот расползается по швам. Что нормально звучащие названия подразделов и введение, цитирующее другие источники, скрывают сердцевину, где воображение слетает с катушек, нимало не заботясь о словах, пытающихся оградить его, направить в колею. Чудовища выглядывают с регулярностью вроде бы заслуженной с учетом видео из пер-

вой экспедиции, но, пожалуй, не в том направлении. В какой-то момент Контроль просто бросил читать. Это было в разделе, где Уитби описывал границу как «невидимую кожу» и рассуждал, что те, кто пытается пройти сквозь нее, не пользуясь дверью, навечно застревают в обширной протяженности *инопространства*. Хотя шаги, которыми Уитби подобрался к этому месту — или времени, — казались трезвыми и отмеченными.

Опять же, Лаури. Контроль спросил Чейни на стоянке и о нем, но Чейни, вопреки обычанию, нахмурился. «Лаури? Вернуться сюда? Не сейчас. Да и никогда, думаю». Почему? Пауза, будто шорох помех переключения линии. «Ну, он контуженный. Повидал такого, чего никому из нас, надеюсь, не доведется никогда. Не может приблизиться, не может уйти прочь. Можно сказать, он подгадал подходящую дистанцию». Лаури, ткущий тенета заклинаний, наговоров, чего угодно, только бы покрепче отгородиться от Зоны Икс, потому что и забыть тоже не в силах. Чувствуя потребность видеть, но слишком боясь посмотреть. Дистанция Уитби куда короче, его петушиное слово куда утробнее.

По контрасту, все непрестанные, неугомонные записки директрисы были степенны, практичны, бесподобны, и все же под конец — когда он заказывал пива, чтобы отполировать первую стопку и легче накатить вторую, — они стали на самом деле бессодержательными, а то и бессмысленными, быть может, столь же бесполезными, как терруар Уитби, и ни черта не объяснят, потому что равнозначны какой-то религии, потому что даже при всем ее дополнительном

контексте, директриса, насколько мог он судить, так и не нашла ответа.

Прохрипел заказ следующей стопки.

Уж такова, наверное, его планида — каталогизировать чужие записки и творить собственные, неустанно и безрезультатно. Отрастить брюшко и жениться на местной жительнице, однажды уже побывавшей замужем. Растить вместе детей в Хедли, сына и дочь, а по выходным душой и телом быть вместе с семьей, чтобы работа была лишь отдаленным воспоминанием, лежащим за стеной, прозванной понедельником. Статься вместе в Хедли, работая в Южном пределе от звонка до звонка и подсчитывая годы, месяцы и дни до пенсии. Ему вручат золотые часы и похлопают по спине, а колени у него к тому времени будут совсем убиты от всей этой беготни трусцой, так что он будет сидеть, поблескивая плестью.

И он все так же не будет знать, как быть с Уитби. И все так же тосковать по биологу. И, возможно, так и не знать, что же творится в Зоне Икс.

Тут давешний пьяный хлопнул его по спине, вышибив из головы все мысли:

— Сдается, я тя знаю. Мы вродь как знакомы. Тя как звать, дружбан?

— Яд Крысиный, — отрезал Контроль.

Правду говоря, если бы тот, смахивающий на школьного квотербека, обратился в нечто монструозное и умыкнул его в ночь, отчасти Контроль был бы и не прочь, потому что приблизился бы к истине о Зоне Икс, и даже будь у истины гребаная пасть, клыкастая пасть, смердящая, как пещера, битком набитая гниющими трупами, это было бы все равно ближе, чем он сейчас.

Когда Контроль во вторник утром выходил из дома, жукофон директрисы лежал на придверном коврике. Вернувшись к нему, глядя на него сверху вниз с одной рукой на полуоткрытой входной двери, Контроль волей-неволей узрел в этом знамение... но знамение чего?

Прыгнув мимо, Чорри метнулся в кусты, а Контроль присел на корточки, чтобы приглядеться получше. Дни и ночи во дворе не очень ему способствовали. Что за гротеск... какое-то животное погрызло корпус, перепачканный землей и травой. Теперь он больше походил на нечто живое, чем прежде. Будто тварь, отправлявшаяся на разведку или рытье норы, а теперь явившаяся отчитаться.

К счастью, под телефоном лежала записка от домовладелицы. Дрожащие каракули гласили: «Это вчера нашел газонокосильщик. Пожалуйста, выбрасывайте телефоны в мусор, если закончили ими пользоваться».

Контроль швырнул его в кусты.

В утреннем свете во время все более длительно-го перехода сквозь двери и вдоль по коридору в свой кабинет воспоминание Контроля о терзаниях Уитби, забитого в полку, об устрашающей росписи на стене приняло несколько иной, более достойный прощения характер: это долговременный распад, обнаружение которого представляется делом экстренным для него лично, но для Южного предела это лишь один симптом из множества, способ вывести Уитби из «зловещей» графы и поместить в «нуждается в нашей помощи».

И все же у себя в кабинете он вывихивал мозги в попытке решить, как же быть с Уитби — попадает ли тот в его юрисдикцию или Грейс? Спустит ли она это на тормозах, сказав что-то вроде «Ох уж этот Уитби». А может, они вдвоем с Грейс поднимутся в секретную комнату Уитби и вволю посмеются над тамошними гротесками, а потом совместно побелят ее заново. А потом отправятся на ленч в компании Чейни и Сю, поиграют в настольные игры и поделятся общей любовью к водному полю. Сю скажет таким тоном, словно он уже не согласен с ней: «Мы не должны принимать значения слов как данность!» — а он выкрикнет в ответ: «Вы имеете в виду слова вроде «границы»?» — а она ответит: «Да, именно это я и имею в виду! Вы догадались! Вы поняли!» За чем последует подобие импровизированной кадрили в воздухе, рассыпавшейся хаосом тысяч сияющих зеленых папоротников и черных искрящихся однодневок, проносящихся поперек дороги.

Или нет.

Недовольно буркнув, Контроль отложил вопрос об Уитби в сторонку и снова зарылся в записки директрисы, имея в виду сведения Грейс о том, на чем была зациклена директриса, пытаясь проречь по этим засущенным потрохам больше, чем они могут содержать на самом деле. Что же до Уитби, то на данный момент Контролю хотелось лишь выгадать дистанцию и время, чтобы не видеть тянущейся к нему руки.

Он вернулся к маяку, исходя из того, что поведала Грейс. Какова цель маяка? Предупреждать об опасности, указывать путь каботажным судам, обеспечивать кораблям подход к берегу и служить дневным знаком.

Что же это означает для Южного предела, для директрисы?

Среди наслаждений в запертом ящике наиболее бро-сающиеся в глаза касались маяка, в том числе и стра-ницы, как подтвердила Грейс, ставшие результатом исследования его истории, неразрывно связанной с историей острова на севере. У этого острова уйма названий, словно ни одно не могло к нему пристать, пока он не превратился просто в Козий остров... хотя там отродясь не было ни одной козы, но это пусть за-гадкой и остается.

А вот что наиболее интересно — пожалуй, даже за-хватывающе, — так это факт, что излучатель маяка на берегу изначально был установлен на маяке, выстро-енном на Козьем острове. Но пути судоходства пере-местились, маяк, помогавший кораблям пройти «чер-ные скалистые рифы, вздыбившие свои уродливые клыки, будто дикие звери, подстерегающие добычу», стал никому не нужен. Старый маяк обратился в руи-ны, но его око изъяли задолго до того.

Как отметила Грейс, сигнальный огонь интересо-вал директрису больше всего: первоклассный объек-тив, представляющий собой не только выдающееся техническое свершение, но и произведение искусства. В латунной раме было установлено свыше двух тысяч отдельных линз и призм, «каждая выточена и отпо-лирована вручную согласно строжайшим требовани-ям». Конечный результат весил свыше четырех тонн, достигая в высоту семнадцати футов, а в диаметре — шести. Свет — поначалу от керосиновой, а потом от электрической лампы, отражаемый и преломляемый призмами и линзами, направлялся в сторону моря. Вся эта информация общего характера была рассеяна

в выдраных страницах путеводителя по маяку, про- дающегося в бумажной обложке едва ли не в каждом приличном книжном магазине с самой поры возникновения Зоны Икс.

Всю конструкцию можно было разобрать и перевозить секциями. «Световыми характеристиками» можно было «манипулировать почти любым мыслимым образом». Отклонять, выпрямлять, переотражать от призматических граней рекурсивной петлей, так что наружу не пробивалось ни лучика. Направлять в стороны. Направлять вниз, на спиральную лестницу, ведущую наверх. Излучать во внешнее пространство. Наклонно через распахнутый люк туда, где лежит тьма путевых дневников уймы экспедиций.

Внушающая тревогу записка — которую Контроль отсеял, потому что в мозгах у него уже не осталось места для тлетворных домыслов, — перечеркнутая крест-накрест и смятая, на обратной стороне билета на местную Бликерсвильскую постановку какого-то изуверства под названием «Гамлет без границ»: «В наличии больше дневников, чем можно отнести на счет членов экспедиций». Все равно рапорта о количестве дневников он нигде не видел.

«Бригада познания и прозрения», действовавшая на побережье с пятидесятых годов, была одержима идеей, что в призмы и линзы внедрили нечто такое, чего там быть не должно. А директриса, словно БПП поделилась какой-то информацией лично с ней, нацелилась на историю сигнального огня, хотя Южный предел как институт уже отмел его как «свидетельство, имеющее отношение к созданию Зоны Икс». Ряд вырванных страниц и обведенных кружком цитат из книги под названием «Знаменитые маяки» показы-

вал, что сигнальный огонь был доставлен как раз на-кануне гражданской войны от производителя, имя которого по пути утратилось. «Таинственная история» включала погребение сигнального огня в песке, дабы он не достался той или другой стороне, затем отправку на север, затем появление его на юге, и в конце концов он всплыл на Козьем острове на Забытом берегу. Контроль не увидел в этой истории ничего таинственного, скорее уж лихорадочные метания, потребовавшие уймы сил на перевозку и перетаскивание этого фонаря, пусть даже разобранного на детали, по всей стране. Сколько же миль сигнальный огонь одолел, прежде чем обрести постоянное пристанище — вот единственная настоящая загадка, вкупе с вопросом, почему кому-то пришло в голову описать звук противотуманного ревуна, как «двух больших быков, подвешенных за хвосты и чередующихся каждые семь и сорок пять секунд».

И все же это пленило директрису, по крайней мере с виду, примерно во время планирования двенадцатой экспедиции, если можно доверять датам на некоторых вырезках. Что заинтересовало Контроля меньше, чем тот факт, что директриса продолжала аннотировать, исправлять и дополнять данные и фрагменты сообщений из источников, которым она не доверяла — возмутительным образом не включенных в DMP-архив Грейс и не упомянутых ни в каких из просмотренных им записок. Это раздосадовало его. Да и банальность занятия тоже, словно он неустанно отыскивает среди того, что она уже знала, то, об отсутствии чего она догадывалась. Означает ли послание, оставленное Контролю директрисой, что он должен возродить прежнее направление поисков, или что у Южного предела уже

исчерпалась идеи, и она начала их без конца рециркулировать, пожирая собственный вторичный продукт?

Как же Контроль ненавидел собственное воображение, как желал, чтобы оно скучожилось, побурело и отвалилось от него. А еще больше он желал верить, что из этих записок проглядывает нечто, что-то потаенное взирает на него, чем смириться с мыслью, что искания директрисы ведут в тупик. И все же не мог ничего разглядеть, по-прежнему видя лишь ее, занятую исканиями, и гадая, почему она так радела в этих исканиях.

Повинуясь импульсу, он снял с дальней стены все картинки в рамках и обыскал их на предмет чего-нибудь припрятанного — снимая матовые подложки, разбирая их напрочь. Но не нашел ничего. Только ка-мыши, маяк, смотритель маяка, глядящий на него с расстояния более тридцати лет, с помощником и девочкой, такими же загадочными, как и прежде. Что-то по-прежнему зудело у него в мозгу, но он никак не мог вытащить это на свет.

После обеда он обратился к DMP-досье Грейс, проводя перекрестную сверку с грудами записок. Что означало — потому что это проприетарная программа — необходимость нажимать Ctrl, чтобы переходить со страницы на страницу. Ctrl начал уже казаться единственным контролем, оставшимся в его распоряжении. Ctrl, имеющий единственную роль, которую он исполняет stoически и без жалоб. Он бил по Ctrl все более озлобленно и сильно, хотя с каждым часом изучение записок все более представлялось этаким благословением по сравнению с Уитби. С каждым часом, пока Уитби не показывал носа, хотя автомобиль

его по-прежнему стоял на парковке. Хочет ли Уитби помощи? Знает ли, что нуждается в помощи? Кто-то должен сказать Уитби, кем он стал. Могла ли Грейс сказать ему? А Чейни? Нет. Они ему пока не говорили.

Ctrl Ctrl Ctrl. Вечно слишком много страниц. Ctrl это. Ctrl то. Ctrl крещендо и арии. Ctrl, вечно прощелкивающий мимо информации, потому что информация, появляющаяся на экране, все равно вроде бы никуда не ведет, в то время как обширный простор беспорядка волнами разбегается от стола к дальней стене с ее четырьмя изображениями в рамках, вмещающими слишком многое.

Стены кабинета начали смыкаться вокруг него. Апатичное перекладывание из папки в папку и притворные старания разобраться на полках уступили место дальнейшим интернет- поискам мест, где биолог работала до включения в состав двенадцатой экспедиции. Эта деятельность оказалась более успокоительной, каждый последующий вид на девственную природу оказывался красивее предыдущего. Но малопомалу начали закрадываться параллели с первозданными пейзажами Зоны Икс, и вид с птичьего полета на некоторых фотографиях напомнил ему последний видеоролик.

Около пяти он устроил перерыв, потом на какое-то время вернулся в свой кабинет после краткой дружеской беседы с Сю и Чейни в коридоре. Хотя Сю казалась раскрасневшейся, почему-то тараторила чесчур быстро и была как-то вся наперекосяк. Чейни положил свою лапищу с бейсбольную перчатку Контролю на плечо на неловкую секунду- другую, говоря: «Вторая неделя! И это наверняка добрый знак, а? Мы

надеемся, что вам здесь придется по душе. Мы открыты для перемен. Мы открыты для перемен, если понимаете, о чем я, стоит лишь вам услыхать, что мы имеем сказать. И как мы это говорим». Слова звучали почти осмысленно, но Чейни тоже сегодня был малость не в себе. У Контроля бывали подобные дни.

Так что осталась лишь проблема Уитби: Контроль не видел его весь день, и на электронные письма тот не отвечал. Казалось, что важно покончить с этим, не позволить переползти на завтра. Он проделает это на глазах у Чейни в научном отделе — придется, — оставив Грейс в сторонке. Это стало его ответственностью, его болячкой. Уитби придется смириться с вынужденным отпуском и консультациями психиатра.

Было уже поздно, седьмой час. Контроль забыл о времени — или оно забыло о нем. Кабинет по-прежнему представлял собой кавардак, соответствующий профилю рассудка директрисы, и DMP-досье Грейс ничуть не переменили этот профиль в лучшую сторону.

Рукопись Уитби по терроризму он прихватил с собой, полагая, что, пожалуй, выдержки из нее убедят Уитби в наличии проблемы. Снова пересек широкое пространство кафетерия. Огромные окна кафетерия, собирая серость небес, обрушивали ее на столы и стулья. Скоро опять пойдет дождь. Столы пустовали. Темная птичка или летучая мышь, прекратив летать, сидела в высоте на стальной балке возле окон. «Там что-то на полу». «Ты когда-нибудь видел что-нибудь подобное?» Обрывки разговоров, когда он миновал дверь кухни, а затем звук вроде надрывных, но чуть слышных рыданий, на миг озадачивший Контроля. А потом

до него дошло, что, наверное, его издает какая-то машина, включенная работниками кафетерия.

Что-то другое терзало Контроля куда дольше, словно он забыл дома бумажник или какой-то другой нужный предмет. Но теперь, когда звук рыданий прорвался в его сознающий разум, это вдруг разрешилось. Отсутствие. Пропал запах тухлого меда. Фактически он вдруг осознал, что не чувствовал тухлого меда весь день, где бы ни побывал. Неужели Грейс реализовала хотя бы эту рекомендацию?

Он обогнул угол, свернув в коридор, ведущий к научному отделу, и продолжил шагать под люминесцентными лампами, мысленно репетируя, что скажет Уитби, предугадывая, что Уитби может сказать — или не сказать — в ответ, чувствуя в руках вес безумной рукописи этого человека.

Подойдя к большим двустворчатым дверям, Контроль потянулся к ручке, промахнулся, попробовал снова.

Но никаких дверей там, где прежде всегда были двери, не оказалось. Только стена.

И эта стена под ладонью была мягкой и дышащей.

Он думал, что закричал, но откуда-то из бездонных хлябей морских.

ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ

В самом сердце другой трагедии Контроль не видел ничего, кроме Рейчел Маккарти с пулевой в голове, без конца падающей в каменоломню. И все это время — ощущение нереальности. Что и палата, куда его поместили, и прикрепленный к нему дознаватель — суть конструкты, и если держаться за эту мысль, дознаватель постепенно растворится, уйдет в небытие, а стены камеры распадутся, и он ступит в реальный мир. Тогда и только тогда очнется, чтобы продолжить свою жизнь, и та покатится по прежней колее, которая довела его до этого места.

Хотя за долгие часы допросов стул, впивающийся в заднюю поверхность бедра, оставил там отметину. Хотя он и чуял горький сигаретный дым, которым пропахла куртка дознавателя, и слышал заикающееся жужжание диктофона, который тот приносил с собой в дополнение к видеозаписи комнаты.

Хотя на ощупь стена была словно шкура ската-манты из аквариума — твердая и гладкая, с шероховатой цепкостью. Но более податливая, а за ней — ощущение чего-то обширного, вдыхающего и выдыхающего. Прорыв в мир запаха тухлого меда, быстро улетающего, но забывающегося с трудом. Будто спиральный завиток бальзамического соуса на блюде от

шефа. Темный ручеек крови, ведущий к трупу в серии але про легавых.

В детстве родители читали ему «Тигр, о тигр, светло горящий»¹. Вместе с ним трудились над проектом по обществоведению — мать занималась изысканиями, а отец резал и клеил. Учили его кататься на велосипеде. Жалкая рождественская сосенка рядом с сараем напомнила ему теперь о первом Рождестве, сохранившемся в памяти. Взгляд через реку на причале в Хедли привел его к озеру у коттеджа, где они с дедушкой рыбачили. Присвоение имен скульптурам у отца на задворках стало шахматами на каминной доске. Однако стена все дышала, что бы он ни делал. Давний удар в грудь шлемом лайнбекера во время борьбы за мяч, отзывающийся только теперь, так что трудно стало дышать, весь воздух вышибло из легких напрочь.

Контроль не помнил, как покинул коридор, но пришел в себя на середине спринта через кафетерий. Стиснув терруарную рукопись Уитби, как в тисках. Собирался забрать из кабинета еще кое-какие вещи. Собирался пойти в свой кабинет и забрать еще кое-какие вещи. Свой кабинет. Свои кое-какие вещи.

И дергал за каждый сигнал пожарной тревоги, который миновал. Перекрикивая сирену, орал на людей, не собиравшихся уходить. Недоверие. Шок. Заперты в голове, как кое-кто оказался заперт в научном отделе.

Но в кафетерии бежал так быстро, что поскользнулся и упал. А вставая, увидел Грейс, придерживав-

¹ Первая строка стихотворения У. Блейка «Тигр». Здесь приведена в переводе С. Маршака.

шую открытой дверь, ведущую во внутренний двор. Хоть кому-то сказать. Сказать хоть кому-то. Там только стена. Там только стена.

Выкрикнул ее имя, но Грейс не обернулась, и, устремившись к ней, он увидел, что она смотрит на кого-то, медленно идущего от края двора под проливным дождем на фоне жженой умбры опаленных краев болота позади. Высокий, темный силуэт, озаренный предзакатным солнцем, сияющим сквозь ливень. Теперь он узнал бы ее где угодно. По-прежнему в экспедиционных вещах. Настолько близко к корявому дереву позади, что поначалу просто сливалась с ним в серятине дождя. И все продвигалась навстречу Грейс неспешным шагом. И Грейс в три четверти перед ней, улыбающаяся, с телом, поющим от радостного предвкушения. Это фальшивое возвращение, растлительное воссоединение. Это конец всему.

Ибо за директрисой тянулись плюмажи изумрудной пыли, и за спиной у нее природа преображалась, наполняясь яркостью, дождь утрачивал свою глубину, свою тьму. Плотность слоев ливня утрачивалась, отнималась, исчезала без следа.

Граница наступала на Южный предел.

На стоянке, тыкая ключом в замок зажигания, позабыв о кабинете, не желая оглядываться. Не желая видеть, если невидимая волна вот-вот накроет его. Все еще машины на стоянке, все еще люди в них, но ему было наплевать. Он уезжает. С ним покончено. Барахтаясь, срывая ногти в панике при мысли, что может застрять там. Навсегда. Крича на машину, чтобы заводилась, когда она на самом деле уже завелась.

Рванул к воротам — распахнутым, без охраны, а позади вообще ни звука. Лишь обширное безмолвие,

стирающее мысли. Руки впились в руль, скрючившись, как когти, впиваясь ногтями в ладони.

Гнал вовсю, наплевав на все, лишь бы добраться до Хедли, хотя и знал, что, может, и это не выход вовсе. Вытащил телефон, уронил, не остановился, нашаривая его уже на подъезде к шоссе, под визг шин влетел на въездной пандус, с облегчением увидел нормальное движение. Подавил дюжину импульсов: остановить машину и с ее помощью заблокировать выезд, опустить окно и сквозь дождь орать предупреждение остальным автомобилистам. Подавил все импульсы, препятствующие глубинному, непробиваемому инстинкту бегства.

Над головой с ревом пронеслись два истребителя, но он их не видел.

Все переключал радиоканалы в поисках текущих новостей. Не зная толком, что будут сообщать, но желая, чтобы сообщили хоть что-то, хотя это еще происходит, еще не закончилось. Ничего. Никого. Пытаясь избавиться от ощущения стены на ладони, утирал ее о сиденья, о руль, о штаны. Сунул бы в собачье дерьмо, только бы отделаться.

Отвернувшись от Грейс, увидел, что Уитби занимает свое обычное место в глубине кафетерия, под фотографией прежних времен. Но теперь Уитби доходил с перебоями, трансляция как-то разладилась. Некоторые из слов по интонации и фактуре все еще напоминали английский. Другие же напоминали видео из первой экспедиции. Уитби не выдержал какой-то фундаментальный экзамен, пересек некий рубикон и сейчас сидел там с диковинно выдвинутой челюстью, пытаясь сподобиться на слова — один-одинешенек,

недосягаемый для помощи. И тогда — или в какой-то момент впоследствии — Контроль осознал, что, быть может, Уитби был не просто чокнутым. Что Уитби стал брешью, прорывом, дверью в Зону Икс, выраженной со временем длиннющим уравнением... и если директриса вернулась в Южный предел, то не из-за или за Грейс, а потому, что Уитби взвывал к ней, как живой маяк. К той ее версии, которая вернулась.

Пойманный собственными мыслями. Что Южный предел был не цитаделью, а наоборот, каким-то медленным инкубатором. Что обнаружение капища Уитби могло что-то запустить. Что доверять словам наподобие «граница» было ошибкой, западней. Медленный распад терминов, распознанный слишком поздно.

Взор Уитби преследовал его в бегстве к парадным дверям, и Контроль бежал чуть ли не боком, только бы не спускать с Уитби глаз, пока не скрылся за углом. Теперь он явственно видел левиафанов из своего сна, глазеющих на него, видящих его с ужасающей ясностью. Он не избег их внимания.

Звонил матери. Загипнотизирай меня. Выгипнотизирай это из меня. Не мог дозвониться. Оставлял сообщения, выкрикивая, почти бессвязно.

Коридор, ведущий к Хедли со всей банальностью часа пик. Будничность идущего дождя, ощущение давления за спиной. Пытался контролировать свое дыхание. Все советы, какие давала ему мать, напрочь вышибло из башки до последнего.

Остановилось ли оно? Остановилась ли директриса? Или все еще надвигается?

Не расползается ли невидимая клякса по всему миру?

Уже мысленно пересматривая в сознании, начавшем возвращаться к нему, начавшем функционировать, что можно было сделать иначе. Что могло повлиять на исход, если вообще что-то могло, или так должно было случиться во что бы то ни стало. В этой вселенной. В этот день.

— Извините, — сказал он в машине — никому, Грейс, Чейни, даже Уитби. — Извините. — Но за что? Какова в этом его роль?

Когда он добрался до основания холма, ведущего к его дому, радиорепортажи начали отражать его реальность лучиками и проблесками света. Что-то произошло на военной базе, вероятно, в связи с «неустанными усилиями по ликвидации ущерба окружающей среде». Наблюдается странное свечение, слышны странные звуки и периодическая стрельба. Но никто ничего не знает. Ничего определенного.

Не считая того, что Контроль теперь понял вещь, все время ускользавшую от него, прятавшуюся в глубоких водах, чтобы он не распознал ее. А теперь явленную — слишком поздно, чтобы от этого был хоть какой-то прок. Ибо по сгорбленным плечам и легкому наклону головы директрисы — там, приближающейся во плоти — Контроль наконец распознал, что девочка на фотографии со смотрителем маяка и есть директриса в детстве. Было в этой сутулости или склонности плеч что-то такое, несмотря на разный угол зрения и разницу в возрасте, что-то безошибочно узнаваемое, если знаешь, что высматриваешь. И теперь, увидев, он уже не мог развидеть. Там, прячась на виду у всех на директорской стене, висела фотография директрисы в детстве, сделанная «Бригадой ПиП», бок о бок с Саулом Эвансом, чьи слова и украшали живыми тканями стены топографической аномалии. Она смо-

трела на это фото в своем кабинете что ни день. Она предпочла поместить фотографию туда. Предпочла жить в Бликерсвилле, в доме, вероятно, принадлежавшем кому-то из родственников с материнской стороны. Кто в Южном пределе знал это? Или это было очередным комплотом одиночки, и директриса прятала все это по собственному почину?

Она была на маяке как раз накануне Явления. Выбралась до начала попыток сдерживания и до опускания границы. Она знала Забытый берег, как себя саму. Были вещи, которые она никогда не предавала бумаге — лишь из-за того, кем была, откуда явилась.

Насколько Контроль понимал, девочка, ставшая директрисой, была последней, кто видел Саула Эванса живым.

Подъехав к дому, посидел там минутку, чувствуя себя истерзанным, опустошенным, неспособным постичь случившееся. Пот лил с него ручьем, рубашка промокла насеквоздь, пиджак потерялся, оставшись в Южном пределе. Выбрался из машины, взглядом обшарил скрытый горизонт за рекой. Не блеклые ли вспышки света там видны? Не приглушенное ли эхо взрывов доносится, или это лишь его воображение?

Когда он обернулся к крыльцу, на ступенях рядом с котом стояла женщина. Он ощутил скорее облегчение, нежели удивление.

— Привет, мать.

Она выглядела почти такой же, как всегда, вот только высокая мода чуток припухла — откуда следует, что под шикарной темно-красной курткой на ней, наверное, легкий бронежилет. И наверняка оружие. Волосы были собраны в конский хвост, отчего черты

ее лица стали жестче. На них отпечатался гнет затяжного недоумения и какая-то боль.

— Привет, сын, — сказала она, когда он протиснулся мимо.

Позволив ей говорить, Контроль открыл входную дверь, прошел в спальню и начал собираться. Большинство вещей, еще чистые, были разложены по ящикам комода, так что положить их быстро и аккуратно в чемодан оказалось легко. Забрать туалетные принадлежности из смежной ванны, захватить кейс, полный денег, паспортов, пистолетов и кредитных карточек. Ломая голову, что из личных вещей захватить с собой из гостиной. Определенно фигурку с шахматной доски. Большую часть слов матери он пропускал мимо ушей, сосредоточившись на текущей задаче. На безупречном ее исполнении.

Грейс так и стояла в ожидании, чтобы поприветствовать директрису, а он умолял ее уходить, умолял отвернуться от двери и бежать как угорелая туда, где есть хоть подобие безопасности. Но она не желала, не позволяла ему утащить себя прочь, собравшись с силами, которых для него в столь паническом состоянии было многовато. Но показала ему пистолет, скрытый в наплечной кобуре, словно это могло утешить. «*У меня свои приказы, и они не ваша забота*». А он уже покинул ее орбиту, покинул все, что осталось в Южном пределе.

Мать заставила его прекратить сборы, захлопнула чемодан, в который он все равно уже напихал слишком много, и, взяв его за руку, вложила что-то в нее, сказав:

— Прими это.

Таблетка. Маленькая белая таблетка.

— Что это?

— Просто прими.

— Почему бы просто не загипнотизировать меня?

Она проигнорировала его, направив к стулу в угол. Он уселся, отяжелев и замерзнув от собственного пота.

— Поговорим, когда примешь таблетку. Когда примешь душ, — бросила она резким тоном, к которому всегда прибегала, чтобы заставить его прекратить спор или пререкания.

— Некогда душ принимать, — отмахнулся он, уставившись на обои, начавшие расплыватьсь. Теперь он будет обитать в самом центре коридоров. Не коснется ладонью ни одной поверхности. Будет вести себя как призрак, которой знает, что если коснется кого-то или чего-то, его прикосновение пройдет насквозь, и это существо тотчас поймет, что он существует в состоянии неизбывных мук.

Северенс дала ему крепкую пощечину, и слух у Контроля пришел в норму.

— У тебя был шок. Я вижу, что у тебя был шок, сын. Я и сама испытала несколько за последние пару часов. Но мне нужно, чтобы ты снова начал думать. Мне нужно твоё *присутствие*.

Он поглядел на нее снизу вверх, такую похожую и такую непохожую на его мать.

— Ладно, — сказал. — Ладно.

Принял таблетку, вскарабкался на ноги, пока не утратил волю, направился в ванную. В глазах директрисы не было ничего узнаваемого. Вообще ничего.

Под душем он расплакался, потому что никак не мог избавиться от ощущения стены на ладони, как ни старался. Не мог отделаться от разрежения дождя, выражения лица Уитби, несгибаемой позиции Грейс или того факта, что все это случилось всего час назад, и он до сих пор пытается свести все это воедино.

Но выбравшись из душа, вытервшись и натянув футболку и джинсы, почувствовал себя спокойнее, почти нормально. Еще немного потряхивало, но таблетка, должно быть, уже подействовала.

Воспользовался дезинфицирующим средством для рук, но фактура осталась на ладони, будто неотступный фантом.

Мать на кухне готовила кофе, но он прошел мимо, не обронив ни слова, сквозь внезапное дуновение холода от решетки кондиционера и открыл входную дверь, впустив волну сырости и жары.

Дождь перестал. Открылся вид до самой реки, до самого горизонта, за которым где-то остался Южный предел. Все было тихо и спокойно, но угадывались призрачные венцы зеленого света, пурпурного света, которым там не место. Видение, как то, что было в Зоне Икс, растекается по земле, сплавляется по реке до Хедли.

— Отсюда мало что увидишь, — заметила мать у него за спиной. — Это все еще пытаются сдерживать.

— Насколько далеко оно распространилось? — спросил он, чуть дрожа, закрыл дверь и прошел на кухню. Отхлебнул кофе, который она поставила перед ним. Кофе оказался горьким, но зато отвлек сознание от руки.

— Не стану лгать, Джон. Дело скверно. Южный предел потерян. Новая граница проходит далеко за

воротами. — Грейс, Уитби, кто знает кто еще, теперь застряли в настоящем кошмаре. — Однако она может остановиться там очень надолго.

— Чушь собачья, — возразил он. — Вам неизвестно, что оно будет делать.

— А может и ускориться. Ты прав, нам неизвестно.

— Вот именно, неизвестно. Я был там, прямо посередке. Видел, как оно надвигается, потому что *ты меня туда сунула*. — Внутренний вой предательства, а потом мысль, осенившая его из-за усталого, встревоженного выражения ее лица. — Но это еще не все, так ведь? Ты мне что-то недосказала. — Как всегда.

Даже теперь она заколебалась, не желая выдавать сведения, засекреченные страной, которой через неделю может и на свете не остаться. А потом проговорила бесцветным голосом:

— Заражение на объектах, с которых изъяли топографа и антрополога, прорвало карантинный кордон и продолжает распространяться, несмотря ни на какие предпринимаемые нами усилия, — злоупотребляя жаргоном и длинными словами, как во всех редких случаях, которые можно перечесть по пальцам одной руки, когда Контроль видел ее потрясенной.

— Боже милостивый, — выдохнул он.

Несмотря на притупляющее воздействие таблетки, ему хотелось избавиться от своих свербящих мозгов, своей воспаленной кожи, плоти под ней, каким-нибудь образом стать столь эфирным и свободным от пут земного тяготения, чтобы истогнуть из памяти, отречься, отречься.

— Заражение какого рода? — Хотя, пожалуй, и так уже знал.

— Такого, что зачищает все. Такого, что не увидишь, пока не будет слишком поздно.

Он просто таращился на нее, не веря своим ушам.

— Так какого же *хера* ты направила меня туда, если знала, что это может случиться?

— Хотела, чтобы ты был там поближе. Хотела, чтоб ты знал, потому что это защитит тебя.

— Это *защитит* меня?! От конца света?

— Быть может. Быть может. А *еще* нам был нужен свежий взгляд, — она оперлась рядом с ним о кухонную стойку. Он всегда забывал, насколько она изящна, насколько стройна. — Мне требовался *твой* свежий взгляд. Откуда мне было знать, что все переменится настолько быстро.

— Но имела представление, что это не исключено.

Она продолжала сочить сведения капля по капле. Он что, должен выуживать их, как пистолет из-под сиденья, только потому, что она их раскрывает?

— Да, имела представление, Джон. Вот почему мы отправили тебя. Вот почему некоторые из нас считали, что нужно что-то делать.

— Скажем, Лаури.

— Да, скажем, Лаури. — Лаури, прячущий задницу в Центре, неспособный взглянуть в лицо случившемуся, словно видео теперь хлынуло в реальную жизнь.

— Ты позволила ему загипнотизировать меня. Позволила им *обработать* меня, — не в силах сдержать негодование даже теперь. Пожалуй, он даже не догадывался, насколько это его уязвило.

— Извини, но в этом я должна была уступить, Джон, — твердо заявила она. — Уступки были обоюдными. Я ставлю нужного мне человека, Лаури получает некоторый... контроль. А ты, кстати, получаешь защиту.

Саркастически, полагая, что уже знает ответ:

— И сколько еще других в Центре, мать? В этой фракции?

— В основном мы, Джон, — Лаури и я, но у нас есть союзники, искренние приверженцы рангом пониже, — произнесла она слабым голосом.

Только они. Заговор двоих против заговора одиночки — директрисы. И теперь все в руинах.

— Что еще? — надавил он, чтобы наказать ее, потому что не хотел даже думать о локализованных Зонах Икс.

Горький смешок.

— Мы задним числом проверили места изъятия членов последней одиннадцатой экспедиции, чтобы проверить, не демонстрируют ли они аналогичный эффект, но не нашли ничего. Так что теперь мы думаем, что они, вероятно, имели иное назначение. И это назначение было заразить сам Южный предел. У нас уже были зацепки и прежде. Мы только интерпретировали их неправильно. Или не вовремя. Или не могли сойтись в том, что это означает. Или что делать. — Трупы, которые разлагались «чуточку быстрее», как выразилась Грейс, когда директриса распорядилась их эксгумировать.

В том, что мать раскололась, он видел признание, что Центр потерпел душераздирающий крах. Что на деле они оказались не способны прозреть сценарий, в котором Зона Икс была умнее, коварнее и находчивее.

И ничто из этого не могло вымарать выражение лица Грейс — под дождем, при приближении директрисы — ликование, искупление, абстрактная идея, безотчетно отразившаяся на ее чертах, что все самоопожертвование, вся преданность, все усердие теперь будут вознаграждены. Что физическая материализа-

ция подруги и коллеги, считавшейся давно погибшей, может зачеркнуть недавнее прошлое. Директрисы, за которой следовало противоестественное безмолвие. С закрытыми глазами — а может, у нее уже нет глаз. Изумрудная пыль с каждым шагом расплескивалась с нее в воздух, на землю. Этой особы, которой там быть не должно, этой оболочки души, от которой он отколпал лишь обрывки.

Мать повела сызнова, и он ей позволил, потому что был лишен выбора, нуждаясь во времени, чтобы акклиматизироваться, как-то приспособиться.

— Вообрази ситуацию, Джон, в которой ты пытаешься сдержать нечто опасное. Но подозреваешь, что сдерживание — дело проигранное. Что нечто, которое ты хочешь удержать, медленно и неумолимо ускользает. Что представляющееся непроницаемым на самом деле со временем становится очень даже проницаемым. Что в барьере больше дыр, чем барьера. И что эта штуковина, чем бы она ни являлась, вроде бы хочет тебя уничтожить, но лишена вождя, чтобы вести переговоры, лишена заявленных целей какого-либо рода. — Ему подумалось, что такая речь могла запросто прозвучать и из уст директрисы.

— Ты имеешь в виду Южный предел — место, куда ты меня послала. С неподходящим инструментарием.

— Я имею в виду, что группа, к которой я принадлежала, уже давненько считала, что Южный предел скомпрометирован, но большинство до сегодняшнего дня верили, что это просто курьез на смех.

— А каким образом ты оказалась замешана?

— Из-за тебя, Джон. Давно. Потому что мне требовалось назначение куда-нибудь неподалеку оттуда, где жили вы с отцом. — И добавила уже от себя: — Это

был побочный проект. Просто приглядеть, мало ли чего. Вышедший на главную роль.

— Но почему именно я?

— Я тебе говорила. — И уже с мольбой, чтобы он понял: — Я знаю тебя, Джон. Я знаю, кто ты. Я бы знала, если бы ты... изменился.

— Как изменилась биолог. — Вспылив, что она представила его под удар, не сказав, не дав ему выбора. Вот только выбор-то у него был — мог остаться и на прежнем месте.

— Что-то вроде того.

— Или просто изменился, типа стал более циничным, измученным, параноидальным или выгоревшим дотла.

— Прекрати.

— С чего бы это?

— Я делала все, что могла.

— Ага.

— Повзрослел же уже, Джон, я серьезно. Я делала все, что могла по обстановке. Но ты еще в бешенстве. Даже теперь еще не остыл. Это уж чересчур.

Разговоры вокруг да около катастрофы. Но разве не так люди всегда и поступают? Если ты еще жив.

Расслабив плечи, он поставил кофе на стойку.

— Я об этом не думаю. Это неважно. Сейчас уже неважно.

— Сейчас это важнее всего, — возразила она.

— Почему?

— Потому что мы можем с тобой больше не увидеться, — ее голос — впервые на его памяти — надломился.

Чудовищность этих слов обрушилась на него тяжким грузом, и он понял, что это правда, снести которую свыше сил. Даже не мог толком уразуметь, как же до этого дошло, хоть и проделал весь путь шаг за шагом.

Крепко обнял ее, прижал к себе, пока она шептала ему на ухо: «*Я пустила все на самотек. Думала, директриса с нами согласна. Думала, все образуется. Я думала, у нас больше времени*». Его мать. Его дрессировщица. Но через минуту придется ее отпустить.

А затем она поведала еще одно, преподнеся это как покаяние.

— Джон, тебе следует знать, что биолог в выходные сбежала из-под нашей опеки. Последние три дня она числится в самовольной отлучке.

Ликовение, прилив неоправданной, эгоистичной эйфории, накатившей отчасти оттого, что пришлось изгнать ее из мыслей, когда разыгрался кошмар в Южном пределе — а теперь она в каком-то смысле вернулась к нему, словно в награду.

* * *

Все остальные ответы на его вопросы всплыли позже, когда мать уже давным-давно уехала в его машине, когда он собрал вещи, бросил кота, взял ее автомобиль, как она и предлагала. Но остановил его на тихой улочке в паре кварталов от дома и угнал другой, потому что не доверял Центру. И вскоре уже был за пределами Хедли, где-то нигде. Проезжая место, где они раньше жили, остро ощущил отсутствие отца. Потому что отец сейчас мог бы его утешить. Потому что сейчас уже неважно, о каких секретах он проговорился или не проговорился.

В аэропорту милях в девяноста от Хедли, в городе, достаточно крупном, чтобы поддерживать международные связи, оставил машину на стоянке вместе с оружием и купил два билета. Один в Гондурас, с пересадкой на западном побережье. Второй — с двумя пе-

ресадками и конечным пунктом милях в двухстах от побережья. Второй он купил по подложному паспорту. Зарегистрировался на рейс до Гондураса и уселся в баре аэропорта, обхватив ладонями стакан с виски в ожидании кукурузника. Перед глазами у него проплывали апокалиптические видения того, что Зона Икс поглощает по мере продвижения ему навстречу. Здания. Автомобили. Грузовики. Общины. Конфликты. Дороги. Войны. Озера. Долины. Аэропорты. Присматривал телепрограммы с субтитрами в поисках любых новостей, пытаясь мысленно обставить людей из Центра, преследующих ее, возможно, уже взявших ее след. Будь он биологом, для начала запрыгнул бы на товарняк, откуда следует, что он мог бы запросто ее нагнать. От места побега она могла добраться как раз туда же, куда и он.

Блондинка в баре поинтересовалась, чем он занимается, и он, не подумав, опрометчиво ляпнул: «Морской биологией». «А-а, правительственный служащий». «Нет, сам по себе», — и только сказав, понял, насколько абсурдно это звучит. Потом потратил долгие минуты, нарабатывая дистанцию между собой и ней. Потому что хотел оставаться там, в баре, среди людей, но не с ними.

— Как она бежала? — спросил он у матери.

— Просто, скажем, она крепче, чем выглядит, и очень находчива. — Предоставила ли ей мать какие-то ресурсы? Время? Возможность? Он даже спрашивать не желал. — Центр подозревает, что она вернется на заброшенную стоянку из-за отсутствия заражения в этом месте.

Но он знал, что она отправится вовсе не туда.

— Ты так же думаешь? — поинтересовалась мать.

— Да, — сказал он.

Нет, она отправится на север, в девственную глушь чуть выше городка Рок-Бей, хоть и не верит, что она биолог. Она отправится в место, имеющее для нее личное значение. Потому что чувствует тягу, а не потому, что этого от нее пожелала Зона Икс. Если она права, будь она засланцем, мозги у нее были бы промыты, как у остальных.

По крайней мере, он предпочел поверить в это сам, чтобы иметь основание собирать вещи, и место, которое считает убежищем. Или укрытием.

Объявили посадку на его рейс. Да, он нацелился на запад, но сойдет на первой же пересадке, оттуда на прокатном автомобиле, сменит его на другой, потом, наверное, угонит, мало-помалу загибая дугу к югу, к югу, предполагающую медленное нисхождение в Центральную Америку. Но потом совсем уйдет в тень и развернется на север.

Он действительно тянул Грейс за собой, хотел увести, схватил за руку и вывел из равновесия, поволок бы за собой, если б мог. Орал на нее. Приводил ей все резоны — первобытные, инстинктивные. Но Грейс ничему не внимала, вырываясь со взглядом, заставившим его опустить руки. Потому что оно наделено самоосознанием. Потому что она собиралась увидеть все до конца, а он не мог так поступить. Потому что на самом деле он не директор. Так что он позволил Грейс нырнуть под дождь, когда директриса подошла почти к самым дверям, и в бездумной панике ретировался в кафетерий, а оттуда в машину. И не чувствовал за собой ни малейшей вины.

Телефон подал сигнал, поведав, что из какой-то невообразимой дали до него долетело последнее,

бесполезное видео из Южного предела, от петуха и козы.

Ролик не поведал ему ровным счетом ничего, не принес облегчения, не дал ни малейшего представления о том, что стряслось с Грейс. Изображение было зернистым, нечетким. Оба ролика длились по шесть секунд и оба обрывались в один и тот же миг. В первом его кресло стояло пустым вплоть до последней половины секунды, когда в него будто бы село нечто размытое. Возможно, директриса, но абрис был очень смутным. Второе видео показывало Уитби, развалившегося в кресле напротив и куролесящего руками нечто диковинное, отчего его пальцы напоминали мягкие кораллы, покачивающиеся в морском течении. И звуковым фоном ко всему — бессловесный гул. Неужели Уитби теперь пребывает в мире первой экспедиции? И если да, ведает ли об этом?

Контроль посмотрел оба видеоролика дважды, трижды, а потом удалил их. Знал, что этим действием не удалит оригиналы, зато сам удалится от них, и это его вполне устраивало.

Как всегда, обдало жаром, а потом леденящий холод в самолете. Возня с потрепанными привязными ремнями. На взлете Контроль все ждал, что какая-то сила смахнет самолет с небес, гадал, будет ли после посадки встречать его Центр — или что-нибудь более странное. Недоумевал, почему посреди полета стюардессы стали так странно на него смотреть, пока не понял, что реагирует на их машинальную доброжелательность остро, словно ни разу не сталкивался с любезностью — или больше не рассчитывает на нее в дальнейшем.

Чета на сиденьях рядом с ним была из разряда надоедливых, но заурядных обывателей, выкладывавших своим слушателям — ему — все без утайки и в очередной раз подтверждавших, что муж и жена — одна сатана. И все же предупредить ему хотелось даже их во внезапном, нежданном наплыве неприкрашенных и почти неподконтрольных эмоций. Как-то выразить, что происходит, что вот-вот произойдет, не показавшись сумасшедшим, не перепугав ни их, ни себя. Но в конечном итоге хлопнул еще одну успокоительную пиллюю и откинулся на спинку кресла в попытке отгородиться от мира.

— Откуда мне знать, что идею отправиться вслед за биологом вложила мне в голову не ты?

— По-моему, биолог была оружием директрисы. В своих рапортах ты доносил, что она ведет себя не так, как остальные. Что бы там ни было ей известно, она представляет собой своего рода шанс. Хоть какой-то шанс.

Контроль поделился с матерью не всем бременем испытанного за свои последние минуты в Южном пределе. Не всем, что видел, или чем стала директриса, или где она выросла, все равно сейчас она в гораздо меньшей степени остается собой, нежели когда-либо в прошлом. Так что какой бы у нее там ни был план, пожалуй, это уже неважно.

— А ты — мое оружие, Джон. Ты тот, кого я избрала *знать все*.

Комфорт пошарпаных металлических подлокотников с засаленной, драной сверху обивкой. Порции неба, расфасованные по овальным окошкам. Ненужные сообщения командира экипажа о ходе полета, перемежающиеся с глупыми, зато успокоительными

шуточками стюардесс по интеркому. Гадал, где сейчас Голос, накатывают ли на Лаури вспышки воспоминаний, или шарики заходят у него за ролики более общепринятым образом. Лаури, его приятель. Лаури, жалостный мегалодончик. Это твой последний шанс. Но шанса-то и не было. А вместо шанса — жертвоприношение. Если его и будут помнить, то как предвестника катастрофы.

Заказал виски со льдом, чтобы видеть его лоск, держать лед во рту, ощущая его гладкость и чуточку прихватывающий холод. Оно убаюкало его, помогло впасть в колею навеянной на себя усталости в попытке притормозить механизм своего рассудка. В попытке сломать этот механизм.

— Что Центр предпримет теперь? — спросил он у матери.

— За тобой придут из-за твоей связи со мной. — Могут прийти и так, потому что не доложился и отправился за биологом.

— Что еще там предпримут?

— Попытаются заслать тринадцатую экспедицию, если дверь еще существует.

— А с тобой что?

— Я продолжу доказывать справедливость курса, который считаю правильным, — сказала она, зная, что это сулит грандиозный риск. Означает ли это, что она вернется или будет держаться подальше от Центра, пока ситуация не стабилизируется? Контроль понимал, что она будет сражаться, пока мир вокруг нее не прекратит существование. Или пока Центр не избавится от нее. Хотел спросить, почему бы ей просто не изъять свои накопления и не отправиться в самый дальний уголок... и ждать. Но если бы он это сделал, она спросила бы его о том же.

В конце полета женщина на сиденье через проход от них попросила его и двоих его соседей по сидению открыть окно перед посадкой.

— Вы должны открыть окно перед посадкой. Вы должны его открыть. Для посадки.

Или что? Или что? Он просто пропустил ее слова мимо ушей, не передал дальше, закрыл глаза.

А когда открыл, самолет уже сел. Никто не ждал его, когда он сходил на землю. Никто не выкрикнул его имя. Арендовав машину, он продолжил путь.

Словно какой-то другой человек вставил ключ в замок зажигания и повел машину прочь от всего, что было знакомо. Пути обратно не будет. Но нет и дороги вперед. Он вроде как уходит в сторону, и как это ни пугает, есть в этом и трепет ликования. Так можно ощутить, что ты еще жив или просто ждешь, что же будет с тобой дальше.

Рок-Бей. Конец света. Если ее там нет, то это лучшее место, чем большинство, чтобы переждать и поглядеть, что же будет дальше.

Закатные сумерки следующего дня. В дрянном мотельчике на побережье, со словом «Пляж» в названии, Контроль одержимо разбирал и чистил свой «глок», купленный у барыги под липовым именем, не прошло и получаса, как покинул аэропорт, прямо из багажника оружейной автолавки. Потом снова собрал его. Необходимость сосредоточиваться на повторяющихся, дотошных действиях отвлекала сознание от лакуны, взбухающей вовне.

Телевизор был включен, но нес полнейшую чушь. Телевизор, не считая невразумительных субтитров насчет возможных проблем «на участке ликвидации последствий экологической катастрофы под назва-

нием Южный предел», не сообщал ни крупицы правды о происходящем. Но это стало бессмыслицей уже давным-давно, хоть никто и не ведал об этом, и Контроль знал, что его презрение отразило бы презрение биолога, сиди она там, где он. А луч света из-за штор — просто случайный заезжий грузовик, несущийся сквозь тьму. И запах гнили, но он думал, что, наверное, принес его с собой. Хоть он сейчас и далеко от нее, невидимая граница рядом — блок-посты, клубящийся свет двери. То, как свет казался почти рельефным, почти складывался в образ в этом пространстве между занавесами, а затем снова отплескивался обратно в ничто.

На кровати — терраурный манускрипт Уитби, в который Контроль не заглядывал с той самой поры, как покинул Хедли. Лишь поместил его в прочный, водозащитный пластиковый футляр. И продолжал мало-помалу постигать с этаким безропотным удивлением, чем-то вроде осознания задним числом или создания подобия римейка событий, призванного смягчить удар, что вторжение разворачивается уже давно, проявилось куда раньше, чем кто-либо, даже его мать, начал догадываться о такой возможности. И что Уитби, наверное, что-то раскүмекал, хоть никто ему и не верил, хоть постижение этого выставило его как на ладони некой сущности, которая тогда постигла *его*.

Покончив с «глоком», он уселся в кресло лицом к двери, стиснув рукоятку изо всех сил, хоть в пальцах и запульсировала боль. Еще один способ не дать этому ошеломить себя. Боль как отвлекающий фактор. Все его знакомые наставники умолкли. Мать, дед, отец — никто из них ничего ему не скажет. Даже рез-

ная фигурка в кармане теперь казалась окостеневшей и бесполезной.

И все это время, сидя в кресле, а затем лежа в постели под ветхим одеялом на застиранных до желтизны простынях с сигаретными подпалинами, Контроль не мог выбросить из головы образ биолога. Выражение ее лица на пустынной стоянке — тот ступор, — а затем, позже, в переговорной, метания из крайности в крайность — презрение, буйство, трогательная уязвимость и горячность, сила. Это подкашивало его. Это разрасталось, пока не захватило его целиком, не оставив незатронутой ни частички. Хоть она могла и не догадываться, не дать за него какашки ломаной. Хотя Контроль и знал, что его вполне устроит, даже если больше не доведется встретиться с ней, лишь бы знать, что она где-то там, жива и предоставлена самой себе. Теперь он стремился во все стороны разом и ни в одну из сторон вовсе. В нем пробудилось странное душевное расположение, не нуждающееся в предмете, источающееся от него, будто невидимые лучи, предназначенные для всего и вся. Он предположил, что это нормальные чувства, когда перевалишь определенный рубеж.

Север — вот куда бежала биолог, и он знал в точности, где окончится путешествие, — точка была указана в ее полевом журнале. Обрыв, который она знает едва ли не лучше всех на свете, где суши обрушивается в море, а море набрасывается на скалы. Он просто должен быть наготове. Центр может настигнуть его прежде, чем он туда доберется. Но за Центром может таиться нечто даже более темное и обширное, вот уж убийственная шуточка. Ведь нечто, настигающее их всех, будет даже менее милосердным — и будет выпыты-

вать их до тех пор, пока они не станут лишь хрупкими скорлупками и шелухой, как полотенце, выжатое до суха и оставленное на солнце.

Если только он не поспеет на север ко времени. Если она там. Если ей известно хоть что-нибудь.

Он покинул мотель с утра пораньше, едва взошло солнце, перехватил завтрак в кафе и продолжил путь на север. Вокруг сплошь скалы, резкие повороты и ощущение, что за каждым бугром машина может нырнуть в небо. Что мыслишку, которую всегда подавляешь — перестать вертеть барабанку, дав полный газ, — на сей раз можешь и не сдержать, взмыв в воздух и смыв напрочь все секреты, которые знал, хоть и не хотел. Температура здесь редко поднимается выше семидесяти пяти¹, и скоро пейзажи стали роскошнее — зелень ярче, чем на юге, а моросящий дождь больше похож на водянную пыль, чем на адские ливни, к которым привык Контроль.

В универмаге крохотного городишко под названием Селк, с автозаправкой, чьи антикварные бензоколонки не принимают кредитных карт, он купил большой рюкзак, набив в него фунтов тридцать припасов. Купил охотничий нож, массу батареек, топор, зажигалки и многое другое, не зная, что может понадобиться и в каком количестве, сколько он времени может провести в глухи, разыскивая ее. Будет ли ее реакция такой, как ему хочется, — и какая же это, собственно говоря? Подразумевая, что она вообще там. Вообразил себя годы спустя — бородатого, живущего плодами земли, вырезающего поделки, как отец, оди-

¹ 75°F ≈ 24°C.

нокого, мало-помалу сливающегося с фоном под бременем одиночества.

Расписывая местную благотворительную акцию, кассирша спросила, как его зовут, и он сказал: «Джон», и с этого момента снова начал пользоваться своим реальным именем. Не Контроль, не какое-либо из вымышленных имен, которые помогли ему добраться досюда. Это заурядное имя. Оно не будет выделяться. Не будет ничего означать.

Однако и дальше придерживался прежней тактики. Благодаря внутреннему терроризму он хорошо узнал многие сельскохозяйственные районы. Во время второго назначения после учебы мотался по Среднему Западу от одного окружного департамента здравоохранения до другого под видом помощи в обновлении программного обеспечения по иммунизации. Но на самом деле отслеживал данные по членам боевых бригад. Он знал окольные дороги по той, другой жизни и влился в них, словно и не уезжал, без труда пуская в ход все уловки, хоть и не пользовался ими давным-давно. Было в этом даже этакое стрессовое ощущение свободы, радостной взбудораженности и простоты, уже порядком подзабытое. И тогда, как и сейчас, у него возбуждал подозрение каждый пикап, особенно с заляпанными грязью номерами, каждый медленный водитель, каждый автостопщик. И тогда, как и теперь, он предпочитал местные дороги с отходящими от них грунтовыми проселками, позволяющими путать след. Пользовался подробными бумажными картами, никакой GPS. Держа мобильник, он было дрогнул, но все же швырнул его в океан и не купил взамен одноразовый. Конечно, он мог бы приобрести что-то, не поддающееся отслеживанию, но все, кому бы он ни позвонил, сейчас уже наверняка на

прослушке. Желание позвонить хоть кому-нибудь из родственников, услышать голос матери в самый рас- последний раз угасало с каждой милей. Будь у него что сказать, взял бы телефон давным-давно.

Порой, ведя машину, он думал о директрисе. Вдоль берегов блестящего мелкого озера в окружении гор, отламывая куски колбасы, купленной на фермерском рынке. Цвет неба настолько светло-голубой, настолько не запятнанный ни облачком, что кажется нереальным. Девочка на старом черно-белом фото. То, как она была зациклена на маяке, но о его смотрителе даже не упоминала. Потому что была там. Потому что была там почти до самого конца. Что она видела? Что знала? Кто знал о ней? Знала ли Грейс? Усердные труды по поиску рычагов и средств со временем привели к найму в Южный предел. Знал ли кто-нибудь по пути ее секрет и думал ли, что это будет хорошей идеей в противоположность компрометации агентства? Почему она скрывала то, что знала о смотрителе маяка? Эти вопросы терзали его — упущеные возможности, отставание, слишком много внимания растению и мыши, Голосу, Уитби, а то, может статься, он разглядел бы это раньше. Досье, оставшиеся при нем до сих пор, не помогали, фотографии, лежащие на пассажирском сиденье, не помогали.

Теперь Джон ехал сквозь ночь, снова и снова выезжая к побережью, его фары выхватывали из тьмы оранжевый пунктир и белые ретрорефлекторы, а порой и серебристо-серое ограждение. Перестал слушать новости по радио. Не знал, не существуют ли деликатные намеки на надвигающуюся катастрофу, собранные им по крохам, только в его воображении.

Все больше и больше хотел сделать вид, что обретается в пузыре без всякого контекста. Что поездка будет длиться вечно. Что путешествие — самоцель.

Когда же слишком устал, то остановился в городке, название которого позабыл, едва выехав за его пределы. Заказал кофе и яичницу в круглосуточной закусочной. Официантка полюбопытствовала, куда он направляется, и он просто бросил: «На север». Она кивнула, не спросив больше ни о чем, — должно быть, разглядев в его лице нечто не располагающее к дальнейшей беседе.

Засиживаться он не стал, скомкав трапезу из-за внушавшего опасение черного седана с тонированными стеклами на парковке и потрепанного старого «Вольво» с наклейками на тему джунглей, чей владелец маячил там с сигаретой несколько дольше положенного.

Морось со стороны моря сгустилась в туман, заставив его ползти на скорости в двадцать миль в темноте, в постоянном неведении, что может вылететь на него из этой хмари. Один раз его до мозга костей тряхнул грузовик, в другой — олень промелькнул в свете фар, будто движущееся полотно, и скрылся.

На рассвете он пришел к заключению, что неважно, если даже мать солгала. Это тактическая деталь, а не стратегическая. Он всегда будет следовать этим курсом, убедив себя, что, едва переступив порог Южного предела, обрек себя вечно пребывать ни там, ни здесь, в дороге, ведущей на север. Скрюченные, истерзанные ветром деревья в тумане расплылись темными, хаотичными клубами дыма, жертвенно обращая себя в пепел, будто прозревая некую версию будущего.

В ночь накануне подъезда к городу Рок-Бей Джон позволил себе последнюю трапезу. Остановился возле шикарного ресторана под названием «Устье реки» в городке, прикорнувшем под сенью прибрежных гор в излучине реки, казавшейся анемичной рядом с волнами и полосами разноцветного песка, разбегающимися от воды, подчеркнутыми разбросанными грудами плавника и погибших деревьев, выглядевших, словно их поместили там, чтобы удержать все это на месте.

Усевшись у стойки, он заказал добрую бутылку красного вина, филе-миньон с чесноком, картофельным пюре и грибным соусом. С напускным наивным энтузиазмом слушал бахвальство Яна, опытного бармена, замаскированное под самоиронию, — забавные истории времен его работы в Лондоне, Париже и Рио — местах, где Джон ни разу не бывал. Порой тот украдкой поглядывал на Джона, обращая к нему изборожденное морщинами нордическое лицо, обрамленное длинными соломенными волосами. Наверное, гадая, не спросит ли его Контроль, что он делает здесь, среди плавника, на закраине света.

Пришло целое семейство — богатое, белое, в рубашках поло, свитерах и брюках хаки, будто сошедшее со страниц каталога одежды. Не обратившее внимания на него. Не обратившее внимания на бармена, заказавшее бургеры и картошку фри. Отец сел слева рядом с Джоном, заслоняя детей от чужака. Вот только где уж им ведать, насколько чужого. Они существуют внутри собственного пузыря: имеют почти все и не знают ничего. И говорили лишь о том, чтобы сидеть прямо и хорошенько пережевывать, о футбольном матче, который только что посмотрели и каком-

то магазине в деревушке. Он им не завидовал. Не ненавидел их. Не чувствовал ни малейшего к ним любопытства. Вся история здесь, все зашифровано, превращено в бессмыслицу. Ничто из этого не имеет ни малейшего значения по сравнению с тайным знанием, которое он носит в себе.

Бармен выразительно закатил глаза в адрес Контроля, терпеливо снося меняющиеся заказы детей и легкое снисхождение в голосе отца, когда тот к нему обращался. А тем временем женщина в парадном мундире и двое ее друзей-скейтбордистов с Эмпайр-стрит эфирно собирались по обе стороны от Джона, таращась этому семейству в рот беззастенчиво голодными взглядами. Сколько же людей прошли незамеченными, не оставившими следа, неуслышанными, не задерживаясь. Угасшие во тьме дерьмовых социальных квартир и промозглых мотелей. Сделанные невидимыми. Сделанные несущественными. И сколько же из них могли быть им. Да и были им по-прежнему, трудясь здесь неведомо для этой семьи и даже бармена, все еще не покладая рук, хотя людей сводит на нет вовсе не незримая граница Зоны Икс, а весь окружающий мир.

Когда семейство удалилось, а вместе с ним и друзья Джона, он спросил бармена:

— Где тут можно взять катер? — любезным заговорщицким тоном. Дескать, я тоже пресыщенный собрат-путешественник. Собрат-авантюрист, порой закрывающий глаза на закон точно так же, как бармен в своих байках. Ты тот, кто нужно. Ты можешь меня затарить.

— Вы разбираетесь в судовождении? — осведомился Ян.

— Да. — На озерах. Недалеко от берега. Чуть дальше — и сам стал бы изюминкой одного из анекдотов Джека.

— Может, и да, — ухмыльнулся бармен. — Может, я сумею это организовать. — Раздробленный свет от люстры, составленной из стеклянных шаров, озарил его лицо, когда он наклонился, чтобы прошептать: — Когда он вам нужен?

Сейчас. Сию минуту. К утру.

Потому что ехать до самого Рок-Бей на машине он вовсе не собирается.

«Соленая жизнь» оказался модифицированным плоскодонным яликом с задранным носом, упрямо не желающим поворачивать направо хоть с видимостью грации. Крохотный сарайчик в качестве каюты по крайней мере отчасти отгородит его от крепких океанских ветров и мощного, хоть и видавшего виды мотора. Белая краска лупилась с древней посудины хрупкими хлопьями, обнажая дерево. Джону она показалась целым буксиром, но на самом деле служила рыбакским баркасом седовласому, брюхастому, кривоногому ходячему воплощению клише рыбака, продавшему ее вдвое дороже, чем лодка того стоила. Можно было подумать, что тот занят каким-то нелегальным побочным бизнесом и, наверное, просто разыгрывает из себя рыбака. Джон купил достаточно бензина, чтобы либо взлететь до небес, либо продержаться до конца света, и погрузил остатки своих припасов.

В комплекте шли весла «на случай чего, ежели мотор сдаст» и навигационные карты, «хотя помогай вам Бог, ежели вы не в укрытии, а заштормило», и ракетница. После толики уговоров, не обошедшихся без

толики денег, в комплект пошли также старый дождевик шкипера, зюйдвестка, трубка, галоши и дырявая рыболовная сеть. Странно было ощущать трубку в рту, а галоши оказались великоваты, зато заставили его поверить, что взгляд издали его мимикрия может и выдержать.

Мотор издавал неровно заикающееся бормотание, не понравившееся ему, но выбора почти не было — да вдобавок он считал, что баркас не уступит в скорости автомобилю на коварных дорогах, подстерегающих впереди, а отследить его будет труднее. Вразвалочку устремляясь по реке к морю, он не мог отделаться от ощущения надвигающегося апокалипсиса, видя в поломанном и обугленном плавнике свидетельство не костров и штормов, а некой более радикальной катастрофы.

Идя на баркасе по бурным водам и спокойным водам, стараясь изучить взбрыки и крены судна, мало-помалу приспосабливаясь к течению, он видел старые дома, приткнувшиеся у скал неподалеку от побережья и несколько диких пляжей. Большинство домов разваливалось, но даже ожившие в сумерках теплом огней казались лишь реанимированными на время. Люди на причалах. Дым от грилей. Вид такой, что к зиме тут все вымрет.

Он миновал брошенный маяк — невысокую коренастую белую башню с черным венцом, напоминавшую шахматную фигуру. Маяк беззвучно скользнул мимо — сквозь облупившуюся краску проглядывают тщательно подогнанные камни, фонарь не горит, и у Джона возникло пугающее ощущение подвоха, словно он путешествует вдоль берега альтернативной

Зоны Икс, хоть и в столь отдаленной местности. Ощущение, что он пересек некий рубеж.

Где-то в тумане, если приглядеться, он мог узреть запутавших, потерянно скитающихся Лаури и Уитби. Где-то еще «Бригада познания и прозрения» делала свои замеры, Саул Эванс взбирался по спиральной лестнице маяка, а девочка, не обращая внимания, играла на камнях внизу. Быть может, даже Грейс, собирающая вокруг себя остатки Южного предела.

Во второй половине дня он добрался до той части побережья, где береговая линия резко изогнулась, образуя бухту, ведущую к городку Рок-Бей. То, что называла «Рок-Бей» биолог, на самом деле представляло собой приливные бассейны и рифы милях в двадцати к северу от городка. Но ее бывший коттедж расположен прямо за городом. Или поселком, если уж по существу. Потому что там всего пятьсот жителей.

«Соленая жизнь» — не то судно, чтобы вытащить его на берег и замаскировать ветками. Но прежде чем двинуться дальше, Джон хотел провести разведку в Рок-Бей. Поэтому рискнул немного зайти в широкую бухту, полускрытый скалистыми островками, вздымающимися из воды. И вскореглядел гнилой старый причал, к которому смог пришвартоваться. Согласно картам, он достаточно близко к местному заповеднику, до которого можно дойти отсюда пешком, а уж там выйти на туристскую тропу, которая и выведет его к городку. Оставил зюйдвестку и шляпу на судне и, прихватив дождевик, бинокль и пистолет, пробрался в глубь суши через кустарник, а там и через лес. Свежий кедровый аромат вдохнул в него силы. Довольно скоро он уже смотрел вниз с утеса на деревянный

мост, ведущий в городок и крохотную главную улицу. Идя по туристской тропе вдоль дороги в город, он задолго до того наткнется на КПП местной полиции, но на тропах не заметил ничего подозрительного — только бегун и парочка подростков, явно подыскивающих местечко, чтобы покурить травки. Однако со своего наблюдательного пункта, глядя с высоты в бинокль сквозь плотные кроны деревьев, он разглядел полдюжины черных седанов и внедорожников с тонированными стеклами, припаркованных на главной улице. От автомобилей так и разило Центром, как и от слишком щеголеватых лесорубов, стоявших возле автомобилей в ярких клетчатых рубашках, джинсах и ботинках, выглядящих чересчур новыми и еще даже толком не обмытыми.

Раз они прибыли в столь малом числе, то либо этот пункт — лишь один из многих, подвергающихся обыску, либо биолог теперь — лишь часть куда более обширной проблемы, а Центр по уши занят в другом месте. Где-то на юге, вероятно.

В зависимости от того, насколько хорошо им известны привычки биолога, они могут считать, что она предпочтет скрываться где-то дальше на севере вдоль побережья. Но сперва они должны исключить этот городок и его окрестности. Вокруг сплошные кустарники и леса, крайне осложняющие передвижение. В таком терруаре могут заблудиться даже бывалые местные, чересчур отдалившись от города, особенно в сезон дождей.

По наитию покинув наблюдательный пункт на утесе, он спустился по тропе, прошел вдоль ручья с перекинутым через него деревянным мостиком, затем по противоположной стороне назад на подъем, который

по череде поросших мхом и кедрами холмов вывел на позицию у воды. Напротив, по ту сторону узкой бухты, расположился коттедж, где когда-то жила биолог. Пригнувшись, он зигзагами пробрался через прогалы среди колючих кустов ежевичника и залег среди скрученных черных деревьев с шипастыми листьями, отыскав хороший наблюдательный пункт.

Коттедж оказался лишь чуточку больше его баркаса, а лес был расчищен ровно настолько, чтобы получился крохотный газон перед домом и грунтовая дорожка, загибающаяся на возвышенность слева. Позади этой возвышенности расположилась скрытая ею более крупная группа строений с главным домом, из невидимой трубы которого вилась струйка белого дыма.

Но из коттеджа дым не поднимался. Там вообще не было видно ни движения — настолько, что это показалось Джону противоестественным. Он продолжал осматривать лес по обе стороны еще добрый час, прежде чем после примерно пятидесяти осмотров местности отметил, что полоска дерна шевельнулась — камуфляж. А еще через пару минут преобразилась в человека с винтовкой с телескопическим прицелом, растянувшегося под военной маскетью, держа коттедж на прицеле. Стоило заметить одного оперативника, как проявились и остальные: среди деревьев, за поленницей, даже неосторожно выглянувший из самого коттеджа. Он понял, что биолог и близко к коттеджу бы не подошла, даже если бы хотела.

Так что Джон ретировался в чащу и пробрался обратно к лодке кружным, изнурительным маршрутом. Вряд ли его заметили, но все равно не стоило испытывать судьбу. И обрадовался, наконец оказавшись на

борту. Он уже исчерпал свой скучный запас заржавевших навыков лесной жизни и считал, что ему просто повезло. И еще раз повезло — в том, что баркас стоял на прежнем месте, а вокруг не было ни души.

Поев холодных бобов прямо из банки, он отчалил. Жался к берегу до последнего, а затем спокойно и ровно выскользнул из устья бухты, пребывая в уверенности, что его каким-то образом разоблачат издали, и Центр набросится на него.

И все же, каким бы широким ни казался простор в такие моменты, вокруг были только чайки, пеликаны и бакланы, да какая-то птица в высоте — наверное, альбатрос. Только неугомонные волны, далекий ревун и силуэты судов вдалеке. И ничего, кажущегося чуждым, ни одна рыболовная посудина не выглядит только-только сошедшей со стапелей.

Легче, лучше уйти подальше от всего этого. Она будет в самом заброшенном, самом изолированном месте, какое сумеет найти, и горе всякому, кто последует за ней.

Она или там, или нет. Если нет, то все это без толку.

Преследование ощущалось, как пульс с перебоями. То прекращалась, то возобновлялось. Через бинокль он видел гоночный катер, стремительно несущийся к нему. Слышал вертолет, хотя и не видел его, и провел двадцать минут на нервах, потратив их на бессмысленную рыбалку своей драной, бесполезной сетью, надвинув свою бесформенную зюйдвестку пониже на лоб. В лепешку расшибаясь, чтобы выглядеть всего лишь рыбаком. А потом звуки стихали, гоночный катер отворачивал к берегу. Все было как прежде, очень-очень долго.

Новый пейзаж выше бухты Рок-Бей оказался даже более чуждым для него и более холодным — отчего накатило облегчение, словно Зона Икс — только климат, тип растительности, простой терруар, хоть он и знал, что это вовсе не так. Так много тонов и оттенков серого — серость, сияющая с небес, непрерывная, бескрайняя и такая недвижная серость. Пестрая матовая серость воды перед дождем, нарушаемая завитками ряби, серость самого дождя, стрелы и всплески на поверхности океана. Серебристая серость настоящих волн дальше в открытом море, накатывающих и разбивающихся о нос, когда Джон вел раскачивающееся судно им навстречу под надрывный вой двигателя. Серость чего-то большого и громоздкого, проходящего под ним, заставив баркас приподняться, а он тем временем пытался удержать судно на месте без мотора, затаив дыхание, не решаясь выдохнуть, когда жизнь так похожа на сон.

Он понял, почему биологу нравился этот уголок планеты, как можно затеряться здесь сотней способов. Как можно даже стать кем-то совершенно непохожим на того, кем себя считаешь. На долгие часы поисков мысли его смолкли. Лихорадочная потребность анализировать, распылять день или неделю отпала, а вместе с ней — бремя и суeta человеческого взаимодействия и вмешательства, больше не гнездившиеся у него в черепе.

Он думал о безмолвии рыбалки на озере в детстве, долгих паузах, о том, что дедушка мог сказать вполноголоса, словно они в какой-то церкви. Гадал, что будет делать, если не сумеет ее отыскать. Отправится ли обратно или растворится в этом пейзаже, станет частью того, что найдет здесь, попытается забыть все,

что было прежде, и станет ни больше ни меньше, чем брызги на носу, пена на берегу, ветер на лице. Эта идея приносила утешение — почти столь же сильное, как стремление отыскать ее, — утешение, неведомое ему уже очень давно, и многие, затерявшиеся вдали у него за спиной, казались нелепыми, фантастическими или и тем, и другим сразу. И были, по самой сути, несущественны.

* * *

Ночью во время странствия дальше на север, привязав судно как можно лучше там, где позволила береговая черта — с подветренной стороны скального островка, достаточно крупного, чтобы заслонить его, где дно могло удержать якорь, несмотря на скользкие водоросли, — он начал видеть далеко позади странные огни. Они вздымались, опадали и скользили по морю и по небу, некоторые белые, а некоторые — с зеленым или пурпурным оттенком. Он не мог понять, заняты ли они поисками или определяются целью менее целеустремленной. Но огни рассеяли чары, и в ту ночь он включил радио, поднеся к самому уху, чтобы не включать громкость, скорчившись в своем спальном мешке. Но расслышал лишь несколько невнятных слов, прежде чем ворвались помехи, и он не мог понять, из-за чего — какой-то катастрофы или отдаленности его местопребывания.

Звезды над головой, большие и неподвижные, были впечатаны в материю ночи, обширной и глубокой, как его сон, его сновидение. Он устал и изголодался по чему-нибудь, кроме консервов и протеиновых батончиков. Его уже тошило от звука волн и звука мотора судна. Прошло трое суток с тех пор, как он покинул

Рок-Бей, а он, не найдя ни следа ее пребывания на побережье, скоро дойдет до самого отдаленного уголка. Он давным-давно миновал места, до которых на сушу можно было добраться по дороге. Дальше только пешком, на вертолете или судне. На самом краю того, что можно назвать Рок-Бей хоть с натяжкой.

Если и дальше экономить еду, воду и горючее, хватит, чтобы продержаться еще неделю, прежде чем придется поворачивать обратно.

* * *

Утро очередного дня. Ветер стих, и он вошел на веслах по течению в бухточку, окруженную черными скалами, острыми, как акульи плавники, обрывистыми, как горные склоны. Он решил подойти поближе, потому что берег выглядел очень похоже на набросок в полевом журнале биолога.

Камни были покрыты морскими блюдечками и звездами, а на мелководье ощетинились шипами сотни темных морских ежей, будто миниатюрные плавучие мины. Он не видел никого уже два дня. Руки саднили и болели от гребли. Ему хотелось съесть че-го-нибудь горячего, принять ванну, найти какой-нибудь ориентир, который позволил бы наверняка определить свое местонахождение. Баркас дал течь, теперь часть времени приходилось тратить на откачивание воды, и он больше боялся отойти от берега, чем сесть на мель или напороться на что-то зазубренное.

Дальше скалы образовали неровную череду или гребень, тянущийся до самого берега, и обходить их было нелегко. Волны поднесли его слишком близко, ударив о них бортом, так что перетряхнуло все кости. Он выставил весло, чтобы оттолкнуться. Сперва оно

соскользнуло, и пришлось повторить попытку, а потом лихорадочно отграбать, пока баркас не оказался на безопасном расстоянии от зоны всасывания и прибоя.

За всем этим он не сразу сообразил, почему весло соскользнуло, почему не раздался обычный хруст и треск. Кто-то ел морские блюдечки и звезды. Скала была почти голой, не считая водорослей. Поглядев через бинокль, разглядел на скалах и чуть впереди, и еще ближе к берегу бледные круглые отметины в тех местах, где морские блюдечки не желали отрываться от насеста.

Поблизости никаких следов огня или жилья, но кто-то — человек или животное — ими кормился. Если человек, им может быть кто угодно. И все же это больше, чем было в его распоряжении вчера. В нем боролись трепет, облегчение и некоторая нерешительность. Кто бы это ни был, если это человек, он мог уже увидеть баркас. Хотел было пристать к берегу, потом одумался и выгреб обратно тем же путем, каким и пришел, обратно вдоль берега всего на одну бухту, заливчик, скрытый за другим скоплением скал, вздымающихся из океана, чтобы образовать негостеприимный остров.

К тому времени течь усилилась, и он понял, что вынужден будет тратить больше времени на отчерпывание, или на страх пойти ко дну, чем на греблю. Так что выгреб поближе к берегу, бросил якорь и вброд вышел на крохотный черный песчаный пляж, укрытый нависающими деревьями, и долго сидел там, ловя воздух ртом и стараясь отдохнуть. Это последний шанс. Можно попробовать починить лодку. Можно попытаться повернуть обратно, доковылять кое-как вдоль

берега до Рок-Бей. Покончить с этим, покончить с этой идеей навсегда. Оставить видение биолога в голове, не ждать ее материализации перед собой, а потом просто повернуться лицом к тому, что вызревает там, позади него. Интересно, что сейчас делает мать, где она. И тут отбрасывает в сторону накатившее воспоминание: Уитби тянет руку с полки, и Грейс у двери, ожидающая директрису.

Вернувшись к баркасу, взял все полезное, что влезло в рюкзак, в том числе и терраурную рукопись Уитби. Немного покачиваясь под весом всего этого, двинулся обратно к веренице черных скал, стараясь держаться под прикрытием вереницы деревьев. Вскоре баркас стал лишь воспоминанием, тем, что существовало когда-то, но теперь ушло в небытие.

В ту ночь он заметил огни в небе, снова отдаленные, но приближающиеся. Вообразил, что слышит рокот корабельной машины, но огни померкли, и он погрузился в сон под шорох и шепот прибоя.

* * *

В сумерках следующего дня Джон заметил движение на скалах, и направил туда бинокль. Ему хотелось верить, что эта фигура принадлежит биологу, что он узнал на фоне изнуренного неба ее силуэт, ее манеру двигаться, но он видел ее лишь в заточении. Инертной. Дезактивированной. Иной.

Сначала он потерял ее из виду почти сразу. Со своей верхней позиции на некотором удалении среди скал он не мог разобрать, то ли она возвращается, то ли движется еще дальше. Скалы и фигура сливались и расплывались, а потом настала ночь. Он ждал появления света или огня, но не увидел ни того ни другого.

Если это биолог, то она выживает в экстремальном режиме.

Прошел еще день, и он не видел ничего, кроме чаек и серой лисицы, трусившей по лесной тропке, но вдруг застывшей при виде него, а затем испарившейся в тумане, окутывающем все слишком уж долго. Его тревожило, что виденный человек мог уйти, что это место могло быть не аванпостом, а всего лишь очередной вехой в длинном странствии. Съел очередную банку бобов, экономно отпил воды из фляги. Скорчился, дрожа, в своем глубоком укрытии. Он снова подошел к пределу своих лесных умений, будучи лучше приспособленным к проселкам и внешнему наблюдению в захолустных городках, чем к жизни на природе. Подумал, что, наверное, потерял фунтов пять. И продолжал глубоко вдыхать ароматы кедров и прочей зелени, используя живое, как временное противоядие.

Фигура снова появилась в сумерках, двигаясь то ползком, то прыгая по черным скалам с такой сноровкой, которая Джону была не по зубам. Когда он через бинокль распознал в ней биолога, сердце у него подскочило, кровь забурлила, а волоски на руках встали дыбом. Эмоции захлестнули его, и он едва сдержал слезы — облегчения или чего-то более глубокого? Он просуществовал внутри самого себя настолько долго, что теперь не был уверен. Зато знал, что если она снова доберется до берега, то исчезнет в лесу бесследно. И шансы выследить ее там не в его пользу.

Однако если она увидит, что он карабкается за ней, а у него не будет шанса предстать с ней лицом к лицу, она выскользнет у него между пальцев, и поминай как звали. Это он тоже знал.

Начался прилив. Свет был тусклым, невыразительным и серым. Снова. Ветер крепчал. В море не было ни огонька, ничто не указывало на существование человеческих существ, кроме взлетов и падений фигуры биолога, да прожилки черного дыма, врезавшейся в небо от какого-то судна настолько далеко в море, что не видно было даже в бинокль. Странные огни позади еще не появились.

Он дождался, когда она будет на полпути от земли, гадая, не утратила ли она часть природной осторожности, потому что отрезать ее оказалось легче, чем следовало бы. Затем проскользнул с противоположной стороны скального гребня, сгорбившись, чтобы не вырисовываться силуэтом на горизонте, хоть фоном ему и будет лес, а не меркнувший свет. Рюкзак он захватил с собой из паранойи, будто его могли украсть, стоит только уйти. Но даже несколько разгруженный, рюкзак выводил его из равновесия, только усугубляя непростую задачу: держа пистолет, карабкаться по скалам. Можно было бы оставить рукопись Уитби, но не спускать с нее глаз ни на минуту казалось все более и более важным.

Он старался делать шаги покороче и подгибал колени, но все равно то и дело оскальзывался на неровных камнях, склизких от водорослей, неровных и острых от краев раковин блюдечек, венерок и мидий. Приходилось подставлять свободную руку, чтобы удержаться на ногах, и резаться, несмотря на ткань, намотанную на ладони. Очень скоро колени и лодыжки начали подкашиваться.

К моменту, когда он оказался на полпути от суши, скальный гребень сузился, и ему не оставалось иного выбора, как вскарабкаться наверх. Когда он поглядел

с этого возвышения в первый раз, биолога нигде не было видно. Из чего следовало, что она либо каким-то чудотворным способом перенеслась обратно на берег, либо прячется где-то впереди.

Как бы он там ни горбился и ни пригибался, она должна была видеть его вполне ясно. Он не знал, к чему она может прибегнуть — камень, нож, самодельное копье? — если не рада его видеть. Сняв зуйдвестку, сунул ее в карман плаща в надежде, что если она смотрит, то хотя бы узнает его. Что это узнавание может означать для нее больше, чем «дознаватель» или «тюремщик». Это может заставить ее засомневаться, если она залегла в засаде.

Три четверти пути, и он задумался, не следует ли развернуться и двинуться обратно. Ноги были как резиновые, под стать валунам, обросшим водорослями. Волны по обе стороны бились о камни с умноженной силой, и, хотя еще не стемнело, солнце стало лишь отблеском на недосягаемом горизонте, озаряющим далекий дым — на обратном пути ему придется воспользоваться фонариком. Что уведомит о его присутствии любого, кто есть на берегу, — не для того он проделал весь этот путь, чтобы выдать ее остальным. Так что он двинулся вперед с чувством фатальной обреченности. Он уже пожертвовал все пешки, всех коней, слонов и ладьи. И теперь удар, угроза стремительной атаки с другого конца доски нацелена на Абуэлу и Абуэло¹.

Утомительный, однообразный труд лазания по скалам, продвижения все вперед и вперед без возврата, наполнил его угрюмым удовлетворением, послав в мышцы последний всплеск энергии. Он довел эту линию расследования до самого конца. Зашел очень да-

¹ Abuela и Abuelo (*исп.*) — бабушка и дедушка.

леко, и к этой мысли подмешивалась печаль по тому, что осталось позади, по множеству людей, с которыми он наладил лишь эфемерные взаимоотношения. Приближаясь к окончности гребня, он желал знать это множество людей лучше, пытался знать лучше. Теперь его забота об отце представлялась уже не самоотверженностью, а усилиями, в том числе ради себя самого, призванными показать, что значит близость с другим человеком.

В конце гребня он вышел к глубокой лагуне с неустанно колышущейся водой, с грубоватой заботой окруженной скалами. Пожалуй, «лагуна» — слишком мягкое слово для булькающей ямы, чьи острые, неровные края могут запросто отрезать руку или голову. Дна не разглядеть.

А дальше — лишь бескрайний океан, прорывающийся внутрь, в клочьях пены разбивающийся о сжатый кулак скал с такой силой, что брызги орошили лицо, а ветер хлестал по нему изо всех сил. Но в лагуне все выглядело спокойным, хоть и неопознаваемым в ее сумрачном отражении.

Она появилась настолько близко — из укрытия слева от него, — что он чуть не отскочил и удержался на ногах в последний миг, наклонившись и подставив руку.

В этот момент он был беспомощен и, выпрямляясь, увидел, что она нацелила на него пистолет. Вроде бы «глок», как его собственный, стандартного образца. Этого он не ожидал. Как-то, где-то она добыла пистолет. Она похудела, скулы заострились, как скалы. Волосы ее начали отрастать, покрыв голову темным пушком. На ней были толстые джинсы и свитер — слишком большой для нее, зато плотный — и высокий

кокачественные коричневые туристские ботинки. На лице ее непокорный вызов боролся с любопытством и еще какой-то эмоцией. Обветренные губы потрескались. Здесь, в своей естественной среде, она выглядела настолько уверенной в себе, что Джон почувствовал себя нескладным и неуклюжим. Что-то встало на свое место. Что-то обострило ее ум и чувства — и, может быть, воспоминания.

— Швырни свой пистолет в море, — приказала она, жестом указав на его кобуру. Ей пришлось возвысить голос, чтобы он расслышал, даже находясь так близко — достаточно близко, чтобы за пару шагов оказался бы совсем рядом и мог бы коснуться ее плеча.

— Он нам может еще понадобиться, — возразил он.

— Нам?

— Да, — сказал он. — Другие на подходе. Я видел огни. — Он не хотел делиться тем, что случилось с Южным пределом. Пока.

— Швыряй сейчас, если не хочешь, чтобы я тебя подстрелила.

Он поверил. Он видел рапорты о ее тренировках. Она сказала, что с оружием не ладит, но мишени этого мнения не разделяли. Предохранитель снят.

Так что с дедушкой версии 4.9 или 5.1 пришлось рас проститься. Он не вел счет экспедициям. Море поглотило его со шлепком, прозвучавшим как прощальная реплика Джека.

Джон поглядел на нее, стоящую напротив, среди волн, разбивающихся о скалы, и, несмотря на сырость и холод, несмотря на факт, что может умереть в ближайшие пару минут, рассмеялся. Это изумило его, даже подумал поначалу, что смеется кто-то другой.

Она сжала рукоятку пистолета покрепче:

— Тебе кажется смешным, что я застрелю тебя?

— Да, — признался он. — Это очень, очень смешно.

Он уже хотел так, что пришлось опуститься на колени и опереться руками о камни. В нем всколыхнулась неистовая радость или истерия, и он праздно, отстраненно задумался, не стоило ли добиваться этого чувства почше. Ее вид на фоне вздывающегося и опадающего моря оказался почти свыше его сил. Но зато он впервые понял, что, явившись сюда, поступил правильно.

— Это смешно, потому что было столько других случаев... столько других случаев, когда я понял бы, почему кто-то хочет пристрелить меня. — Это лишь часть истины, другая же заключалась в том, что ему почти казалось, что Зона Икс собирается пристрелить его, и притом уже очень давно.

— Ты преследовал меня, — сказала она, — хотя я откровенно не желаю, чтобы меня преследовали. Ты явился в такое место, которое большинство людей сочли бы краем света, и загнал меня здесь в угол. Наверное, хочешь задать мне новые вопросы, хотя должно быть яснее ясного, что с вопросами я покончила. И что же, по-твоему, должно было произойти?

Правда в том, что он и сам не знал, чего ожидал, вероятно, бессознательно уцепившись за идею, что в Южном пределе между ними наладилась связь. Но это был не тот случай. Он пропретрзел и высоко поднял руки, словно сдаваясь.

— А что, если бы я сказал, что ответы есть у *меня*, — проговорил он. Хотя предъявить ей ничего вещественного, кроме манускрипта Уитби, и не мог.

— Я бы сказала, что ты лжешь, и была бы права.

— Что, если бы я сказал, что какие-то ответы есть и у тебя. — Сейчас он был так же серьезен, как был беспечен считанные секунды назад. Пытался посмотреть ей в глаза даже сквозь мрак, но не сумел. Боже, как же мучительно прекрасен этот берег, пышная темная зелень елей пронзала ему мозг, сдержанная ярость неба и моря, соленый прибой, налетающий на скалы, как неистовое стружение крови в его артериях, пока он ждал, чтобы она убила его или выслушала. Мятежная мысль: не так уж и ужасно умереть здесь, стать частью всего этого.

— Я не биолог, — сказала она. — Мне нет дела до моего прошлого в качестве биолога, если ты это имеешь в виду.

— Я знаю, — отозвался он. Он догадался об этом еще на лодке, хотя внятно сформулировал это только теперь. — Я знаю, что нет. Однако ты одна из версий. Ты наделена ее воспоминаниями до некоторой степени, и где-то там, в Зоне Икс, биолог может быть до сих пор жива. Ты копия, но ты личность сама по себе.

Не тот ответ, которого она ожидала. Опустила пистолет. Чуть-чуть.

— Ты мне веришь.

— Да. — Все было на виду. Прямо перед ним, в видео, в самой мимикрии клеток, в разнице личности. Однако она сломала шаблон. Что-то в ее создании пошло иначе.

— Я пыталась вспомнить это место, — проговорила она почти жалобно. — Мне тут нравится, но все время у меня ощущение, словно это меня вспоминают.

Потом молчание, нарушать которое Джону не хотелось, так что он просто стоял.

— Ты пришел, чтобы забрать меня обратно? — спросила она. — Потому что обратно я не пойду.

— Нет, вовсе нет, — ответил он и понял, что это правда. Если какие-то интенции в этом отношении и таились где-то в глубине, теперь их как ветром сдуло. — Южный предел больше не существует, — признался он. — Очень скоро там все может измениться до неузнаваемости.

Сумерки сгостились, птицы покинули небосвод, дым поглотила мгла, и бурный прибой казался единственным живым существом, кроме них двоих.

— Откуда ты знал, что я буду здесь? — спросила она в глубокой задумчивости. — Я ведь была так осторожна.

— Я и не знал. Предположил. — Должно быть, его лицо чем-то выдало его мысли, потому что она выглядела чуточку напуганной, чуточку выбитой из колеи.

— Тогда зачем же ты это сделал, если не хотел забрать меня обратно?

— Не знаю. — Чтобы попытаться спасти мир? Спасти ее? Спасти самому? Но на самом деле знал. Со временем комнаты для допросов ничего не переменилось. Практически.

Когда он поднял взгляд снова, она говорила:

— Я думала, могу просто оставаться здесь. Выстроить жизнь, которую ей не удалось, которую она загубила. Но не могу. Ясно, что не могу. Кто-нибудь будет преследовать меня, что бы я ни делала.

Теперь, когда солнце совсем зашло, в глубине лагуны под ногами забрезжил смутно знакомый ему свет.

— Что это там? — спросил он.

— Ничего. — Слишком поспешно.

— Ничего? Поздно лгать — да и бессмысленно. — Никогда не поздно лгать, запутывать, тянуть резину. Уж кто-то, а Контроль это знал.

Но она — нет. Поколебавшись, она призналась:

— Добравшись сюда, я была больна. Однажды ночью пришла сюда, и мне стало дурно, и я на какое-то время потеряла сознание. Очнулась с началом прилива и уже не чувствовала себя больной. Блистание отстало от меня. Но на дне этой ямы что-то появилось.

— Что? — Хотя, пожалуй, ответ ему уже известен. Клубящийся свет чересчур уж знаком, даже раздробленный зыбью и толщей воды.

— По-моему, это путь в Зону Икс, — сказала она, теперь уже выглядя напуганной. — По-моему, я принесла его с собой.

Он не знал, как она это поняла. Подумал, что это может быть правдой, вспомнив слова Чейни о том, каким трудным и изматывающим может быть это странствие. Ужасающее описание границы Уитби.

Тьма стала уже совсем непроглядной, она вырисовывалась лишь тенью перед ним, и оба могли разглядеть огни дальше вдоль берега. Подпрыгивающие. Парящие. Подбирающиеся. Десятки огней. И так далеко внизу — это мерцание, этот намек на невозможный свет.

— Не думаю, что у нас так уж много времени, — сказал он. — Не знаю, есть ли у нас хотя бы эта ночь. Нам надо найти где спрятаться. — Не желая думать о другой возможности. Не желая, чтобы хоть намек на эту возможность вторгся в ее мысли.

— Скоро прилив, — откликнулась она. — Ты должен покинуть скалы.

Но без нее? Даже не видя ее лица, он знал, какое выражение, должно быть, отпечаталось на нем.

— Мы *оба* должны покинуть скалы. — Он не был уверен, что сказал это от всей души. Теперь он снова расслышал вертолет, да и суда тоже. Но если она не в своем уме, если лжет, если на самом деле не знает вообще ничего...

— Я хочу узнать, кто я такая, — вымолвила она. — Здесь я этого сделать не могу. Я не смогу этого сделать, если меня запрут в камере.

— Я знаю, кто ты. Это все у меня в голове, твое личное дело от корки до корки. Я могу открыть его тебе.

— Я не вернусь, — проговорила она. — Я ни за что не вернусь.

— Это опасно, — внушал он, словно она и сама не знает, умоляя. — Это не доказано. Неизвестно, где ты окажешься. — Яма такая глубокая и зазубренная, а вода уже забурлила от волн.

Он видел дива и видел кошмары. Надо только поверить, что это лишь очередная вещь из многих, что это правда, что она познаваема.

Ее взгляд оценил и измерил его. Она покончила с речами. Отшвырнула пистолет. И нырнула в глубь вод.

Он окинул последним взглядом тот мир, который знал. Вобрал его в себя одним громадным глотком, каждую капельку, которую видел, каждую капельку, которую сможет запомнить.

— Прыгай, — сказал голос в его голове.

Контроль прыгнул.

Оглавление

ВОРОЖБА	5
ОБРЯДЫ	97
ХИМЕРЫ	253
ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ	327

Литературно-художественное издание

Джефф Вандермеер
КОНСОЛИДАЦИЯ

Ответственный редактор *В. Хорос*

Редактор *Д. Стрекопытов*

Художественный редактор *В. Безкровный*

Технический редактор *Г. Романова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және енім бойынша
арыз-талаптарды кабылдаушының

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы №», Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 ви. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өтімдік жарадаудың мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы актарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 02.02.2015.

Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «PetersburgCTT».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 2000 экз. Заказ №199.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

В электронном виде можно удалить изображение обложки
сайта www.litres.ru

ISBN 978-5-699-78497-4

9 785699 784974 >

ЛитРес:
один клик до книги

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, [www.bookvoed.ru/](http://www.bookvoed.ru)

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Ставки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 207-55-56.

В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге,
ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.
В Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

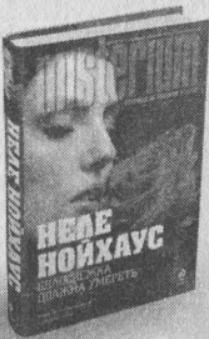
Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

misterium

Всемирно известная серия романов
от признанного мастера немецкого
детектива! Общий тираж в Германии
более 4 000 000 экземпляров!

Неле Ноихаус ныне является не только
ведущим автором детективов в Германии —
её романы имеют огромную популярность
во всей Европе и в крупных странах Азии.

The Wall Street Journal

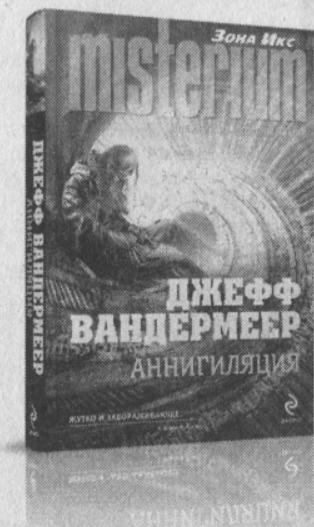

Поклонники жестких триллеров Ю Несбё
насладятся хитросплетениями сюжета.

Library Journal

ДЖЕФФ ВАНДЕРМЕЕР АНИГИЛЯЦИЯ

СЕНСАЦИОННАЯ ТРИЛОГИЯ
ОТ ЛЕГЕНДАРНОГО МАСТЕРА ПСИХОДЕЛИЧЕСКОГО УЖАСА!

ЖУТКО И ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ.

Стивен Кинг

Одна из самых искусных,
САМЫХ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ РАБОТ
блестящего писателя.

Питер Страйуб

Неожиданно
и КРАСИВО ДО УМОПОМРАЧЕНИЯ.

Уоррен Эллис

КОГДА РИСКОВАННАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОВАЛИВАЕТСЯ,
КАЖДЫЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ САМ ЗА СЕБЯ В ЭТОМ
ВОСХИТИТЕЛЬНО ЖУТКОМ СМЕШЕНИИ ФАНТАСТИКИ С КОШМАРОМ.

Никто не знает, откуда взялась Зона Икс — смертельно опасная территория, кишащая аномальными явлениями. Там не бегают чудовища, оттуда не приносят трофеев, и охотники за наживой там не промышляют. Тайная правительственные организация отправляет в Зону одну исследовательскую экспедицию за другой, но чаще всего те не возвращаются — или возвращаются, но неуловимо и страшно изменившись. Сможет ли новая, двенадцатая экспедиция в Зону добиться того, что не удалось предшественникам, и раскрыть тайны этого проклятого места? Оставив позади имена и прежние жизни, четыре женщины — психолог, биолог, топограф и антрополог — отправляются навстречу чуждой, нечеловеческой тайне...

Одна из самых искусных, **САМЫХ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХ РАБОТ** блестящего писателя.

Питер Страйб

Неожиданно и **КРАСИВО ДО УМОПОМРАЧЕНИЯ**.

Уоррен Эллис

Напряженная фантастика, в равной степени продолжающая дело **ДЖОЗЕФА КОНРАДА И ГОВАРДА ЛАВКРАФТА**.

Sunday Telegraph

В таинственной Зоне Икс не бродят мутанты и охотники за наживой, оттуда не приносят удивительных артефактов. Там просто исчезают навсегда – или возвращаются, но странно и жутко изменившись. В очередной бесплодной экспедиции сгинула директор Южного предела – тайной правительской организации, изучающей Зону. Теперь новому директору предстоит разобраться в наследии пропавшей. Проблема в том, что для постороннего эта организация оказывается загадкой, не менее запутанной, чем сама Зона. Где результаты исследований? Почему так странно ведет себя персонал? Чем здесь занимаются на самом деле? Проникая в тайны Южного предела, новый директор приближается к ужасающему открытию...

ISBN 978-5-699-78497-4

9 785699 784974 >